

2022

Volume 16

No 1(59)

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Phone.: +7-910-971-39-04 (Markova Elena Vladimirovna)

2022

Том 16

№ 1(59)

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Тел.: +7-910-971-39-04 (Маркова Елена Владимировна)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-69692 от «05» мая 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 78782. Подписано в печать 10.03.2022. Формат 240×170. Объем 180 с. Тираж 32 экз. Заказ № 22035. Цена свободная. Дата выхода в свет 31.03.2022. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Maksim V. Bavsun (Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia)

Alexander I. Dontsov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)

Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Vladimir P. Konyakhin (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Natalia L. Krylova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia)

Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)

Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)

Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)

Viktoria M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)

Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir P. Fedyuk (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)

Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Elena V. Markova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- М. В. Бавсун (Омская Академия МВД России, Омск, Россия)
А. И. Донцов (МГУ, Москва, Россия)
А. Л. Журавлев (ИПРАН, Москва, Россия)
Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)
А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
В. П. Коняхин (КубГУ, Краснодар, Россия)
Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)
А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)
А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. В. Лушникова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
С. П. Маврин (Конституционный суд РФ, Москва, Россия)
С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)
В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)
Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. П. Федюк (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)
В. Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Е. В. Маркова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

HISTORY

Ierusalimskiy Yu. Yu., Davydov V. V.

The Role of Vitus Bering in the Implementation of the Geopolitical Plans of Peter the Great..... 8

Ierusalimskaya S. Yu.

The State of Schools of the Spiritual Department on the Territory of the Kostroma Province at the end of the 19th - beginning of the 20th centuries: all-Russian laws and local specifics 18

Lyubichankovskiy S. V.

Study Guides for Local Lore about the Participants in the Civil War on the Orenburg Territory..... 28

Kuzmichev A. V.

Financial Activity of Orders of Public Charity in the Upper Volga Provinces 36

Borisova A. V.

The program of the reign of Emperor Alexander I: on authorship and periodization 44

Arkhangelskaya A. A. , Kochetov D. V.

Foreign Policy of the Union of South Africa and Its Relationship with the USSR in 1950–1960th..... 52

Samoylov D. A.

The issue of the Social Addressee of the Early Christian Apologies in the Modern Foreign Historiography..... 64

LAW

Tarusina N. N.

Negative Continuity in Family Law: A Few Touches to an Expressionist Portrait..... 70

Ivanchin A. V., Valeev A. T., Lobacheva T. V.

Actual problems of applying of the norms of parole and replacing the unserved part of the punishment with a softer form in the context of the explanations of Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on October 28, 2021 82

Simonova S. V.

Actual directions for improving the status of information intermediaries in the B2B segment of Russia 92

Lekanova E. E.

The presumption of paternity in the Soviet law 100

Smolyakov A. N.

Theft of non-cash funds and digital currency: problems of constructing the elements of crimes 110

PSYCHOLOGY

Koneva E. V.

Psychological analysis of information materials in judicial and extrajudicial practice 118

Spasennikov V. V.

Methodological approach to assessing the productivity of scientific activity of higher school teachers 128

Trifonova S. A., Sakovskay O. N.

The concept of time as a factor of regulation of social behavior of an in-dividual 138

Voskresenskaya N. G.

Digitalization through the eyes of students: prospects, risks, obstacles 148

Vinarchik E. A., Boiko L. E.

Features of correction of the socio-psychological climate of employees of the office of cleaning companies 154

Petrovskaya T. Y.

Features of early deadaptive schemes of future psychologists depending on the age period 164

Filatov D. O.

Personal determinants of mental reliability students 172

ИСТОРИЯ

Иерусалимский Ю. Ю., Давыдов В. В.

Роль Витуса Беринга в реализации геополитических планов Петра Великого..... 8

Иерусалимская С. Ю.

Состояние школ духовного ведомства на территории Костромской губернии в конце XIX – начале XX столетия: общероссийские закономерности и местная специфика 18

Любичанковский С. В.

Краеведческие учебные пособия об участниках Гражданской войны на территории Оренбургского края..... 28

Кузьмичев А. В.

Финансовая деятельность приказов общественного призрения в Верхневолжских губерниях 36

Борисова А. В.

Программа царствования императора Александра I: об авторстве и периодизации..... 44

Архангельская А. А., Кочетков Д. В.

Внешняя политика ЮАС и его отношения с СССР в 1950–1960-е гг. 52

Самойлов Д. А.

Проблема социального адресата раннехристианских апологий в современной зарубежной историографии..... 64

ПРАВО

Тарусина Н. Н.

Негативная преемственность в семейном праве: несколько штрихов к портрету в стиле экспрессионизма..... 70

Иванчин А. В., Валеев А. Т., Лобачева Т. В.

Актуальные проблемы применения норм об условно-досрочном освобождении и замене неотбытой части наказания в свете разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2021 года 82

Симонова С. В.

Актуальные направления совершенствования статуса
информационных посредников в B2B-сегменте России 92

Леканова Е. Е.

Презумпция отцовства в советском праве 100

Смоляков А. Н.

Хищение безналичных денежных средств и цифровой валюты:
проблемы конструирования составов преступлений 110

ПСИХОЛОГИЯ

Конева Е. В.

Психологический анализ информационных материалов
в судебной и внесудебной практике 118

Спасенников В. В.

Методический подход к оценке продуктивности научной
деятельности преподавателей высшей школы 128

Трифонова С. А., Саковская О. Н.

Представление о времени как фактор регуляции социального
поведения личности 138

Воскресенская Н. Г.

Цифровизация глазами студенческой молодежи: перспективы,
риски, препятствия 148

Винарчик Е. А., Бойко Л. Е.

Особенности коррекции социально-психологического климата
сотрудников офиса клининговых компаний 154

Петровская Т. Ю.

Особенности ранних дезадаптивных схем будущих психологов
в зависимости от возрастного периода 164

Филатов Д. О.

Личностные детерминанты психической надежности студентов 172

The Role of Vitus Bering in the Implementation of the Geopolitical Plans of Peter the Great

Y. Y. Ierusalimskiy¹, V. V. Davydov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-8-17

Research article
Full text in Russian

This article is devoted to the study of the role of Vitus Bering in the implementation of the geopolitical plans of Emperor Peter I. On the basis of research literature and historical sources, Bering's biography, his entry into the Russian service, and participation in hostilities in the Baltic and Azov Seas are revealed. The motives of the choice of the commander of the First Kamchatka Expedition from two applicants: V. Bering and K. von Verden are analyzed in detail. The tasks set by Peter I to V. Bering, their connection with the general goals of Russian foreign policy of the first third of the 18th century, are clarified. Bering's desire to always strive for the strict observance of the Tsar's decrees, his honesty and disinterestedness were noted.

Keywords: Vitus Bering; Peter I; geopolitics; the First and Second Kamchatka expedi

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ierusalimskiy, Yuri Yu. | E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru
| Doc. Sc. (History), Professor

Davydov, Vyacheslav V. | E-mail: v.davydov@uniyar.ac.ru
| Senior Lecturer

Funding: Yaroslavl State University, project VIP-018.

Роль Витуса Беринга в реализации геополитических планов Петра Великого

Ю. Ю. Иерусалимский¹, В. В. Давыдов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-8-17
УДК 930

Научная статья
Полный текст на русском языке

Данная статья посвящена изучению роли Витуса Беринга в реализации геополитических планов императора Петра I. На основе исследовательской литературы и исторических источников раскрыта биография Беринга, его поступление на русскую службу, участие в боевых действиях на Балтийском и Азовском морях. Подробно разбираются мотивы выбора императором Петром Великим командира Первой Камчатской экспедиции из двух претендентов: В. Беринга и К. фон Вердена. Выяснены задачи, поставленные Петром I перед В. Берингом, связь их с общими целями российской внешней политики первой трети XVIII в. Отмечено стремление Беринга всегда добиваться неукоснительного выполнения указов царя, его честность и бескорыстие.

Ключевые слова: Витус Беринг; Петр I; геополитика; Первая и Вторая Камчатские экспедиции

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иерусалимский, Юрий Юрьевич | E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru
Доктор исторических наук, профессор

Давыдов, Вячеслав Викторович | E-mail: v.davydov@uniyar.ac.ru
Старший преподаватель

Финансирование: ЯрГУ VIP-018.

О деятельности В. Беринга и его открытиях имеется многочисленная исследовательская литература. Однако в историографии остается малоизученной его роль в реализации геополитических планов Петра I. В данной статье восполним указанный пробел.

24 января 1725 г. за две недели до смерти Петра I из Санкт-Петербурга вышел первый отряд Первой Камчатской экспедиции, им командовали лейтенант Алексей Ильич Чириков и гардемарин Петр Авраамович Чаплин

© Иерусалимский Ю. Ю., Давыдов В. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

[1, с. 37]. В Вологде к отряду присоединился руководитель экспедиции капитан 1 ранга Витус Йонансен Беринг, выехавший из столицы 5 февраля [2, с. 11]. За день до отъезда 4 февраля 1725 г. Екатерина I вручила В. Берингу определяющий цели и задачи экспедиции именной указ Петра I от 6 января. Он был краток:

«1. Надлежит на Камчатке, или в другом там месте, сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах [плыть] возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля – часть Америки.

3. И для того искать, где она сошлась с Америкой, и чтоб доехать до какого города европейских владений; или ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него, как оной куст [берег. – Ю. И., В. Д.] называют, и взять на письмо, и самим побывать на берегу, и взять подлинную ведомость, и, поставя на карту, приезжать сюда» [1, с. 36].

Инструкция Адмиралтейств-коллегии, врученная В. Берингу, ясности в существо вопроса о цели экспедиции не вносила. Эта размытость впоследствии привела к разногласиям между руководителями экспедиции, поскольку В. Беринг считал задачу выполненной, а А. И. Чириков в 1732 г. отмечал, что им надлежало дойти «до гишпанского владения Мексиканской провинции» [цит по: 3, с. 14]. Еще большую проблему составила такая лапидарность для последующих историков, которые не менее двухсот лет пытаются ответить на вопросы о действительном назначении экспедиции и личности её командира. Существенную часть их еще в 1823 г. сформулировал в присущей эпохе сентиментализма и романтизма форме Василий Николаевич Берх: «Любопытному читателю было бы весьма приятно знать, кто рекомендовал Беринга? Почему был он опять принят в службу? За что произвели его не в очередь в первый ранг и проч. и проч.? Но едва ли когда он сие узнает» [4, с. 98].

За прошедшее с момента этой реплики время, казалось бы, сделано многое в поиске ответов. Большой труд проделан историками по прояснению «белых пятен» в биографии В. Беринга. Из наиболее значимых авторов последнего времени нужно, в частности, упомянуть архивиста Татьяну Сергеевну Федорову [5] и гидрографа Бориса Николаевича Болгурцева [6], а также географа Александра Васильевича Шумилова [7]. Регулярно исследователи пытаются расшифровать замысел Петра I. Но вопросы, заданные 200 лет назад и ранее, всё ещё остаются.

Проработка замысла экспедиции началась, как минимум, в 1724 г. Известен документ Адмиралтейств-коллегии от 23 декабря 1724 г., содержащий ответы на пункты петровского указа об организации экспедиции. В нем со ссылкой на мнение адмиралов Петра Ивановича Сиверса¹ и Наума Акимовича Синявина² отмечалось: «А не худо, чтоб де был над ними командир

¹ В рассматриваемый период – главный командир кронштадтского порта [см.: 8, с. 402–407].

² Член Адмиралтейств-коллегии [см.: 8, с. 336–338].

из капитанов, Беринг или фон Верд [К. фон Верден. – Ю. И., В. Д.], понеже де Беринг во Ост-Индии был и обхождение знает, а фон Верд был штурманом» [1, с. 34].

Остановимся на некоторых деталях биографии Витуса Беринга. Он родился 12 августа 1681 г. в Дании, в г. Хорсенсе. Носил фамилию матери Анны Беринг, принадлежавшей к знаменитому датскому роду. Отец мореплавателя был церковным старостой.

В биографии В. Беринга до его поступления на русскую службу имеются разночтения. Известно, что он совершил два плавания в Индию, первое – в апреле 1695 г., сопровождая своего сводного брата Свенда, приговоренного к 15-летней ссылке в датскую колонию Транквебар на юго-востоке Индии. После завершения второго плавания в 1703 г., возможно в Амстердаме, встретился с вице-адмиралом российского флота Корнелием Крюйсом, норвежцем по происхождению. У него Беринг получил рекомендацию для поступления на русскую службу, которую начал в 1704 г. в чине унтер-лейтенанта [9].

Биография В. Беринга на русской службе не изобилует яркими эпизодами. Первые шесть лет «тянул лямку» на Балтике, командуя небольшими транспортами, возил лес с Невского устья в Кронштадт. Боевых эпизодов намного меньше. Среди них стоит отметить факт участия В. Беринга в обороне устья Невы в 1705 г. от шведов. В 1710–1712 гг. он служил в Азовском флоте, командовал незначительными судами-шнявами «Таймалар» и «Мункер» (с августа 1711 г.). В качестве командира «Таймалара» мог участвовать в одном из немногих боевых эпизодов русско-турецкой войны на море 19 июля 1711 г., когда к Троицкой гавани, где находились русские корабли, приблизились семь турецких галер. Командиры корабля «Уния», шняв «Дегас», «Фальк» и «Таймалар» получили приказ выйти из гавани. Увидев выход русских кораблей, противник на галерах отступил [10, с. 207; 11, с. 178].

В 1712 г. после Прутского мира В. Беринг был переведён на Балтику. В этом же году он проходил службу в русской армии на корабле «Рига» под началом вышеупомянутого вице-адмирала Корнелия Крюйса. Через год происходит важное событие в личной жизни Беринга – свадьба в Выборге. Вскоре после нее он попал в шведский плен, откуда бежал осенью 1714 г. В 1715 г. Беринг провел из Копенгагена в Кронштадт приобретенный Россией корабль «Перл». В том же году под его руководством корабль «Селафаил» перешел из Белого моря в порт Ревель. Этот поход вокруг Скандинавского полуострова был совершен в составе отряда командора Ивана Акимовича Синявина. В следующем году Беринг возглавил вышеупомянутый линейный корабль «Перл» и совершил поход к Борнгольму под штандартом Петра I.

В 1719 г., вновь командуя «Селафаилом», В. Беринг принял участие в бою со шведской эскадрой у Аландских островов. В 1720 г. он был произведён в капитаны 2 ранга, в 1721 г. командовал кораблём «Мальбург», а в 1723 г. –

кораблём «Лесное», названным в честь знаменитой победы Петра Великого. В этом же году, прослужив двадцать лет на русском флоте, Витус Беринг подал прошение об отставке. Причина рапорта – обида на выскочек «из иностранных». В 1724 г., согласно прошению, его уволили с русской службы. Вскоре Беринг вернулся на службу и уже в чине капитана 1 ранга он снова возглавил «Селафаил» [6, с. 31; 5, с. 18; 7, с. 10].

Из ряда хороших командиров петровского флота В. Беринг особенно ничем не выделялся. Почему же Петр Великий выбрал именно его командиром экспедиции на Камчатку? Были в жизни командира два эпизода, когда он мог попасть в поле зрения Петра I. Первый связан с судом над адмиралом Крюсом в 1713 г. за потерю корабля «Выборг» и упущения по службе. Беринг входил в состав суда и голосовал за смертную казнь адмирала, который в свое время рекомендовал его на русскую службу [12, с. 75]. Второй связан, казалось бы, с рядовым назначением в августе 1711 г. командиром шнявы «Мункер». В петровском флоте было две шнявы с таким названием. Первая построена на Олонецкой верфи под личным наблюдением Петра I, после спуска на воду 24 сентября – 5 октября 1704 г. вошла в состав Балтийского флота. Была одним из любимых кораблей Петра, на котором он часто держал свой флаг. Вторая шнява построена в Воронеже и должна была войти в состав Азовского флота. Примечательно, что строил обе шнявы один и тот же мастер – И. Немцов [13]. Зная приверженность Петра Великого к «счастливым названиям кораблей», вряд ли можно считать совпадение случайным. В таком случае В. Беринг был назначен на один из возможных флагманов. Однако, поскольку в итоге Азовский флот не состоялся, проверить гипотезу трудно.

Другой претендент на место командира Камчатской экспедиции – Карл фон Верден – фигура на тот момент времени куда более яркая. Голландец по происхождению, он был взят в плен русскими в 1703 г. при захвате шведской шнявы «Астрильд». На ней он исполнял должность штурмана. Во время пребывания в плену фон Верден перешел на русскую службу. У Карла фон Вердена к моменту выбора Петром I руководителя будущей Камчатской экспедиции уже имелся экспедиционный опыт. В 1719–1720 гг. он в чине капитан-лейтенанта возглавил экспедицию, направленную для исследования Каспийского побережья в рамках подготовки к Персидскому походу Петра I. Результатом стала знаменитая карта Каспийского моря, за которую Петр Великий был удостоен избрания в Парижскую академию наук [14, с. 39]. Затем К. фон Верден был задействован в подготовке и реализации морской части Персидского похода, после которого стал главным командиром Астраханского порта [15, с. 55].

В биографии Карла фон Вердена имелось важное обстоятельство, приближавшее моряка к Петру Алексеевичу. С июля 1713 г. по октябрь 1716 г. он командовал шнявой «Лизет», которая фактически имела статус личного корабля Петра Великого [16], а в 1717 г. на корабле «Ингерманланд», также

одного из флагманов русского флота и любимого корабля Петра I, производил гидрографические работы на Балтике [17, с. 78–79].

На первый взгляд кандидатура К. фон Вердена казалась предпочтительней в качестве организатора экспедиции на край империи, где всё надо создавать с нуля и заниматься исследованиями местности. Фон Верден являлся известным исследователем, опытным организатором, имел опыт команды не только отдельными судами, но и отрядами кораблей. Однако начальником экспедиции стал В. Беринг. При чем выбор был сделан, судя по всему, лично императором.

Чтобы понять возможные мотивы Петра, необходимо оценить, какую задачу должна была решать экспедиция и её будущий командир. Существует несколько гипотез. Одни авторы считали, что главной задачей экспедиции был поиск Америки [3, с. 12–16; 18, с. 20–21; 19, с. 53–56]. Другие полагали, что Петр I поставил задачу географических изысканий, включая поиски пролива между Азией и Америкой, ради престижа России [см., например: 20, 21, 22] или по просьбе своего друга Лейбница и Парижской академии наук [4, с. 5; 23, с. 146, 187–188; 24]. Исследователями обсуждалась и «колониальная» версия [см., например: 25, с. 25–26].

Между тем нельзя вырывать Первую и Вторую Камчатские экспедиции из общего контекста российской и мировой истории. Если, вслед за А. Ю. Петровым и еще рядом авторов, попытаться оценить экспедиционную активность России на Тихом океане в Петровскую эпоху, то окажется, что все российские экспедиции были нацелены на решение общего комплекса задач [26].

Обратимся к историческим источникам. Известно, что в 1714 г. якутский воевода дал наказ служилому человеку К. Соколову, кормщику Я. Невейцыну, пятидесятнику М. Кривоносову о поиске морского пути на Камчатку и об описании открытых земель [1, документ № 3]. В 1716 г. сибирский губернатор князь М. П. Гагарин организовал по указанию царя экспедицию под руководством якутского воеводы Я. А. Ельчина. Эта экспедиция вошла в историю под именем «Большой Камчатский наряд». Перед ней были поставлены следующие задачи: исследование побережья от р. Колыма до р. Камчатка, островов вблизи Камчатки, Анадырского мыса, поиск полезных ископаемых, установление, по возможности, контакта с Японией [1, документ № 7].

Несмотря на неудачу «Большого Камчатского наряда», Петр Великий продолжил свои действия в указанном направлении: в 1719 г. началась экспедиция геодезистов Ф. Ф. Лужина и И. М. Евреинова, получивших личную инструкцию царя. Им предписывалось «ехать до Камчатки и далее, куда вам указано, и описать тамошния места: сошлася Америка с Азиею, что надлежит зело тщательно сделать не только зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карте исправно поставить» [1, документ № 11]. Расплывчатый характер документа, наличие ссылок на некие дополнительные указания, как и в слу-

чае с Первой Камчатской экспедицией, стимулировал дискуссию историков о целях предприятия [1, документ № 11, примечание 1]. А. Ю. Петров с соавторами справедливо отметили, что перед геодезистами ставились цели изучения Курильских островов, поиски возможных полезных ископаемых и проведывание пути в Японию [26, с. 275].

Учитывая полученный кабинетом Петра I в 1715 г. отчет якутского воеводы о плавании И. П. и П. П. Козыревских с группой казаков к Курильским островам, в ходе которого состоялся их контакт с японцами [1, документ № 6, 17], а также обстоятельства еще ранее состоявшегося знакомства царя с попавшим в Россию в результате кораблекрушения японцем Дэнбеем [27], версия о внимании императора к «японскому направлению» выглядит вполне мотивированно. Однако это составляло лишь часть предполагаемого Петровского «имперского замысла», которому была подчинена вся исследовательская деятельность русских первопроходцев в Тихом океане в первой половине XVIII в.

Если обратиться к истории мореплавания, то к тому времени европейцы уже сто пятьдесят лет искали Северо-Восточный проход – морской путь из Западной Европы в Восточную Азию в обход Северной Европы и Азии. Петровские преобразования подключили к развитию этой идеи российских «проектёров». В 1713–1714 гг. командированный в Западную Европу корабельный мастер Ф. С. Салтыков представил Петру Великому доклады «Препозиции» и «Изъявления прибыточныя государству» [1, документ № 1, 2], в которых излагался план исследования и освоения того, что в наше время называется Северным морским путем. Многие предложения Ф. С. Салтыкова были реализованы в рамках Второй Камчатской экспедиции, однако, как отреагировал на них Петр I в указанный отрезок времени, достоверно неизвестно.

Мысли о поиске морского пути в Азию и Америку с Камчатки высказывал императору капитан-лейтенант Ф. И. Соймонов [28, с. 42–43]. Приближенный к Петру I А. К. Нартов сообщил о разговоре больного царя с генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным при вручении наказа Первой Камчатской экспедиции: «Я [Петр I] вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию» [цит. по: 29, с. 14]. К открытию морского пути в Индию через Северный Ледовитый и далее Тихий океаны Петр Великий стремился давно и упорно. Идее открытия для России торгового пути в Индию были подчинены и Персидский поход, и экспедиция Бековича-Черкасского, и разведывательная активность в Средней Азии [14, с. 23–30], и проект посылки кораблей на Мадагаскар.

Таким образом, российскую активность на Тихом океане можно рассматривать как этап реализации замысла Петра об установлении торгового пути со странами Азии: Индией и Японией. Северо-Восточный проход, несомненно, был желательной частью этого замысла.

О наличии такого проекта может косвенно свидетельствовать извещение о результатах экспедиции в «Санкт-Петербургских ведомостях» 16 марта 1730 г., где отмечалось, что Беринг достиг 67 градуса 19 минут северной широты и подтвердил, что «тамо подлинно северо-восточный проезд имеется, таким образом, из Лены, если бы в северной стране лёд не препятствовал, водяным путем до Камчатки и тако да Япона, Хины [Китай] и Ост-Индии доехать возможно было» [18, с. 38]. Инструкции, подготовленные «птенцами гнезда Петрова» руководителю Второй Камчатской экспедиции, содержали задачи, нацеленные на поиск морских путей в Америку и Японию, включая изучение северного побережья Сибири [1, документ № 87].

Петру I требовался точный исполнитель разработанного им плана. На эту роль В. Беринг подходил лучше других офицеров военно-морского флота Российской империи. Он всегда успешно выполнял поставленные задачи, не провалил ни одного порученного ему дела. Из переписки участников Камчатских экспедиций видно, что он смог полностью подчинить себя задачам экспедиции, принося в жертву личные амбиции, проявляя, по оценкам Т. С. Федоровой, выдержку, терпение и мужество под градом доносов, направленных на него в Петербург, сумел в интересах дела погасить многочисленные конфликты между своими помощниками, администрацией Охотского порта, обеспечил провиантом и всем необходимым участников похода [22].

Важным было и то, что он не гнался за славой, был осмотрителен и взвешивал решения. Историк из Петропавловска-Камчатского Т. В. Воробьева цитирует слова Г. Стеллера: «Беринг не способен был к скорым и решительным мерам, но может быть пылкой начальник при толиком множестве препятствий, кои он везде встречал, исполнил бы порученное ему гораздо хуже» – и С. Вакселя: «Он не раз говорил мне, что, мол, нехитрое дело загнать людей в места, где они сами могут себя пропитать, а вот обеспечить их содержание – это дело, требующее предусмотрительности и разумной распорядительности» [30]. Риск того, что В. Беринг в погоне за славой бросится открывать новые земли, игнорируя указания императора, был минимальным.

Т. С. Федорова оценила Беринга так: «...он всегда отличался исполнительностью, дисциплинированностью, выдержкой, честностью и добросовестностью. Это был уже зрелый, опытный, обладавший организаторскими способностями человек, которому можно было поручить столь важное государственное дело. Петр I знал Беринга лично и считал возможным доверить ему руководство экспедицией» [5, с. 23]. Замечания о дисциплинированности и честности немаловажны. В этом В. Беринг выделялся в лучшую сторону по сравнению с большинством офицеров ведущих стран мира XVIII в. Он не был замечен в самоуправстве и коррупционных скандалах. Это служило императору гарантией, что за многие тысячи верст от Петербурга начальник экспедиции не пустится во всевозможные бесчинства – от пьянства и лихоимства до открытого пренебрежения законами и монаршей воли.

Петр Великий был уверен, что В. Беринг не отступит от его указаний, несмотря ни на какие трудности, что и произошло на самом деле.

Для современной карты мира значение открытий, сделанных во время Первой и Второй Камчатских экспедиций, чрезвычайно высоко. Был заново открыт пролив между Евразией и Америкой. Почти за сто лет до экспедиции В. Беринга этот пролив в XVII в. открыл русский первопроходец С. Дежнев, но за давностью лет про его открытие забыли даже на родине, в Московском царстве. Сохранились документы, из которых видно, что ни Беринг, ни организовавшие его экспедицию русские власти ничего не знали о проливе. Поэтому вполне закономерно, что на карте мира пролив носит имя Беринга, а мыс на восточной точке евразийского побережья называется мысом Дежнева.

Таким образом, в наши дни изучение роли Витуса Беринга в реализации обширных геополитических планов Петра Великого имеет большое значение для лучшего понимания многих аспектов внешней политики Российской империи в 20-х–30-х гг. XVIII в.

Ссылки

1. Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в. Т. 1: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. (1713–1743 гг.). М.: Наука, 1984. 320 с.
2. Голодяев К. А. Верхнее Приобье в камчатских экспедициях Витуса Беринга // Развитие территорий. 2018. № 1 (11). С. 11–15.
3. Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку, 1732–1799. М.: Международные отношения, 1991. 302 с.
4. Берх В. Н. Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой? И совершенное в 1727, 28 и 29 годах под начальством флота капитана Витуса Беринга с прибавлением краткого биографического сведения о Капитане Беринге и бывших с ним офицерах. СПб.: При Императорской Академии наук, 1823. 126 с.
5. Федорова Т. С. Встречи с историей. Северная Пацифика глазами исследователя: сб. ст. / сост. И. В. Витер. Петропавловск-Камчатский: Кампресс, 2011. 312 с.
6. Морской биографический справочник Дальнего Востока и Русской Америки, XVII – начало XX века / сост. Б. Н. Болгурцев. Владивосток: Уссури, 1998. 232 с.
7. Шумилов А. В. «Самая дальняя и трудная и прежде никогда не бывалая»: Последняя экспедиция Витуса Беринга. М.: Прогресс, 1992. 192 с.
8. Русский биографический словарь. СПб.: Типография Демакова, 1904. Т. 18. 673 с.
9. Епишкин С. Витус Беринг. Загадки биографии // Знание – сила. 2012. № 2. С. 105–111.
10. Елагин С. И. Рождение русского флота. Азовский период 1695–1711 гг. М.: Вече, 2017. 346 с.
11. Глебов А. М. Российское военное парусное кораблестроение XVIII–XIX веков. Опыт исторической реконструкции: дис. ... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2016. 450 с.

2. Морские сражения русского флота: Воспоминания, дневники, письма. М.: Военное издательство, 1994. 559 с.
3. Крайнюков В. Г. Петровский корабель Иван Немцов // Морской исторический сборник. СПб.: Паллада, 1992. Вып. 3. С. 58–65.
4. Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига, 2010. 381 с.
5. Гребенщикова Г. А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. СПб.: Остров, 2012. Т. 1. 511 с.
6. Данков М. Ю. Загадочная балтийская шнява «Лизет» // Гангут. 2012. № 69. С. 109–123.
17. Веселаго Ф. Ф. Общий морской список. Ч. 1: От основания флота до кончины Петра Великого. СПб.: Тип. В. Демакова, 1885. 454 с.
18. Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 годах. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 425 с.
19. История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. Т. 1: Основание Русской Америки (1732–1799) / отв. ред. акад. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отношения, 1997. 478 с.
20. Шопотов К. А. Первая Камчатская экспедиция Беринга-Чирикова 1725–1730 гг. (К 290-летию первой русской научной правительственной океанографической экспедиции в Тихий и Ледовитый океаны) // Материалы XXXV Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский: Камч. обл. науч. б-ка им. С. П. Крашенинникова, 2018. С. 211–217.
21. Беспалько Д. Н. Цели и задачи работы академического отряда Г. Ф. Миллера в 1733–1743 гг. // Инновационная наука. 2017. № 7. С. 29–33.
22. Фёдорова Т. С. Письма руководителей Камчатских экспедиций – отражение жизни и взаимоотношений их участников // Материалы XXXII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский: Камч. обл. науч. б-ка им. С. П. Крашенинникова, 2016. С. 284–292.
23. Герье В. Лейбниц и его век. Т. 2: Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб.: Печатня В. Головина, 1871. 207 с.
24. Андреев А. И. Экспедиции В. Беринга // Известия Всесоюзного географического общества. 1943. Т. 75, вып. 26. 1943. С. 34–44.
25. Экспедиция Беринга: сб. док. М.: Гл. архив. упр. НКВД СССР, 1941. 420 с.
26. Петров А. Ю., Ермолаев А. Н., Коскина М. М. Петр I и рост интереса России к освоению Тихого океана, 1711–1722 // Quaestio Rossica. 2021. Vol. 9. № 1. С. 265–280.
27. Федорова Т. С. Жизнь японцев в России и Русской Америке начиналась с Камчатки // «Камчатка разными народами обитаема»: материалы XXIV Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский: Камч. обл. науч. б-ка им. С. П. Крашенинникова, 2007. С. 179–188.
28. Гольденберг Л. А. Федор Иванович Соймонов (1692–1780). М.: Наука, 1966. 263 с.
29. Пасецкий В. М. Витус Беринг (1681–1741). М.: Наука, 1982. 174 с.
30. Воробьева Т. В. «Меняющийся облик Витуса Беринга...»: Петер Ульф Меллер о российской историографии Витуса Беринга // Материалы XXX Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский: Камч. обл. науч. б-ка им. С. П. Крашенинникова, 2012. С. 43–50.

The State of Schools of the Spiritual Department on the Territory of the Kostroma Province at the end of the 19th - beginning of the 20th centuries: all-Russian laws and local specifics

S. Yu. Ierusalimskaya¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-18-27

Research article
Full text in Russian

Based on archival data, the article examines the activities of parish schools in the Kostroma province in the late 19th - early 20th centuries. Particular attention is paid to the direction of the vector of state policy in relation to the schools of the department of the Holy Synod, a comparative analysis of the quantitative indicators of schools of the clerical department and zemstvo educational institutions. For comparison, information is given on the zemstvo schools in the Kostroma province and other types of primary educational institutions. The article shows the reformation of parochial schools in May 1917.

Keywords: public education; Kostroma province; parish schools; literacy schools; school network; teachers; zemstvo

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ierusalimskaya, Svetlana Yu. | E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru
| Doc. Sc. (History), Senior Researcher

Funding: Russian Science Foundation, project 22-28-01231, <https://rscf.ru/project/22-28-01231/>.

Состояние школ духовного ведомства на территории Костромской губернии в конце XIX – начале XX столетия: общероссийские закономерности и местная специфика

С. Ю. Иерусалимская¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-18-27
УДК 94 (47)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье на основе архивных данных рассматривается деятельность церковно-приходских школ в Костромской губернии в конце XIX – начале XX века. Особое внимание уделяется направлению вектора государственной политики по отношению к училищам ведомства Св. Синода, сравнительному анализу количественных показателей школ духовного ведомства и земских учебных заведений. Для сопоставления приведены сведения по земским школам Костромской губернии и другим типам начальных учебных заведений. Показано реформирование церковно-приходских школ в мае 1917 г.

Ключевые слова: народное образование; Костромская губерния; церковно-приходские школы; школы грамоты; школьная сеть; учителя; земство

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иерусалимская, Светлана Юрьевна | E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru
Доктор исторических наук, старший научный сотрудник

Финансирование: РНФ, проект № 22-28-01231, <https://rscf.ru/project/22-28-01231/>.

Советская историческая литература мало внимания уделяла церковно-приходским школам (далее – ЦПШ) Российской империи, считая их символом косности и начетничества. Ситуация существенным образом изменилась после 1991 г., когда начался постепенный отказ от формационного подхода к изучению отечественной истории. Уже в конце XX века появились работы, в которых рассматривалось функционирование церковно-приходских школ России. В 2000–2020 гг. изучение истории ЦПШ в общероссийском и региональном масштабе было продолжено Т. Г. Леонтьевой, Т. А. Красницкой, Е. В. Крутицкой, Е. С. Веденским, Т. Е. Житеневым, В. И. Терениным, А. А. Валитовым и др. исследователями [1–9]. Вместе

© Иерусалимская С. Ю., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

с тем роль ЦПШ среди различных типов начальной школы Костромской губернии в конце XIX – начале XX века не была предметом специального научного изучения.

Восполнить данный пробел поможет широкий круг источников [10–17], которые следует разделить на несколько групп: законодательные акты; делопроизводственная документация; данные статистики и периодическая печать.

Период конца XIX – начала XX столетия в отечественной истории являлся переломным в деятельности начальных учебных заведений ведомства Св. Синода. Начиная с 1865 г., со времени появления первых земств и первых земских учебных заведений, количество церковно-приходских школ на территории Российской империи постепенно и ежегодно сокращается, а к концу 1870-х гг. оно уменьшается почти в пять раз (см. табл. 1).

Таблица 1

**Количество школ духовного ведомства и учащихся в них
на территории России в 1865–1880 гг.¹**

Год	Количество церковно-приходских школ	Число учащихся обоего пола, чел.
1865	21.420	413.524
1866	19.436	383.181
1867	17.189	391.106
1868	16.287	390.049
1869	15.914	378.354
1870	13.007	293.164
1871	10.381	253.413
1872	9.059	228.036
1873	8.028	197.861
1874	7.672	193.713
1875	7.402	205.559
1876	6.811	197.191
1877	6.321	180.771
1878	5.974	171.937
1879	4.681	118.230
1880	4.348	108.990

Из таблицы 1 видно, что за период 1865–1880 гг. число школ духовного ведомства на территории России ежегодно сокращалось в среднем от 400 до 200. Та же тенденция прослеживается и в отношении учащихся учебных заведений Св. Синода, что связано с активным развитием более конкурентоспособных земских школ, которые на данном этапе показали свою эффективность в большинстве земских губерний. Однако уже с 1881 г.

¹ Таблица 1 составлена по: [11, с. 72–73].

количество духовных учебных заведений по всей стране демонстрирует устойчивый рост, о чем свидетельствует таблица 2.

Таблица 2

Количество школ духовного ведомства и учащихся в них на территории России в 1881–1886 гг.²

Год	Количество церковно-приходских школ	Число учащихся обоего пола, чел.
1881	4.404	104.781
1882	4.521	115.804
1883	5.942	118.599
1884	4.640	112.114
1885	8.351	202.350
1886	11.693	318.652
1887	15.471	272.382

Начиная с 1880-х гг., вследствие требований правительства, деятельность духовной народной школы становится более активной. На протяжении всего XIX столетия и особенно его второй половины понимание светскими властями целей и задач духовной школы претерпевало существенные изменения. Теоретики духовного образования по-разному видели и ресурсный потенциал ее модернизации, отсюда в предлагаемых ими программах имели место значительные перекосы либо в сторону богословских, либо «жизненно необходимых» и актуальных именно в утилитарно-бытовом отношении учебных предметов [1, с. 25].

Со второй половины 1880-х гг. к разворачиванию сети ЦПШ присоединяются также и школы грамоты (см. табл. 3). Например, в 1887 г. из общего числа всех школ духовного ведомства 7.595 учебных заведений являлись школами грамоты, при этом количество учащихся в них составляло 99.963 чел., а в ЦПШ – 172.419 человек.

Таблица 3

Количество ЦПШ и школ грамоты с числом учащихся в них на территории России в 1889 – 1894 гг.³

Год	Количество ЦПШ	Число учащихся в ЦПШ, чел.	Количество школ грамоты	Число учащихся в школах грамоты, чел.
1889	8.498	294.097	9.217	179.178
1892	11.342	480.208	15.922	379.948
1894	12.970	–	18.865	–

Таким образом, конец 1880-х гг. для России является временем роста учебных заведений ведомства Св. Синода, причем на данном этапе увели-

² Таблица 2 составлена по: [11, с. 73].

³ Таблица 3 составлена по: [11, с. 73].

чивается число не только ЦППШ, но и школ грамоты. Однако обогнать темпы роста земских школ начальные училища, приписанные к духовному ведомству, не могли.

Органы местного самоуправления на протяжении всего периода своего существования стремились всемерно содействовать повышению уровня народного просвещения, отмечая глубокое влияние школы на политическую, экономическую и духовную жизнь народа, что не только выражалось в увеличении финансирования на начальное образование, но и последовательно вело к непрерывному росту количества как земских школ, так и учащихся в них. С самого начала своего существования земство обращало пристальное внимание на материальное положение учителей и повышение уровня их знаний.

Правительство в своей образовательной политике проявляло больший интерес к школам духовного ведомства. В 1902 г. увидело свет высочайшее повеление об утверждении Положения о церковных школах ведомства Православного исповедания, согласно которому все духовные школы были поделены на: 1) начальные – для начального обучения взрослых и детей (сюда относятся церковно-приходские школы, школы грамоты, а также воскресные) и 2) учительские – для подготовки преподавательских кадров для начальной духовной школы (сюда относились второклассные и церковно-учительские) [10].

ЦППШ могли быть двух типов: одноклассные (срок обучения три года) и двухклассные (срок обучения пять лет). Обучение в школах грамоты занимало два года. В одноклассных ЦППШ преподавались предметы: Закон Божий, русский язык, письмо, начальная арифметика, церковное пение, церковно-славянская грамота, рукоделие для девочек. Учебная программа двухклассных ЦППШ была более развернутой и включала в себя, кроме вышеперечисленного, краткую церковную и отечественную историю, географию (в связи с краткими сведениями о явлениях природы), черчение и, по возможности, рисование.

В школах грамоты изучали Закон Божий, церковно-славянское и русское чтение, письмо, четыре правила арифметики и церковное пение. В одноклассной ЦППШ с разрешения Епархиального училищного совета могли быть открыты классы рукоделия, введены уроки черчения и технического рисования. Рукодельные и ремесленные классы открывались и в земских школах. Так, в 1903 г. классы рукоделия для учениц существовали в четырех начальных народных училищах Солигаличского уезда: Григорьевцевском, Тормановском, Егорьевском и Сондском. Уроки велись учительницами безвозмездно [18, л. 1–3]. В воскресных школах подобные занятия проводились по воскресеньям и праздничным дням во внебогослужебное время [10, с. 209].

Подобная картина наблюдалась практически на всей территории Российской империи конца XIX – начала XX в. Не стала исключением и Костромская губерния. Как следует из данных, представленных в табл. 4,

из общего числа организованных за период 1907–1911 гг. начальных учебных заведений преобладающими в губернии являлись земские школы, тогда как второе место неизменно удерживали школы ведомства Св. Синода.

Таблица 4

**Сравнительное количество земских школ и ЦПШ
на территории Костромской губернии в 1907–1911 гг.⁴**

Уезды	1907 г.		Начало 1911 г.		Рост за 4 года, %	
	Земские школы	ЦПШ	Земские школы	ЦПШ	Земские школы	ЦПШ
Буйский	33	16	39	15	18,2	–
Варнаровский	51	18	67	23	31,4	–
Ветлужский	65	22	96	23	41,7	–
Галичский	42	42	46	44	9,5	–
Кинешемский	80	27	109	27	36,2	–
Кологривский	68	17	103	17	51,5	–
Костромской	94	25	116	29	23,4	–
Макарьевский	55	37	97	37	78,2	–
Нерехтский	57	41	71	37	24,6	–
Солигаличский	28	27	38	27	35,7	–
Чухломской	22	23	24	25	9,1	–
Юрьеveckий	47	24	59	26	25,5	–
По губернии	642	319	865	330	34,75	3,5

Всего за период 1907–1911 гг. общее количество организованных начальных школ в Костромской губернии увеличилось на 25 % [12, с. 5], при этом, как видно из табл. 4, число земских школ выросло на 34 %, тогда как численность ЦПШ подросла лишь на 3,5 %.

Сравним данные табл. 4 со сведениями за предшествующие четыре года на рубеже XIX–XX столетий. Если в 1899 и 1903 гг. численность земских учебных заведений составляла 386 и 475 соответственно, то к 1907 и 1911 гг. она достигала 642 (рост за 1903–1907 гг. 35 %) и 865 (рост за 1907–1911 гг. 34,6 % (Разница в 0,1 % по сравнению с нашими подсчетами (см. табл. 4) получилась из-за небольшой арифметической ошибки А. В. Захарова. – С. И.) [12, с. 6]. Таким образом, в 1899–1911 гг. в Костромской губернии численность земских школ росла быстрыми темпами.

В эти годы очевидным было постоянное внимание со стороны государства и общества к проблемам народного просвещения. 20 февраля 1907 г. Министерство народного просвещения вносит в Государственную Думу

⁴ Таблица 4 составлена по: [12, с. 5]

⁵ Подсчеты процентного соотношения численности земских школ на территории Костромской губернии за период 1907–1911 гг. выполнены С. Ю. Иерусалимской.

законопроект о введении в России всеобщего начального обучения. Беспрецедентную отсталость России в деле начального народного просвещения неоднократно отмечали все мыслящие люди того времени. Вот, например, слова И. С. Тургенева: «Есть факты, очевидная полезность которых до того несомненна, что не нуждается ни в каких доказательствах. К таким фактам принадлежит необходимость распространения грамотности и элементарных общепользных сведений в России ... Заводить как можно больше школ, пропускать как можно больше лиц сквозь эти школы и – прибавим – в наименьшее кратчайшее время (что, конечно, никак не должно мешать основательности получаемых сведений) – вот в чем должна состоять задача нашего общества» [13].

Проект школьной сети для Костромской губернии был выработан по поручению губернского земства к 1907 г. Однако одновременно в развитии школ духовного ведомства наблюдался спад. Если в 1907 г. число ЦППШ по губернии составляло 31,2 % от общего количества начальных учебных заведений, то к 1911 г. оно равнялось 25,8 %. Указанная тенденция распространялась на все уезды Костромской губернии (см. табл. 5).

Таблица 5

Процентное соотношение ЦППШ к общему числу училищ, открытых за период 1907–1911 гг. на территории Костромской губернии⁶

Уезд	1907 г., %	1911 г., %
Буйский	31,4	25,4
Варнаровский	25,3	24,5
Ветлужский	24,4	18,7
Галичский	48,4	46,8
Кинешемский	23,8	18
Кологривский	19,3	13,4
Костромской	20,1	18,8
Макарьевский	38,9	26,8
Нерехтский	36,9	29,8
Солигаличский	45	38,6
Чухломской	48	46,2
Юрьевецкий	32,4	28,8
По губернии	31,2	25,8

Согласно данным табл. 5, процентное соотношение ЦППШ к общему числу училищ, открытых за период 1907–1911 гг. уменьшилось во всех двенадцати уездах Костромской губернии. При этом темпы падения в таких уездах, как Чухломской, Галичский, Солигаличский, Макарьевский и Нерехтский, были более слабыми, чем в других аналогичных территориальных административных единицах губернии. Это обстоятельство объясняется суще-

⁶ Таблица составлена по: [12, л. 9–10].

ственным количеством действовавших там храмов и священнослужителей в них (следовательно, были готовые кадры для ЦПШ), а также сравнительно небольшой площадью указанных уездов.

Преподаватели в ЦПШ назначались из лиц, имевших свидетельство на «звание учителя и учительницы» начальных школ или окончивших курс средних и высших учебных заведений. Так, например, в августе 1901 г. учителем и законоучителем в Соборно-Ильинскую ЦПШ Макарьевского уезда был направлен, в соответствии со своим прошением в Костромской епархиальный училищный совет, студент Костромской духовной семинарии Александр Махровский [19, л. 4–5]. В 1910 г. учителем Морозовской ЦПШ Чухломского уезда, согласно сведениям из формулярной карточки личного дела, являлся выпускник Костромского ремесленного училища Александр Павлович Шальнов, 1887 года рождения – обладатель «свидетельства на звание учителя начальных училищ № 668» [20, л. 6]. При недостатке таких лиц к преподаванию в одноклассных ЦПШ допускались наиболее успешно окончившие курс второклассных школ, а также другие лица, «признанные способными к педагогической деятельности уездными отделениями епархиальных училищных советов» [10, с. 209].

Преподаватели ЦПШ и школ грамоты получали содержание из государственной казны. Так, учительский корпус ЦПШ и школ грамоты (всего 15 учебных заведений с 21 преподавателем в них) Ветлужского уезда Костромской губернии за 1904/1905 учебный год получил вспомоществования от казны на общую сумму 4.090 рублей [21, л. 10–11]. Годовое жалованье учителя провинциальной сельской ЦПШ составляло в среднем 200 руб. (реже – 240 руб., еще реже – 300 руб.), плюс 20–30 руб. «квартирных»; помощник учителя получал 120–150 руб. ежегодно; законоучитель – 50 руб. Это весьма небольшие деньги, существовать на которые было достаточно проблематично, особенно с учетом повсеместно возросшей инфляции и общей дороговизны жизни. Для сравнения отметим, что средняя заработная плата костромских рабочих составляла в этот период около 15 руб. в месяц.

Предреволюционный период 1916/1917 гг. внес свои коррективы в деятельность начальных сельских школ духовного ведомства. 18 мая 1917 г. Св. Синодом было вынесено определение (выписка № 3096) о реформе церковно-приходских школ применительно к новому строю государственной власти. Там, среди прочего, отмечалось «отсутствие достаточно живой связи между приходом и школой» и предписывалось осуществлять «просвещение и воспитание православного населения в духе православной церкви» посредством возложения на приходских священников функций законоучителей в ЦПШ. Контроль за приходской школой предлагалось возложить на приходской совет, отныне управляющий школой либо самостоятельно, либо посредством школьного совета; содержание школ отнести за счет епархиальных средств, которые должны будут изыскивать «епархиальный съезд духовенства и мирян» (кроме того, для содержания школ приходы могли объединяться по отдельным районам). Приходское собрание име-

ло право вводить в ЦППШ преподавание ремесел, полеводства, садоводства, огородничества и т.п. – пособия на это должны были поступать из правительственных и общественных учреждений [22, л. 13–14].

Таким образом, церковно-приходские школы России поступали в ведение и под ответственность православных приходов местных церквей. В то же время ряд земств выступили за свертывание финансирования духовных школ и передачу их под контроль органов местного самоуправления, тем самым речь шла о прекращении самостоятельного существования учебных заведений этого типа.

Количество ЦППШ на данном этапе уменьшалось, однако они все еще открывались в Костромском крае. Так, 22 декабря 1916 г. крестьяне Костромской губернии Буйского уезда Ильинской на Кореге волости Петровского общества сельца Ожегова, сельца Семунина, деревни Обиженова, деревень Больших и Малых Абатурок в своем прошении выражали благодарность училищному совету при Св. Синоде за удовлетворение их ходатайства по открытию ЦППШ, поданного приговором в мае 1916 года. Причем «ставить школу» крестьянским сходом было решено «двухклассную... в виду скорого обязательного принудительного всеобщего обучения и... по образцу всех хороших вокруг школ церковно-приходских и земских, из казенного леса и казенного фасона, составленного архитектором, а не частного небольшого плохого дома, не похожего на школу» [22, л. 19].

Во время и вскоре после революции 1917 г. учебные заведения духовного ведомства стали массово передаваться в ведение органов местного самоуправления [9]. По стране этот процесс шел небыстро, нередко буксуя на местах: требовались многочисленные согласования. Вот как описывало передачу школьных дел земству в январе 1918 г. Буйское уездное отделение Костромского епархиального училищного совета: «В виду состоявшейся почти повсеместно передачи церковных школ в ведение городских и земских самоуправлений и требований некоторых из означенных учреждений передачи им также и дел, уездное училищное отделение епархиального училищного совета со своей стороны в настоящее время не видит препятствий в удовлетворении этого требования, а потому предлагает уездному отделению сдать подлежащие дела городской и уездной земской управам, оставив в своем распоряжении, хотя бы на некоторое время, те данные, которые необходимы отделению для ведения текущей переписки» [22, л. 2]. Вскоре на место земств пришли советы крестьянских депутатов.

Таким образом, по итогам реформирования ЦППШ Временным правительством в 1917 г. Русская православная церковь пыталась сохранить за собой свои учебные заведения, однако вектор социально-политического развития страны уже был направлен в совершенно другом направлении и после установления советской власти дни ЦППШ в Костромской губернии, как и по всей стране, были сочтены.

Ссылки

1. Леонтьева Т. Г. Православное сельское духовенство в условиях модернизации России (вторая половина XIX – начало XX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. 43 с.
2. Иерусалимская С. Ю., Иерусалимский Ю. Ю. Народное образование в Угличском крае в XIX – начале XX в.: от приходских училищ к всеобщему обучению. Ярославль, 2006. 280 с.
3. Иерусалимская С. Ю., Иерусалимский Ю. Ю. Народное образование Верхнего Поволжья в XIX – начале XX в.: проблемы историографии и источниковедения. Ярославль, 2011. 228 с.
4. Красницкая Т. А. Начальное духовное образование в провинциальной России. XIX – начало XX в. (на материалах Владимирской и Костромской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2003. 233 с.
5. Крутицкая Е. В. Церковно-приходские школы в России в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 246 с.
6. Веденский Е. С. Деятельность Русской Православной Церкви в области начального образования во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Ярославской и Костромской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2004. 314 с.
7. Житенев Т. Е. Церковно-приходские школы России: 1884–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 301 с.
8. Валитов А. А. Церковно-приходские школы Тобольской епархии 1882–1917 гг. // Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XX вв.). Тюмень, 2020. С. 79–95.
9. Тетерин В. И. Проблемы передачи церковно-приходских школ в ведение органов местного самоуправления в 1917 г. (на примере Пермской губернии) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 33. С. 259–273.
10. Положение о церковных школах ведомства Православного исповедания 1902 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XXII. 1902. Отделение I. СПб.: Гос. тип., 1904. С. 206–211.
11. Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. Т. X: Народное образование в России. М., 1912. 351 с.
12. Захаров А. В. Доступность начальной школы и грамотность населения в Костромской губернии // Начальная школа и условия народного образования в Костромской губернии. Кострома, 1913. Вып. I. 67 с.
13. Турганев И. С. Проект программы общества для распространения грамотности и первоначального образования // Вестник Европы. 1884 № 5. С. 412–418.
14. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 438. Костромской епархиальный училищный совет. . Оп. 1. Д. 1–198.
15. ГАКО. Ф. 440. Солигаличский уездный училищный совет. Оп. 1. Д. 1–2.
16. ГАКО. Ф. 503. Чухломское уездное отделение епархиального училищного совета. . Оп. 1. Д. 1–39.
17. ГАКО. Ф. 1003. Буйское уездное отделение епархиального училищного совета. . Оп. 1. Д. 1–13.
18. ГАКО. Ф. 440. Оп. Б/ш. Д. 1.
19. ГАКО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 1363.
20. ГАКО. Ф. 503. Оп. 1. Д. 44.
21. ГАКО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 856.
22. ГАКО. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 4.

Study Guides for Local Lore about the Participants in the Civil War on the Orenburg Territory

S. V. Lyubichankovskiy¹

¹Orenburg State Pedagogical University, 19 Sovetskaya st., Orenburg, 460014,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-28-35

Research article
Full text in Russian

The article examines the question of how the tradition of presenting the history of the Civil War through the prism of specific personalities was formed in the Orenburg local history educational literature: which names became «textbook», which remained a figure of silence. The article traces how stable the Soviet tradition turned out to be in modern conditions, what changes took place in the educational literature of the Orenburg region in the post-Soviet period.

Keywords: Orenburg region; Civil War; Red Guard; «red»; «white»; military leaders; Cossacks; historical local history

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lyubichankovskiy, Sergey V.. | E-mail: svlubich@yandex.ru
| Doctor Sc. (History), Professor

Краеведческие учебные пособия об участниках Гражданской войны на территории Оренбургского края

С. В. Любичанковский¹

¹Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, 19, Оренбург, 460014, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-28-35
УДК 908 + 930.85

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье исследуется вопрос, как в оренбургской краеведческой учебной литературе складывалась традиция подачи истории Гражданской войны через призму конкретных персоналий: какие имена стали «хрестоматийными», какие оставались фигурой умолчания. Прослежено, насколько устойчивой оказалась советская традиция в современных условиях, какие изменения произошли в учебной литературе Оренбуржья в постсоветский период.

Ключевые слова: Оренбургский край; Гражданская война; Красная гвардия; «красные»; «белые»; военачальники; казаки; историческое краеведение

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Любичанковский, Сергей | E-mail: svlubich@yandex.ru
Валентинович | Доктор исторических наук, профессор

В истории Оренбургского края тема Гражданской войны 1917–1922 гг. занимает особое место. Регион стал плацдармом, где проявили себя практически все ее основные акторы: Комуч, Уфимская директория, казачьи партизанские отряды как форма сопротивления советской власти, «красные» и «белые» режимы, «Алаш», Военно-революционный комитет, красногвардейские отряды. События 1917–1922 гг., помимо политической, военной, государственной значимости, приобрели человеческое, личностное измерение, и если элементы персонализации «красных» в политическом плане всегда присутствовали в историографии Гражданской войны, то стан «белых» долгое время был однороден, окрашен преимущественно в самый тёмный цвет.

© Любичанковский С. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Для региональной учебно-краеведческой литературы тема Гражданской войны всегда была актуальна. Однако в разные периоды история писалась сквозь призму той идеологической линии, которая в данный момент главенствовала и определяла содержание учебников, программ обществоведческих дисциплин, состав пантеона «героев Гражданской войны».

Пособие в помощь агитаторам «Город Чкалов», выпущенное в 1939 г., стало первым образцом краеведческого жанра учебной литературы в советском Оренбуржье. Тема революции 1917 г. и дальнейших событий в этой работе оказалась тесно связана с биографией С. М. Цвиллинга. В книге он характеризовался как партийный лидер, «талантливый организатор» и «твердокаменный большевик», выстроивший в захваченном атаманом Дутовым (октябрь 1917 г.) городе агитационную работу «по завоеванию масс и разоблачению меньшевиков и эсеров» [1, с. 24–25]. Дальнейшая деятельность С. М. Цвиллинга не показана, но значимость самой его фигуры подчеркнута описанием гибели: «В борьбе с дутовскими бандитами 2 апреля 1918 г. погиб вместе со своим отрядом в станице Изобильное руководитель рабочих города Оренбурга и парторганизации С. М. Цвиллинг. Смерть товарища Цвиллинга была тяжелой утратой...». По словам соратников, приведенным в книге, в их рядах остро чувствовалась «утрата крупного, кристально чистого идейного вождя, горевшего огнём революционного энтузиазма, каким был Самуил Моисеевич» [1, с. 32–33].

Еще одним «красным» военачальником, чья деятельность была отражена в учебной краеведческой литературе, являлся П. А. Кобозев. Пётр Алексеевич был активным участником революции 1917 г., чрезвычайным комиссаром ВЦИК и СНК по Средней Азии и Западной Сибири. Его судьба и деятельность тесно связаны с Оренбургским краем. В брошюре речь о Кобозеве начинается с того, как Центральный комитет ВКП(б) посылает его на помощь Оренбургским рабочим для ликвидации контрреволюционера А. И. Дутова. П. А. Кобозев, как описывает автор, столкнулся с противодействием Л. Д. Троцкого, что очень осложнило сколачивание красновардейских отрядов. Но он смог объединить прибывшие на подмогу силы [1, с. 30]. Высоко оценивалось и организаторское мастерство военачальника: «Стремительное наступление войск под руководством Кобозева деморализовало дутовскую армию и 31 января 1918 г. “белые” бежали из Оренбурга...» [1, с. 30]. Но, как следует из текста пособия, победа над «белыми» явилась результатом не только военного таланта Кобозева: большая доля успеха заключалась в помощи «советом и делом» лично И. В. Сталина.

Ситуация отступления отрядов Красной гвардии в июле 1918 г. выводит новую фигуру – казахского военного деятеля Алибая Джангиль-

дина, активного участника Гражданской войны. Вновь подчёркнута оперативность И. В. Сталина, организовавшего отряд под командованием Джангильдина, который сумел проделать путь от Москвы через Астрахань, Красноводск в Актюбинск. Актюбинское наступление конных частей Туркестанской армии с юга, а части 1-й армии с севера закончилось взятием «красных» Оренбурга. Повторная оборона Оренбурга была связана уже с именем М. И. Фрунзе – «под его руководством были разгромлены армии белых навсегда» [1, с. 31].

В учебном пособии «История родного края», вышедшем в 1976 г., Гражданской войне была отведена отдельная тема с тремя параграфами [2, с. 91–108]. При ее раскрытии появляются новые персоналии – политики, чьи имена раньше упоминать было нельзя. Зато роль Сталина нивелирована, о ней умалчивается.

Характеристика деятельности П. А. Кобозева (по сравнению с ее описанием в предыдущем пособии) была расширена. Подробно освещается ход совещания РКП(б) 27 июля 1918 г, на котором присутствовали члены губисполкома и командующие советскими отрядами. Решение его было таким: основные силы «красных» Оренбурга отходят в сторону Актюбинска, отряды уральских рабочих – на север, ряд частей – в Орск. Отход рассматривается как продуманная и чётко организованная кампания. Борьба в тылу «белых» высветила фигуры Г. В. Зиновьев и А. А. Коростылёва. Г. В. Зиновьев был назван одним из родоначальников Туркестанской армии: за июль-август им было сформировано 12 пехотных и кавалерийских полков. В кампании по защите Орска отмечены доблесть командующего Орской группы войск А. Е. Левашова. Действия северной группы красногвардейцев оказались связаны с такими личностями, как В. К. Блюхер и Н. Д. Каширин. В пособии указывается, что В. К. Блюхер создал настоящую партизанскую армию, упоминается и его «легендарный рейд» по «белым» тылам, выход в район Кунгура и соединение с Красной армией: В. К. Блюхер за данную операцию был удостоен ордена Красного Знамени и таким образом стал его первым кавалером.

При описании истории с «караваном Джангильдина» в пособии 1976 г. речь идёт о помощи уже не И. В. Сталина, а В. И. Ленина. При подаче материала была подчеркнута роль Владимира Ильича: когда командиры и бойцы армии Г. В. Зиновьева получили от Джангильдина оружие и припасы, они будто бы откликнулись фразой: «Ленин нас не забывает...» [2, с. 94].

Летне-осенние события 1918 г. выводят на историческую сцену М. Н. Тухачевского, чья 1-я армия освободила Бугуруслан и Бузулук, а также Г. Д. Гая, который освободил Сорочинск. Г. Д. Гай, уже командующий 1-й армии, в начале января 1919 г. начал кампанию по освобождению Оренбурга. Одновременно с 1-й армией в наступление пошли ар-

мии Г. В. Зиновьева со стороны Актюбинска. Был освобожден Акбулак. Вскоре была достигнута долгожданная победа над А. И. Дутовым.

Далее мы встречаемся с героями при описании борьбы с Колчаком. В апреле 1919 г. им были захвачены Стерлитамак, Орск, Бугуруслан. Угроза нависла над Самарой, Казанью и Оренбургом. М. Ф. Фрунзе становится во главе южной группы войск восточного фронта, его задача – ударить по Колчаку по линии Бузулук–Бугуруслан. Г. В. Зиновьев со своей Туркестанской армией, а также В. И. Чапаев с 25-й дивизией и И. Д. Каширин с кавалерийской бригадой устремляются в район Бузулука. Контрнаступление конца апреля 1919 г. показано как победоносное для «красных» сил и как определяющее для исхода Гражданской войны.

При описании событий конца апреля – начала мая авторы учебного пособия естественно делают упор на победу «красных», поэтому несколько странным выглядит скачкообразный переход к объявлению чрезвычайной ситуации.

Далее события развивались при поддержке В. И. Ленина в соответствии с действиями М. В. Фрунзе. В ходе разгрома южной армии Колчака Туркестанский фронт во главе с Фрунзе направил свою мощь против колчаковцев, освободив сначала Илецкую защиту, а затем Орск и Актюбинск. Именно такая схема изложения событий стала хрестоматийной для позднесоветского периода. Поэтому в «Истории родного края», вышедшей в 1988 г., деятельность военачальников была показана точно так же, как и в охарактеризованном выше издании 1976 г. [3, с. 88–91].

Ситуация изменилась в постсоветских условиях. Со страниц «Истории Оренбуржья», вышедшей в 1996 г., появление в Оренбуржье П. А. Кобозева объяснено четко и коротко: «Петроград так прореагировал на арест Цвиллинга – чрезвычайным комиссаром по борьбе с дутовщиной был назначен этот военачальник» [4, с. 185]. Аналогичным образом была представлена информация о деятельности В. К. Блюхера: «В середине ноября 1917 г. из Самары в Челябинск прибыл его революционный отряд, что позволило местному совету взять власть в свои руки. В Челябинск прибыл по распоряжению Антонов-Овсеенко, отряд моряков во главе с мичманом С. Д. Павловым» [4, с. 185]. Авторы пособия избегают оценок упомянутых персоналий как «героев» или «врагов» революции, подают материал либо только с фактической стороны, либо со скупыми объяснительными моделями. Действия П. А. Кобозева рассматриваются как результат продумывания различных вариантов наладить диалог с противоборствующей стороной, поскольку заметны были оппозиционные настроения среди казаков. Но ультиматум о немедленной передаче власти в руки советов был отклонен. Далее шло описание труднейших боев.

Авторы пособия массово персонализировали командиров как со стороны «красных», так и «белых». Новый этап наступления на Оренбург был

показан с указанием на командующего – мичмана С. Д. Павлова. Тема «Формирование красных и белых частей» на Южном Урале в пособии была обозначена появлением фигуры военного комиссара Оренбургского казачьего войска А. С. Шереметьева, выступившего 13 мая 1918 г. на заседании Оренбургского губисполкома и заявившего о желании трудовых казаков бороться с контрреволюцией. Операции лета – осени 1918 г. в тексте пособия были связаны с именем таких военачальников, как Г. В. Зиновьев, Н. Д. Каширин, В. К. Блюхер, С. Я. Елькин [4, с. 206–207]; уфимская операция – с именем М. И. Фрунзе. Оборона Оренбурга была представлена через действия комиссара штаба обороны А. А. Коростылёва, начальника обороны Э. Ф. Вилумсона, его преемника М. Д. Великанова, командира 1-й армии Г. Д. Гая, командующего особой группой войск. Главной силой, приведшей к разгрому колчаковцев, названы подразделения Туркестанского фронта под командованием М. В. Фрунзе.

Характерной чертой пособия 1996 г. является перекокс в сторону характеристики главным образом представителей «красной» стороны конфликта, что являлось данью советской историографической традиции. Однако сам подход, связанный с существенным усилением внимания к конкретным личностям – участникам Гражданской войны, к расширению персонального состава лиц, упоминаемых в краеведческом пособии, являлся новаторским.

В 2006 г. вышло учебное пособие «История Оренбургского края» Д. А. Сафонова. Взгляд автора на события критичен, он подвергает сомнению сложившиеся концепции, оценку ведущих фигур, олицетворявших данное время. В первую очередь это относится к фигуре С. М. Цвиллинга. Однако в учебном пособии Д. А. Сафонов не заостряет внимание на дискуссионных моментах, а показывает своё видение событий. С. М. Цвиллинг уже не «пламенный большевик», как утверждалось в советской историографии, а лидер ВРК, признающий лишь террор, не идущий на диалог, делавший ставку только на угрозы [5, с. 217]. «Провоцирование Гражданской войны», по Д. А. Сафонову, – дело рук большевиков, в первую очередь большевистских лидеров. Гибель С. М. Цвиллинга показана как следствие тех карательных мер, которые были развёрнуты против казачьего края. В изложении основных событий Гражданской войны автор обходится без широкого круга имен, исходя из того, что смысла в детальном рассмотрении военных операций нет, так как в 1918 г. противостояли друг другу относительно малочисленные группы «красных» и «белых» [5, с. 227]. Подбор документов, приведённых после соответствующего параграфа, тенденциозен. Прочитав краткую выдержку из «Обращения ВРК» и сравнив с документом за подписью А. Дутова, возникает уважение именно к последнему. Следующий за этим отрывок стихотворения лишь укрепляет сложившееся впечатление. Вряд ли такая пода-

ча материала способствует складыванию адекватной картины Гражданской войны в крае у школьников.

В учебном пособии Ю. П. Злобина и А. Н. Полякова, вышедшем в 2015 г., теме Гражданской войны отдавалось менее 8 страниц (в пособии 1996 г. – около 50 страниц). В тексте от «белых» упоминается только А. И. Дутов, от «красных» – А. Е. Левашов, П. А. Кобзев, С. Д. Павлов. События также описаны схематично [6, с. 200–207].

Новым уровнем в научно-методическом изложении темы Гражданской войны стало учебное пособие «История Оренбургского края (История России через историю регионов)», вышедшее в 2019 г. [7]. Авторский коллектив впервые подошел к изложению материала с позиций, соответствующих классическим требованиям методической науки, что проявилось в первую очередь в соблюдении принципа наглядности. Тема борьбы за власть в крае осенью 1917 – зимой 1918 гг. сопровождается портретным рядом, визуализирующим «персоналии»: тут есть и «братья Коростелевы», и А. И. Дутов, и С. М. Цвиллинг, и И. И. Андреев.

Изложение материала персонифицировано и сопровождается краткими пояснениями, позволяющими школьнику понять, чем вызвано было то либо другое действие определённой исторической фигуры. Это хорошо видно из характеристики действий С. М. Цвиллинга. Продотряды и реквизиции были санкционированы центром, но к этому добавляется «классовая ненависть» к казачеству. С одной стороны, голод в центральных губерниях, а с другой стороны, следование «законам классовой борьбы» сделали Оренбуржье ареной яростного противостояния. Авторы учебника не впадают в «демонизацию» «белых» или «красных», сделав всё для того, чтобы обучающиеся увидели непредвзятую картину страниц истории края в увязке с историей всей страны. У каждой военной силы были те конкретные лидеры, которые вели к победам и поражениям. Ученики запоминают фамилии Н. Д. Каширина, В. К. Блюхера, М. В. Фрунзе, А. Т. Джангильдина и других [7, с. 154–158], что соответствует как научности, системности, историзму, так и законам методики преподавания истории.

Проведённый анализ комплекса учебных пособий по историческому краеведению за последние восемьдесят лет (1939–2019 гг.), связанный с вопросом о том, какие изменения произошли в наполнении исторических сюжетов личностями эпохи Гражданской войны, показал следующее. Самые ранние из изданных в Оренбуржье работ советского периода создали достаточно узкий «пантеон» советских героев Гражданской войны, который не потерял своего значения по сей день. Он был достаточно узок. Идеологические установки советского периода привели к идеализации «красных героев». Об их ошибках и просчётах в учебных пособиях не упоминалось. О репрессированных в советский период участниках со-

бытий умалчивалось вплоть до 1970-х гг. С начала 1990-х гг. новые веяния в исторической науке отразились на содержании литературы по историческому краеведению в аспекте расширения палитры персоналий и оценок их деятельности. Однако только к 2019 г. удалось достичь адекватного, соответствующего принципу разумной достаточности и методической визуализации представления о Гражданской войне, ее основных участниках как с «красной», так и «белой» сторон.

Ссылки

1. Город Чкалов (для агитаторов). Чкалов: Чкаловское обл. кн. изд-во, 1939. 56 с.
2. История родного края: учебное пособие для 7–10 классов в средней школе Оренбургской области. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1976. 160 с.
3. История родного края: учебное пособие для учащихся VIII–X кл. средней школы [Оренбургская обл.] / сост. П. И. Сучков; науч. ред. Л. И. Футорянский. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1988. 176 с.
4. История Оренбуржья / сост. и науч. ред. Л. И. Футорянский. Оренбург: Орен. обл. кн. изд-во, 1996. 351 с.
5. Сафонов Д. А. История Оренбургского края: экспериментальное учебное пособие. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. 328 с.
6. Злобин Ю. П., Поляков А. Н. История Оренбуржья: учебное пособие для учащихся общеобразовательных школ: в 2 ч. Ч. 1: С древнейших времен до 1920 года. 2-е изд., доп. Оренбург: ОРЛИТ-А, 2015. 224 с.
7. История Оренбургского края (история России через историю регионов): учебное пособие. М.: Интеграция: Образование и Наука, 2019. 256 с.

Financial Activity of Orders of Public Charity in the Upper Volga Provinces

A. V. Kuzmichev¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-36-43

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the analysis of the financial activity of the orders of the public charity, the main directions of their budget formation, as well as the social composition, which is aimed at the economic activity of these institutions in the last quarter of the XVIII-first half of the XIX centuries, i.e. for the entire period of the existence of the public charity. On the basis of archival materials identified in the state archives of the Vladimir, Kostroma, Tver and Yaroslavl regions, the ways of forming budgets of institutions of the system of orders of public charity of the Upper Volga provinces, the main stages of the formation of a new credit and financial institution for the XIX century - Savings banks are characterized. The author draws a conclusion about the regularities of increasing the volume of funds in the department of public charity orders and the lack of proper material support for organizations of the public charity system.

Keywords: orders public charity; the Upper Volga region; savings banks; officials

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kuzmichev, Alexander V. | E-mail: kuzav@mail.ru
| Cand. Sc. (History)

Финансовая деятельность приказов общественного призрения в Верхневолжских губерниях

А. В. Кузьмичев¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-36-43
УДК 908

Научная статья
Полный текст на русском языке

На основе архивных материалов, выявленных в государственных архивохранилищах Владимирской, Костромской, Тверской и Ярославской областей, в статье рассматриваются способы формирования бюджетов учреждений системы приказов общественного призрения верхневолжских губерний, основные этапы формирования нового для XIX столетия кредитно-финансового института сберегательных касс. Автор делает вывод о закономерностях увеличения объема денежных средств приказов общественного призрения и об отсутствии должного материального обеспечения организаций системы общественного призрения.

Ключевые слова: приказы общественного призрения; Верхнее Поволжье; сберегательные кассы; чиновники

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузьмичев, Александр Викторович | E-mail: kuzav@mail.ru
Кандидат исторических наук

Значительным событием, повлиявшим на политическую, экономическую, социальную жизнь в Российской империи, стала губернская реформа 1775 г, оцениваемая дореволюционными, советскими и современными историками неоднозначно. Преобразования 1770-х гг. **создали сеть** государственных учреждений медицинского, образовательного, экономического характера. Вместе с образованием наместничеств в губернских городах в последней четверти XVIII в. создаются наместническое правление, казённая палата,

© Кузьмичев А. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

а также приказ общественного призрения [1]. К примеру, в Ярославле после учреждения в 1777 г. наместничества были открыты новые заведения, для организации которых единовременно выделялось 5 тыс. рублей [2]. В Тверской губернии **приказ общественного призрения начал работу** в 1776 г. [3]. Владимирский приказ общественного призрения появляется к 1779 г. [4].

В соответствии с «Учреждениями для управления губернией», уставным документом проведения преобразования, в ведении приказов находились школы, больницы и другие медицинские заведения, исправительные дома [5]. Кроме того, приказы имели право с самого начала заниматься финансово-кредитной деятельностью. Всем образованным на территории Российской империи приказам из государственной казны на обустройство было выделено 15 тыс. рублей. Правительством предполагалась финансовая самостоятельность приказов общественного призрения, они сами должны были себя обеспечивать за счёт ростовщичества, помощи от меценатов и благотворителей и даже, к примеру, открытия питейных заведений. С 1841 г. в структуре приказов общественного призрения выделяется в качестве самостоятельной сберегательная касса, занимавшаяся теперь уже собственно коммерческой деятельностью, в то время как приказы выполняли непосредственные обязанности в сфере здравоохранения и социального обеспечения незащищенных слоёв населения [6].

Впервые идея создания финансового института по образцу западноевропейских государств для повышения материального уровня бедных слоёв населения появилась в 1820-х гг. в правление императора Александра I. Основная их задача состояла в возможности накопления материальных денежных средств и получения прибыли. Такие организации пытались внедрить даже в деревне, но безуспешно. Как правило, первые сберегательные кассы стали появляться в губернских городах при социальных учреждениях, входивших в систему приказов общественного призрения. В соответствии с пунктом 3 Устава сберегательные кассы учреждались при «сохраненных казнах воспитательных домов» и при приказах общественного призрения [7]. При последних штат формировался из числа местных служащих. Подобная сберегательная касса в структуре приказов общественного призрения возникла в воспитательном доме в Санкт-Петербурге. Верхнее Поволжье также не стало исключением. Так, в губернском городе Ярославле первая сберегательная касса появилась в «Ярославском доме призрения ближнего» в 1820-е гг. Последний относился к ведомству приказа общественного призрения.

Прообразом сберегательных касс, созданных на государственном уровне в 1840-х гг., стали сберегательные кассы, созданные при приказах общественного призрения в 1820-х гг. Архивные документы верхневолжских губернских городов показывают активную деятельность сберегательных касс при приказах общественного призрения еще в 1820-е гг. Так, во Владимир-

ском приказе **сберегательная касса** появляется в 1827 г. Основной её задачей, в соответствии с циркуляром гражданского генерал-губернатора, изначально была помощь вдовам музыкантов, маклеров, «на смертельные случаи» [8]. В Ярославле финансовая деятельность приказа общественного призрения фиксируется также с первой половины 1820-х гг. К примеру, в 1824 г. пономарь Петропавловской церкви штатного города Петровска Матвей Михайлов внес в приказ 57 руб. 14^{2/7} коп. серебром под 4 % годовых [9]. Приведенный пример говорит об использовании финансовых возможностей приказа общественного призрения духовенством в различных местностях Ярославской губернии.

В Верхневолжских областных государственных архивах хранится немало документов, показывающих социальный состав вкладчиков. Среди них были представлены все слои населения, кроме крестьян. Суммы вкладов были различные, как и получаемые проценты. В частности, к 1828 г. ярославская помещица О. Д. Яковлева передала Совету Ярославского дома призрения ближнего 3 тыс. руб., а горожанин А. Введенский в 1849 г. сделал вклад в 50 коп. [10]. Вкладчиками подчас были и известные люди, среди них можно отметить Юлию Жадовскую. В 1849 г. она открыла вклад на 25 руб., дважды его пополнив, получила в 1850 г. 1 руб. 94 коп. процентов, что соответствует порядку 5 % годовых [11].

Количество вкладчиков в сберегательные кассы было относительно невелико. На протяжении 1849–1855 гг. было обслужено 1500 человек, что может говорить не о популярности вложения денежных средств среди широких слоёв населения, а **об иных возможностях получения доходов**. Доходы приказов общественного призрения складывались из ссуд, финансово-экономических сделок, отработок колодников – граждан, совершивших до трех краж, мошенников, которых отправляли в рабочие дома, где они находились до момента выплаты стоимости причиненного ущерба или отработки необходимой суммы [12]. Так, в рабочем доме колодники, среди которых наиболее частыми категориями были крестьяне, пилили бревна, обтесывали камни для стройки. Вырученные деньги приказ отдавал в рост под проценты, удерживая 50 % заработка **рабочего дома**.

По отношению к дворянам приказы общественного призрения имели особые указания от государства. К примеру, по указанию Тверского предводителя дворянства в 1803 г. в местный приказ общественного призрения было внесено 50 тыс. руб. «на раздачу недостаточным дворянам для продовольствия крестьян хлебом» [13]. Получается, что часть налогов через приказы общественного призрения уходила на поддержание дворянского хозяйства. Если следовать документу из РГИА «О приказах общественного призрения» 1803 г., то формально приказы общественного призрения не являлись благотворительными заведениями, поскольку зависели от государства, а не «сооружались частным благотворением» [14].

Архивные документы фиксируют примеры незаконной деятельности со стороны клиентов сберегательных касс. Секретные журналы Ярославского приказа общественного призрения сохранили сведения о подлоге фальшивых кредитных билетов 10-рублевого достоинства [15]. Дело разбиралось с участием полиции.

К моменту отделения от приказов общественного призрения коммерческой составляющей, к 1841 г., в них сосредоточивались солидные материальные средства. Так, к 1 августа 1842 г. только в Костромском приказе общественного призрения было собственных средств 1 и 2 разрядов в 175937 руб. 56 $\frac{7}{4}$ коп. серебром, вкладов по 3, 4, 5 разрядам в 796450 руб. 4 $\frac{7}{4}$ коп. Всего около 1 млн руб. [16]. В то же время к 1841 г. в Тверском приказе общественного призрения капиталы 1 и 2 разрядов составляли 438641 руб. 94 $\frac{3}{4}$ коп. [17] Однако имевшиеся средства практически не тратились на необходимые мероприятия по благоустройству инфраструктуры заведений системы приказов общественного призрения. Между тем архивные документы показывают исключение в деятельности Ярославского приказа общественного призрения: из 370 тыс. руб. серебром приказ на рубеже 1830–1840-х гг. выдавал ссуды Нижегородскому городскому обществу, Вологодскому приказу общественного призрения, содержал Костромское училище для канцелярских служащих, выделял деньги для Петербургского коммерческого училища, Московской и Петербургской фельдшерских школ, содержал «Ярославский дом призрения ближнего», а также занимался закупкой медикаментов для ярославской больницы и воспитательного дома [18]. При этом доходы за 1842 г. в Ярославском приказе общественного призрения оцениваются в 47344 руб., а текущие расходы в 44186 руб., что свидетельствует о значительной включенности последнего в финансово-экономическую деятельность и о внимании к нуждам учреждений ведомства общественного призрения, в т. ч. за пределами Ярославской губернии.

За период с 1770-х гг. по 1840-е гг. капиталы приказов общественного призрения верхневолжских губерний увеличиваются в среднем в 15–20 раз. Так, в Ярославском приказе общественного призрения в течение первого года его существования, в 1778 г., сосредоточивалось 26562 руб. [19]. К 1813 г. в приказе имелось уже 195961 руб. 291/4 коп. [20]. К моменту передачи всех финансов отдельному институту сберегательных касс в 1841–1842 гг. в этом же ведомстве имелось 367343 руб. 99 коп. [21]. В финансовой деятельности приказов общественного призрения следует выделить недостатки, среди которых – воровство чиновников. По секретному письму без подписи от 2 сентября 1842 г., обнаруженному в документах по Костромскому приказу общественного призрения, дом горожанина Углечанинова продавали за 120 тыс. руб., из которых 60 тыс. отдавалось вдове, остальные 60 тыс. предварительно назначались костромским чиновникам, «содействовавшим сей покупке» [22]. Подобная коррумпированная состав-

ляющая подтверждает противоречивость законодательства в экономической сфере Российской империи и определенную вседозволенность провинциальных чиновников.

Следует отметить, что администрация приказов общественного призрения не всегда должным образом относилась к распределению имевшихся денежных средств. От самих учреждений ведомства к руководству неоднократно поступали прошения о помощи в восстановлении зданий учреждений. Однако администрация приказов часто оставляла прошения без удовлетворения. Другой вариант развития ситуации – доведение зданий учреждений до аварийного состояния, а затем строительство или покупка нового здания. К примеру, к 1798 г. в Твери пришла в ветхость больница, которую не ремонтировали последние 19 лет. Взамен каменного здания для больницы был куплен деревянный дом на каменном фундаменте за 2,5 тыс. руб. у статской советницы Свечиной [23]. Через два года больница уже нуждалась в ремонте, для которого было выделено 250 руб., а еще через год, в 1801 г., 332 руб., 44 коп. и сделана пристройка на сумму в 1090 руб. Но к 1808 г. здание деревянной больницы пришло в ветхость, по этой причине пытались восстановить старое каменное здание, для чего было выделено 7000 руб. Но и это предприятие не завершилось, т. к. здание подтапливалось Волгой, и было решено спроектировать новую больницу на 100 человек.

Подобное неудовлетворительное состояние учреждений системы общественного призрения наблюдалось по всем верхневолжским губерниям. Архивные документы по Костромскому приказу общественного призрения к 1831 г. фиксируют ветхое состояние богоугодных заведений и бездействие местной администрации [24]. Основная причина ветхости учреждений Костромского приказа общественного призрения – затягивание составления сметы на ремонт со стороны губернской администрации. В итоге смета была составлена и на ремонт старой больницы, и на строительства новой, для чего требовалось 373 957 руб. 11 коп. Такие деньги Костромскому приказу было достаточно проблематично найти, и проект остался нереализованным.

Неудовлетворительное состояние фиксируется архивными документами и по Ярославскому приказу общественного призрения. Так, в документе за 1845 г. приводится ведомость о «недостаточном» состоянии заведений приказа, кроме корпуса для умалишенных и отделения писцов [25]. Основная причина отсутствия элементарного ремонта в учреждениях призрения – отсутствие финансового обеспечения.

В результате реформ 1860-х гг. приказы общественного призрения были преобразованы в земские учреждения и, по сути, стали полностью зависимыми от государственных дотаций. Все средства на протяжении первой половины 1860-х гг. передавались в пользу государственного банка, а самим приказам выдавалось единовременное вознаграждение. Так,

26 марта 1863 г. в костромскую канцелярию губернатора поступило уведомление за № 2189 о ликвидации приказа [26]. Государство выплатило сети ведомства Костромского приказа общественного призрения компенсацию в 850000 руб., а все капиталы приказа к этому времени составляли 23 млн руб. За приказами таким образом сохранялись лишь капиталы 1 разряда (собственно принадлежащие приказам), 2 разряда (имеющие определенное благотворительное назначение) и 3 разряда (так называемые «апелляционные») [27]. В Костромском приказе общественного призрения, например, к 1863 г. таковых оставалось 297247 руб., притом что ещё к 1861 г. капиталов 1 разряда было 272451 руб. 62 ½ коп., 2 разряда 29035 руб. 34 коп., 3 разряда – 4419 руб. 52 ¼ коп. Всего капиталы 1–3 разрядов Костромского приказа составляли 305 906 руб. 49 коп. [28] В данном случае проявляется незначительная тенденция к уменьшению средств приказов по мере их ликвидации. Подобное замечание можно сделать и по отношению к другим верхневожским приказам общественного призрения.

Опыт финансовой деятельности приказов общественного призрения последней четверти XVIII – первой половины XIX столетия показывает рост их капиталов на территории всего Верхнего Поволжья, особенно с момента организации нового финансового института внутри приказов – сберегательных касс. Основной тенденцией в распределении финансовых потоков следует назвать перераспределение денег в сферу ростовщичества, кредитной политики, а также на содержание учреждений ведомства приказов общественного призрения в столичном городе Санкт-Петербурге и в Москве. Особенностью денежной политики приказов общественного призрения изучаемого периода является отсутствие должного внимания к нуждам самих учреждений, входящих в систему обозначенного ведомства, при постоянном наращивании финансовых объемов, а также попустительское отношение к сложившейся ситуации со стороны местной администрации. В целом финансовая деятельность приказов общественного призрения является примером разносторонней работы провинциальных учреждений медико-социальной направленности.

Ссылки

1. Кузьмичев А. В. Приказы общественного призрения в конце XVIII – первой половине XIX в.: основные направления работы // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. Ярославль. 2010. № 3. С 21–24.
2. ГАЯО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 23. Л. 1–3.
3. ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1121. Л. 18.
4. ГАВО. Ф. 538. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

5. Учреждение о губерниях её императорского величества государыни императрицы Екатерины II с дополнительными узаконениями государя императора Павла I и государя императора Александра I по 1817 год июнь месяц. СПб., 1818. С. 75–77.

6. Высочайше утвержденный Устав Сберегательных касс // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1842. Т. 16 (1841), ч. 1, № 14981. С. 883.

7. Кузьмичев А. В. Социальный состав служащих приказов общественного призрения в последней четверти XVIII – первой половине XIX века (на материалах губерний Верхнего Поволжья) // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 41–43.

8. ГАВО. Ф. 538. Оп. 1. Д. 327. Л. 2.

9. ГАЯО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 243. Л. 8.

10. ГАЯО. Ф. 550. Оп. 1. Д. 264. Л. 1.; Ф. 1003. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

11. ГАЯО. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

12. ГАЯО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 763. Л. 1–2.

13. РГИА. Ф. 1287. Оп. 11. Д. 139. Л. 1.

14. РГИА. Ф. 1287. Оп. 11. Д. 141. Л. 183.

15. ГАЯО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 481. Л. 4.

16. РГИА. Ф. 1287. Оп. 12. Д. 860. Л. 388.

17. ГАТО. Ф. 511. Оп. 2. Д. 13. Л. 5об. – 6.

18. ГАЯО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 730. Л. 6–7.

19. ГАЯО. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1. Л. 10.

20. ГАЯО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 1. 2об.

21. ГАЯО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 730. Л. 6–7.

22. РГИА. Ф. 1287. Оп. 12. Д. 860. Л. 405об.

23. РГИА. Ф. 1287. Оп. 11. Д. 405. Л. 303–306.

24. РГИА. Ф. 1287. Оп. 12. Д. 860. Л. 4об.

25. ГАЯО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 368. Л. 6.

26. ГАКО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1200. Л. 8–9.

27. ГАКО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1197. Л. 10.

28. ГАКО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1134. Л. 2.

The program of the reign of Emperor Alexander I: on authorship and periodization

A. V. Borisova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-44-51

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the study of the content and results of the transformations of Emperor Alexander I. An attempt is made to abandon the traditional division of reforms into periods in favor of the study of the sources of known software installations. Highlighted the determining role of ideas of the tutor of the Grand Duke – F. C. La Harpe. The main attention is paid to studying of separate directions of reforms of long reign. The goals, the course of transformations and their results are compared.

Keywords: Emperor Alexander I; reforms of; F. C. de La Harpe; program transformations

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Borisova, Alina V. | E-mail: avb_hist@mail.ru
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Программа царствования императора Александра I: об авторстве и периодизации

А. В. Борисова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-44-51
УДК 94(47)

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена изучению преобразований императора Александра I. Автором предпринята попытка отказаться от традиционного деления реформ на периоды в пользу исследования источников известных программных установок. Выделена определяющая роль идей воспитателя великого князя – Ф. С. Лагарпа. Основное внимание уделено изучению отдельных направлений реформ длительного царствования. Рассматриваются цели, ход преобразований и их результаты.

Ключевые слова: император Александр I; реформы; Ф.-С. Лагарп; программа преобразований

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисова, Алина Викторовна | E-mail: avb_hist@mail.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Царствование императора Александра I достаточно хорошо изучено с фактической стороны. Известны точки зрения на периодизацию данной эпохи, в которой традиционно выделены так называемые «либеральный» и «консервативный» периоды. Н. К. Шильдер называл их «реформаторский» и «реакционный» [1, с. 127]. Хронологические рамки фаз царствования разнятся у отдельных авторов, обозначение этапов также отличается. По сути, исследователи воспринимают длительное правление Александра I как период подъема активности с либеральными идеями во главе и время охлаждения, усталости и естественной реакции, то консерватизма. Так или иначе время царствования предстает разделенным, как минимум, на два периода. Н. М. Романов предложил выделять пять этапов

© Борисова А. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

правления венценосного родственника; первый из них он называл «эпохой колебаний», а последний – «эпохой общего разочарования» [2, с. 36].

В основе любой периодизации могут лежать различные факторы: внешняя или внутренняя нестабильность, изменения в характере и частной жизни первого лица, смена команды или фаворитов и многое другое. На наш взгляд, эпоху Александра I всегда разделяли на отдельные периоды, между которыми была Отечественная война 1812 г. и Заграничные походы. С точки зрения событийной канвы, безусловно, так. Если же обратиться к логике внутривластного курса, то подход к пониманию происходившего должен отличаться.

Изучение данной проблемы невозможно без обращения к идеям, идеалам и планам великого князя Александра Павловича. Он много говорил о стремлении дать свободу подданным и осчастливить их. Что же именно собирался осуществить наследник, а впоследствии император? Возможно ли говорить о том, что, предприняв некоторые преобразования в первые годы правления, он разочаровался в результатах и отказался продолжать задуманное?

Изучение длительной и обширной переписки Александра Павловича и его воспитателя и друга Ф. С. Лагарпа позволило поставить вопрос о наличии «плана царствования», который император и стремился реализовать в течение всего правления с тем или иным успехом. Сразу отметим, что некоего единого документа подобного содержания не существовало. Многочисленные письма, инструкции, записки позволяют выявить те ориентиры, которые наметил для царского внука Фредерик Сезар. Наставник в течение определенного времени формировал группы вопросов, которыми Александру будет необходимо заниматься, вступив на престол. Позднее, помогая молодому правителю, Лагарп более детально обозначил перечень проблем и пути решения, которые должны стать для императора первостепенными.

Программу Ф. С. Лагарпа можно условно разделить на 4 раздела: 1) что должен делать царь; 2) развитие сельского хозяйства; 3) преобразование народного просвещения; 4) упорядочение правления. Рассмотрим каждое направление с двух позиций: рекомендаций воспитателя и практической деятельности Александра Павловича. Первый раздел содержит рекомендации морально-этического и практического свойства. Жизнь монарха, по мнению швейцарца, должна подчиняться ряду полезных правил: рано и строго в определенный час вставать; слабости не выказывать; сознавать, что в имеющемся положении друзей не будет, но можно найти умных слуг.

Действительно, все современники отмечали активность царя, особенно значительное число поездок по стране и Европе. Александр Павлович неоднократно высказывал приближенным мысль о недостатке надежных

людей, на которых можно опереться в делах трудных и долгих. Единственным другом, насколько это было возможно при столь существенной разнице в положении, на протяжении всей жизни оставался только Ф. С. Лагарп. Наставник понимал, что эффективное управление столь обширной империей невозможно, если император замкнется в кабинетах Зимнего дворца. Лагарп советовал назначить дни для бесед с «провинциальными жителями»: «так Вы узнаете страну, людей, обычаи» [3, с. 136]. Большое значение для просвещенного монарха имело также владение современной ситуацией, знание происходившего в различных сферах жизни страны. Поэтому Фредерик Сезар советовал назначить человека, ответственного за составление для императора обзора новостей литературы, науки и художеств. Кроме того, царь и сам должен был посещать публичные заведения, фабрики и мастерские.

Второй раздел содержит размышления и предложения о мерах к процветанию страны. Ф. С. Лагарп отмечал, «что было бы бесконечно выгодно для Александра Павловича больше внимания земледельческой науке уделять» [3, с. 324]. С этой целью предлагалось выявить в каждом уезде знающих людей и поручить им составление описи обработанных и необработанных земель, скота, путей сообщения. Швейцарец обращал внимание императора на то, что «разнообразие климатов и почв российских позволяет здесь выращивать почти все культуры, какие в странах Европы произрастают» [3, с. 325]. Воспитатель поделился с великим князем наблюдением о том, что в России пренебрегают разведением плодовых деревьев и испытывают недостаток фруктов. В то же время собственное производство могло бы избавить от необходимости закупки товара в других странах. С целью знакомства с садоводством предлагалось завести в каждой провинции ботанический сад или питомники.

В 1811 г. по инициативе Общества сельского хозяйства Южной России и будущего Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора **М. С. Воронцова** был основан казенный ботанический сад в Крыму. Впоследствии подобные заведения появились в других местностях юга России. Уже через три года из сада стали продавать плодовые и декоративные растения [4, с. 58].

В своих письмах Лагарп настоятельно просил Александра не забывать его советы, поскольку «правильно устроенное сельское хозяйство есть основа благополучия державы...ведь одно оно может покончить с той зависимостью от иностранных держав, в какой Вы пребываете...» [3, с. 334].

Внимание императора к вопросам сельского хозяйства было устойчивым на протяжении всего царствования. Однако практическая деятельность могла быть успешной исключительно при инициативе и поддержке местной власти и жителей отдельных губерний. К сожалению, редкие

примеры активности уездного дворянства не могли заменить единой систематической работы в масштабах страны.

Комплекс идей, посвященных проблеме образования, основывался на письмах Лагарпа Александру I от апреля 1801 г. Обстоятельства времени определили очередность усилий монарха. В отличие от общих рекомендаций предшествующей поры, с момента вступления на престол перед Александром учитель ставил три задачи: на первом месте – вопрос о мире, на втором – образования, на третьем – реформа юридическая. «Образование и законодательство – вот две главные отрасли, в коих Вам труды предстоят» [3, с. 403].

Лагарп указывал, что «человечество имеет неоспоримые права на свободу, что правительства обязаны давать подданным образование, что невежество и суеверия лишь мошенникам и тиранам выгодны» [3, с. 385]. Швейцарец апеллировал к опыту Екатерины II. Именно она утвердила «План к установлению народных училищ в Российской империи» в 1782 г. По мнению Ф. С. Лагарпа, Россия нуждалась в первую очередь не в лицеях и университетах, где могла бы обучаться элита дворянства, а в начальных сельских школах для крестьян.

Молодой император энергично принялся за преобразования в системе обучения, чему способствовали единомышленники из Негласного комитета. В 1803 г. было издано новое положение об устройстве учебных заведений, внесшее новые принципы в систему образования: бессловность учебных структур, бесплатность обучения на низших его ступенях, преемственность учебных программ. На основании записок, составленных в 1802 г. А. Чарторыйским и Ф. С. Лагарпом, в 1804 г. правительство издало Положение об устройстве училищ. Россия была разделена на 6 учебных округов с университетами в центре. На начальном уровне были гимназии, уездные и приходские училища. Для руководства всей системой образования было принято решение об учреждении отдельного Министерства народного просвещения в сентябре 1802 г. В целях осуществления методической и практической работы по реализации реформы 25 января 1803 г. было открыто Главное Правление Училищ.

Сосредоточившись на высших и средних школах, Главное правление не довело до конца реформу начального народного образования. Казенные крестьяне не хотели содержать приходские училища, помещики тоже. Часто заведения существовали на средства духовенства или частных лиц.

Поддержка и устройство новых учебных заведений оставались одним из направлений правительственной политики. Так, в 1817 г. по указу императора Александра I было открыто высшее учебное заведение в Одессе – Ришельевский лицей. В 1819 г. Петербургский педагогический институт был преобразован в университет. В 1820 г. открылся Нежинский

лицей князя А. А. Безбородко. Это было высшее учебное заведение в память канцлера Российской империи князя А. А. Безбородко.

Под «реформой юридической» Ф.-С. Лагарп понимал составление гражданского и уголовного кодексов, а также сельскохозяйственного, лесного, торгового и других кодексов. Объясняя молодому государю необходимость проведения реформ в данной области, наставник выделял следующие тезисы: серьезные злоупотребления; важность стремления к «лучшему порядку вещей»; невежество и полуобразованность населения; при сохранении имеющегося порядка падение авторитета и могущества государства [3, с. 399].

Сознавая масштабы работы, наставник отмечал, что «труды великие; однако они по силам... даруете гражданам ручательства безопасности личной и имущественной, которые чудесным образом умножат доверие общества, торговый оборот, кредит...» [3, с. 386]. Важно отметить, что в рассуждениях Лагарпа в стороне остается вопрос о крепостном праве. Направляя стремления Александра I к ценностям Просвещения, он не ставил проблему освобождения миллионов крестьян для включения их в состав «граждан». Безусловно, Фредерик Сезар указывал на рабское состояние народа, но не давал рекомендаций социально-экономического содержания. Объяснением такой позиции могут служить слова учителя о категориях людей, способных поддержать юридическую реформу или воспротивиться ей: «Исключаю из этого перечня народ в целом, который, разумеется, улучшения своей участи желает, однако, не имея ни малейшего понятия о средствах его достигнуть, сделался бы злейшим врагом реформ...» [3, с. 401]. Более того, он признавался, что не знает способов решения проблемы «мягко, без шума и, главное, без покушений на право собственности» [3, с. 405].

В условиях дефицита образованных и опытных кадров Ф. С. Лагарп советовал царю воспользоваться помощью иностранцев, хотя и отмечал, что нация развивается только собственными силами. Важнейшим замечанием, на наш взгляд, стала мысль о том, что для достижения поставленных целей необходимо именно строить, а не украшать государственное здание.

К числу серьезных проблем, существовавших в сфере права в России, Лагарп относил отсутствие системы обучения юридическим наукам, отсутствие юридического образования у чиновников, когда «храм правосудия предоставлен одним только военным либо царедворцам» [3, с. 414], несовершенство самой системы в государстве. Формируя гражданский кодекс, стоило обратить внимание на национальный состав государства и наличие различных обычаев и политического опыта.

По опыту своей республики Лагарп предлагал обратить особое внимание на мещан, поскольку из них может и должно быть сформировано тре-

тье сословие. Одной из мер должно стать разрешение приобретать землю в собственность. Наличие собственности позволило бы мещанам осознать свои права и обязанности: эта отдельно взятая инициатива оказалась реально осуществимой. 12 декабря 1801 г. был издан Указ, разрешавший купцам, мещанам и казенным крестьянам приобретать ненаселенные земли.

Сложнейшим этапом юридической реформы явилась работа по систематизации законодательства. В 1804 г. император Александр I учредил новую Комиссию составления Законов. «Комиссии поручалось составить общие государственные законы для всей территории России. Из массы действующих законов следовало выбрать те, которые в большей степени полезны для блага народа и соответствуют духу нации и условиям страны. Почти 8 лет ушло только на сбор действующего законодательства и приведение его в систему. «Бесконечные противоречия, пробелы в праве, неразработанность целого ряда институтов и язык, недоступный для понимания не только населением, но и юристами, заставили Сперанского приступить к созданию проекта нового уложения» [5, с. 58].

Опала директора Комиссии составления законов – М. М. Сперанского – в 1812 г. приостановила ее работу. В целом за годы царствования Александра I были подготовлены проекты гражданского и уголовного уложения. Значительная часть работы и, собственно, создание Свода законов пришлось уже на царствование Николая I.

Глубинные системные проблемы, копившиеся десятилетиями и более, достались в наследство императору Александру I. Видные сподвижники неоднократно отмечали, что, если бы часть вопросов была разработана и подготовлена к разрешению ранее, их деятельность была бы более продуктивной. Огромный комплекс задач, стоявших перед новым царствованием, не мог быть в полной мере разрешен в пределах одной эпохи. Кроме того, эффективность практической деятельности зависела от общих усилий власти и представителей различных сословий. Отсутствие диалога объяснялось, с одной стороны, страхом правительства перед народными возмущениями, с другой – полным отсутствием гражданской инициативы со стороны слоя свободного населения. Доля крепостных от общего населения страны на 1812 г. составляла 25,18 % [6, с. 34].

Изучая эпоху императора Александра I, можно констатировать, что при вступлении на престол молодой царь осознавал круг первостепенных задач, к решению которых он должен был приступить. В определенной степени он имел и некоторый план действий. Практическая значимость и эффективность преобразований в различных сферах была неоднозначной. Несоответствие ожиданий и реальных результатов, как мы видим, не привели к полному отказу от продолжения курса на реформы. В то же время глубина и темпы работы комиссий, комитетов, от-

дельных чиновников заметно изменились после начала Отечественной войны по объективным причинам. В целом общие принципы управления, сформулированные в эпистолярном наследии Ф. С. Лагарпа, оставались на протяжении всего царствования основой стратегического курса императора Александра I.

Ссылки

1. Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1897–1898. Т. 2. 460 с.
2. Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I: биография. М.: Захаров, 2010. 320 с.
3. Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы: в 3 т. /сост., вступ. ст. и коммент. А. Ю. Андреева и Д. Тозато-Риго; пер. с фр. В. А. Мильчиной. М.: Политическая энциклопедия. 2015. Т. 1. 920 с.
4. Morgul E. , Sklyarova E. Nikitsky botanic garden in Crimea in the context of botanic gardens formation problem of Europe and Russia // Научный альманах стран Причерноморья. 2017. № 2(10). С. 55–62.
5. Белозеров Б. П. М. М. Сперанский и его роль в формировании российского законодательства первой половины XIX в. // Социология и право. 2013. № 2 (19). С. 55–67.
6. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1813–1913гг.). Статистические очерки / под ред. акад. С. Г. Струмилина. М.: Государственное статистическое изд-во, 1956. 352 с.

Foreign Policy of the Union of South Africa and Its Relationship with the USSR in 1950–1960th

A. A. Arkhangelskaya^{1,2}, D. V. Kochetov¹

¹Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 30/1, Spiridonovka str., Moscow, 123001, Russian Federation

²Higher School of Economics, 11 Pokrovsky Boulevard, Moscow, 109028, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-52-63

Research article
Full text in Russian

This article discusses Union of South Africa (UAS) in the 1950s–1960s, in perspective of the double diplomacy that was formed in connection with the establishment of apartheid. On one hand, the diplomacy of the official foreign Ministry of the UAS, which was adapting to the international isolation that began to develop around it (in many ways controversial), primarily from the independent countries of Africa and the USSR. On the other hand, it was the diplomacy of the national liberation movements that fought against this regime, namely the ANC. On the basis of archival documents, it can be seen that in 1959, even before the world-wide shooting in Sharpeville (1960), in the USSR, a high-level proposal was made to support the ANC and oppose the government of the UAS in all diplomatic directions.

Keywords: South Africa; Africa; ANC; Russia; USSR; apartheid; historical memory; foreign policy

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Arkhangelskaya, Alexandra A. | E-mail: aarkhangelskaya@gmail.com
Cand. Sc. (History), Research fellow

Kochetov, Dmitriy V. | E-mail: k.kimlenko@gmail.com
Cand. Sc. degree seeking applicant

Funding: RFBR and the National Research Foundation (South Africa), Project No. 19-514-60002.

Внешняя политика ЮАС и его отношения с СССР в 1950–1960-е гг.

А. А. Архангельская^{1,2}, Д. В. Кочетов¹

¹Институт Африки РАН, ул. Спиридоновка, 30/1, Москва, 123001, Российская Федерация

² ВШЭ, Покровский бульвар, 11, Москва, 109028, Российская федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-52-63

Научная статья

УДК 908

Полный текст на русском языке

В статье рассматривается процесс становления двойной дипломатии в Южно-Африканском Союзе (ЮАС) в 1950 – 1960-х гг. на фоне формирования системы апартеида. Министерство иностранных дел Республики вырабатывало позицию, позволяющую приспособиться к режиму изоляции, в которую мировое сообщество поставило ЮАС. Легитимность такой изоляции достаточно сомнительна. Параллельно шел процесс формирования дипломатии национально-освободительных движений, и в первую очередь – Африканского национального конгресса (АНК), осуществлявших противостояние режиму. На основе изучения документов из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), можно отметить, что в 1959 г., то есть ещё за год до ставшего известным во всём мире расстрела в Шарпевиле, правительство СССР рассматривало возможность поддержки АНК и предполагало противодействие текущей политике правительства Южно-Африканского Союза по всем возможным дипломатическим каналам.

Ключевые слова: ЮАР; ЮАС; Африка; АНК; Российская Федерация; СССР; апартеид; историческая память; дипломатия

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Архангельская, Александра Александровна	E-mail: aarkhangelskaya@gmail.com Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Кочетов, Дмитрий Викторович	E-mail: k.kimlenko@gmail.com Соискатель

Финансирование: РФФИ и Национальный исследовательский фонд (ЮАР), проект № 19-514-60002 – «Международная солидарность в борьбе с апартеидом: историческая память в Российской Федерации и Южной Африке».

Данная работа направлена на достижение основной цели проекта – сохранение в РФ и ЮАР исторической памяти о борьбе с апартеидом от самого начала помощи СССР подпольному национально-освободительному движению ЮАС и до устранения режима апартеида в 1994 г.

© Архангельская А. А., Кочетков Д. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Память о поддержке Советским Союзом Африканского национально-го конгресса (АНК) до сих пор жива, но только у ветеранов народно-освободительного движения. Младшие поколения мало задумываются о своей истории. О роли Советского Союза, о его поддержке национально освободительных движений, о том, насколько сильным было его воздействие на реалии и внутривнутриполитическую обстановку в Южной Африке, написано достаточно много специальной литературы и популярных исторических текстов. В данной работе мы хотели бы остановиться на тех данных, которые имеются в хранилищах Архива внешней политики Российской Федерации и до сих пор были неизвестны широкой публике или использовались в мало-тиражных исследованиях, предназначенных для узкого круга профессионалов.

Внешняя политика ЮАС всегда была дуалистична. Причиной тому являлись сложная многополярная история страны, тяжёлый процесс становления суверенитета государства, когда-то являвшегося доминионом Британской империи, а также заметное отсутствие дипломатического опыта у госслужащих. Во времена нахождения на посту премьер-министра Яна Сметса¹ ЮАС был вполне успешен на мировой арене. Давние связи с Великобританией и выдающиеся личные качества премьер-министра позволили Южно-Африканскому Союзу стать не просто наблюдателем, а полноправным участником мировых политических событий, включая обе мировые войны и мирное урегулирование. Одновременно внутренняя политика Союза требовала перемен, которые стали подготовкой к легитимизации апартеида. Однако мир после Второй мировой войны перешёл в фазу резкого противления разделению рас, что противоречило позиции архитекторов «раздельного проживания», обосновывавших его выживанием белых в Африке.

Зарождением апартеида среди белого населения Южной Африки можно считать последнюю четверть XIX в.: метрополия (Великобритания) и бурские республики одобрили введение законов о расовой сегрегации, не изменивших правила жизни гражданского общества, однако подготовивших будущих законодателей к тотализации апартеида и выстраиванию его как самостоятельной системы существования социума. Во втором десятилетии XX в. организационно оформилось сопротивление чёрного населения; основной вехой которого стало создание Южноафриканского туземного конгресса (1912 г.) с его перерастанием в более обширный по своему представительскому составу и целям Африканский национальный конгресс (1923 г.).

Вторая мировая война и личная вовлеченность премьер-министра Сметса в мировую политику лишь отложили введение апартеида как государ-

¹ Сметс (Smuts) Ян Христиан (1870–1950) – философ, южноафриканский политический деятель, принимавший участие в разработке устава Лиги Наций и Устава ООН, британский фельдмаршал. В 1919–1924 и 1939–1948 гг. – премьер-министр ЮАС.

ственно-общественной системы, и уже в 1948 г., после вхождения во власть Национальной партии, чьей разработкой и был апартеид, Южно-Африканский Союз достаточно быстро и резко был осуждён на мировом уровне и подвергся политической изоляции. Осуждение и изоляция разрастались по мере воплощения правительством ЮАС апартеида в жизнь общества.

Новая политическая элита восприняла эти меры лишь как внешнеполитический вызов, требующий разработки новых дипломатических подходов, одновременно понимая, что международный остракизм требует либо решительного противостояния, либо не менее решительного отказа от побудившей его политики [1, с. 103–104].

Дипломатические миссии ЮАС в 1950-х гг. были слабо представлены профессиональными дипломатами и лишь в весьма небольшой степени были способны отстаивать государственную политику. Сменивший Смэтса на посту премьера Хендрик Френс Фервурд лично руководил госполитикой на мировой арене, минуя МИД (что постоянно вызывало внутриправительственные трения), и противостоял странам, оказывавшим давление на ЮАС с целью улучшения положения чёрного населения. Несмотря на санкционное давление мирового сообщества, экономические связи и с Западом, и с остальной Африкой были достаточно прочными, торговое сальдо страны долгие десятилетия было профицитным.

Основополагающей вехой в истории государства стало образование независимой Южно-Африканской Республики, пришедшей в 1961 г. на смену Южно-Африканскому Союзу; ЮАР перестала быть страной Содружества, руководимого Великобританией. Следует отметить, что именно противодействие политике апартеида со стороны остальных стран – членов Содружества, а не собственная заинтересованность новообразованной ЮАР в таком выходе стала причиной освобождения ЮАР из-под пристального наблюдения бывшей метрополии; фактически можно говорить не о выходе из Содружества, а об исключении из него.

Одновременно с официальной политикой в ЮАР появилась и дипломатия, которую можно назвать «теневой». Её осуществлял АНК, выстраивая международные отношения параллельно с государственными дипломатами других стран. Теневая дипломатия, осуществляемая Африканским Национальным Конгрессом, может трактоваться в истории внешнеполитических служб как дипломатический феномен. Государственный режим занял по отношению к мировому сообществу оборонительную позицию, а АНК в свою очередь налаживал дружественные связи, которые привели к определённым позитивным результатам. Ретроспективный разбор дипломатической деятельности народных освободительных движений позволит понять, каким образом «неофициальные дипломаты» сумели прийти к практическим результатам своей деятельности на международной арене.

1960 г. исторически считается Годом Африки, на континенте появилось 17 независимых государств. Продолжалась освободительная война в Алжире, страна намеревалась сбросить французское колониальное господство. На фоне вооружённых противостояний по всему континенту борьба Африканского Национального Конгресса против апартеида может считаться мирной, ограниченной рамками акций протеста, без применения насилия к власти. Всё изменилось после трагического «расстрела в Шарпевиле».

21 марта 1960 г. около шести тысяч представителей африканского, небелого, населения собрались у полицейского участка в г. Шарпевиль с протестами против «закона о пропусках». В соответствии с ним каждый чёрный гражданин ЮАР обязан был носить пропуск, обязательный к предъявлению сотруднику полиции и еще пятнадцати другим категориям силовых ведомств и чиновников. Отказ считался правонарушением; гражданин подвергался аресту на 30 суток.

Пикетировавшие были разогнаны полицейскими, но собирались снова, в том числе женщины и дети. В толпе циркулировали слухи о том, что власти собираются разъяснить новые правила пропускного режима, толпа напирала на ограду отделения полиции. Без предупреждения полицейские стали стрелять по собравшимся, в том числе по убегающим. Итог: 69 убитых, 180 раненых. Бесчинство и самоуправство полиции стало сигналом для всех мировых СМИ и международной дипломатии, резко осудившей ЮАС; соответствующая директива Совбеза ООН была опубликована 1 апреля 1961 г. [2, с. 256].

Государство использовало расстрел в Шарпевиле как отправной пункт для репрессий в отношении чёрной оппозиции, в первую очередь – Африканского Национального Конгресса. Спустя неделю после резкого осуждения со стороны Организации Объединённых Наций, правительство ЮАС обнародовало Акт «О незаконных организациях» [3, с. 3]. Начиная с 8 апреля 1961 г. в соответствии с данным Актом деятельность Африканского Национального Конгресса, а также ПАК² были запрещены. Лидеры ПАК и АНК, не прекратив призывов против апартеида, ушли в «подполье» – официально они стали именоваться «запрещёнными лицами», их политическая и иная профессиональная деятельность были объявлены вне закона. Президенту Африканского Национального Конгресса Альберту Лутули было запрещено покидать Гроутвиль (провинция Наталь), его заместителю Оливеру Тамбо – Йоханнесбург, ни о каких контактах с иностранными дипломатами не могло идти речи, деятельность организаций была парализована.

В сложившейся непростой ситуации верхушка Конгресса перешла к обсуждению возможности применения активных, в том числе насиль-

² Панафриканский конгресс (ПАК) (англ. Pan-Africanist Congress) – организация, созданная в 1959 г. отколовшимися от АНК активистами борьбы с апартеидом, которые заняли радикальную позицию «Африка – для чёрных африканцев».

ственных методов борьбы; по заявлению Н. Манделы на суде в 1962 г.³, это были лишь ответные шаги Конгресса: «Действуя насильственно, правительство будет порождать только насилие в ответ, пока власть предрержащие не обратятся к здравому смыслу в своих действиях» [4, с. 230].

Вооружённое сопротивление требовало выделения «военного» крыла в отдельную организацию; таковой стало «Умконто ве сизве» («Копье нации»). Африканский Национальный Конгресс руководил Умконто, хотя дистанция соблюдалась. Руководители АНК сотрудничали с управленцами прочих антирасистских движений, которые слились в единый Союз конгрессов. Пример успешных, приведших к обретению государственной независимости вооружённых переворотов в других странах подталкивал АНК к радикальным методам борьбы не менее, чем насильственные репрессивные действия собственного правительства.

Умконто было готово оказывать вооружённое сопротивление правительству, однако существовали две базовые проблемы: нехватка военных кадров и нехватка материально-технического обеспечения, в первую очередь оружия. Логичным шагом была попытка получить и то и другое извне, от других государств и/или других национально-освободительных движений, вступив с ними в коалиционные отношения. Естественным образом армия ЮАС была несравнимо лучше экипирована, снабжена изрядным запасом оружия и расходных материалов на случай ведения полноценных военных действий, ею руководили кадровые военные. Несмотря на оружейное эмбарго со стороны мирового сообщества, армия ЮАС размещала заказы на производство большого ассортимента вооружений непосредственно на территории самой страны. Единственный путь, которым могло следовать Умконто, не считая коллаборации с сочувствующими иностранными режимами, – диверсионная борьба с правительственными войсками, направленная на точечное нанесение максимального ущерба. Армейские подразделения в ответ на теракты со стороны Умконто наносили ему одно сокрушительное поражение за другим, и организация перешла к тактике вялотекущей партизанской войны, отдавая себе отчёт в том, что без сторонних финансовых и материально-технических вливаний борьба обречена на медленное угасание. Руководство Умконто с не меньшей ясностью понимало и то, что необходима не только техническая и экономическая по-

³ 5 августа 1962 г. Нельсон Мандела после полутора лет существования на подпольном положении был подвергнут аресту у г. Хаувик. Н. Мандела управлял автомобилем бизнесмена С. Уильямса, выправившего для своего водителя бумаги на имя Дэвида Мотсамайа – таким образом руководитель диверсионной по своей сути организации Умконто свободно перемещался по территории страны. После ареста он оказался в Йоханнесбургской городской тюрьме, а Уильямс ускользнул от правосудия и осел в Лондоне, где и скончался в 1978 г. Раскрытию личности «водителя бизнесмена» способствовали разведывательные усилия Центрального Разведывательного Управления США. Суд обвинил Н. Манделу в организации забастовки в 1961 г. и нелегитимном пересечении госграницы и приговорил 25 октября 1962 г. к пяти годам заключения.

мощь из-за рубежа, но и то, что с имеющимися в её распоряжении военными специалистами невозможно планировать длительное успешное противостояние режиму [5, с. 14–38].

О. Тамбо был откомандирован Африканским Национальным Конгрессом за границу для установления международных контактов: «организовать мировую поддержку изоляции государств, исповедующих теорию апартеида и воплощающих её в жизнь в практических действиях по отношению к своим народам», а также «для обеспечения надёжных тылов нашей борьбы» [5, с. 76].

Спустя два года, в 1962 г., с теми же задачами отправился в зарубежное «турне» уже и сам Нельсон Мандела. Его поездка по африканским странам была успешной, хотя очевидным было недопонимание, которым встречали описание помощи национальному (чернокожему) населению со стороны белых и азиатов, а также коммунистов разных стран. Несомненным успехом дипломатической деятельности Тамбо и Манделы можно считать организацию переброски в другие (африканские) страны групп добровольцев из ЮАС для прохождения военной подготовки.

Организация посольства СССР в Танганьике, получившей независимость в 1961 г., предоставила широкие возможности АНК, помимо того, что Танганьика уже считалась «тыловой базой» для южноафриканских борцов с апартеидом. Секретариат ЦК КПСС передал Оливеру Тамбо через дар-эс-саламское посольство приглашение «посетить Советский Союз в удобное время». Тамбо прибыл в СССР в апреле 1963 г., сопровождаемый Мозесом Котане, и на встрече с Б. Н. Пономаревым известил советское правительство о крайней необходимости и желательности финансовой помощи в размере 250 тыс. английских фунтов, подчеркнув, что основную надежду на получение этой суммы АНК возлагает именно на СССР, заметив, что попутно сборы проходят и в других странах. СССР выделил \$300 тыс., что по тогдашнему курсу составило 40 % от желаемого. Следует подчеркнуть, что средства были выделены ЦК партии, а не советским государством, то есть можно утверждать, что начиная с 1963 г. АНК начал получать экономическую помощь непосредственно от компартий разных стран [6, с. 313].

Государства Африки оказывали значительную помощь АНК по нескольким причинам. Например, Марокко, обретшее независимость в 1956 г., активно способствовало своему ближайшему соседу, Алжиру, в достижении такого же результата, одновременно посильно помогая другим странам континента, в которых велась национально-освободительная борьба против колониализма. Алжир получил независимость пятью годами позднее Марокко и последовал примеру поддержавшей его страны, предоставляя посильную помощь даже в непростой период первых же лет своего становления как государства. Египет и Эфиопия были не менее активны

в поддержке panaфриканского движения за освобождение от колониального гнёта европейцев. Император Эфиопии Хайле Селассие Первый был одним из активных организаторов глав независимых государств континента в 1963 г. в столице своей страны, там же открылась штаб-квартира Организации африканского единства (ОАЕ).

Международные дипломатические усилия Оливера Тамбо не ограничились «сбором средств» от сочувствующих правительств и партий; его инициативой было подписание Декларации о создании Объединенного фронта Южной Африки (ОФЮА), членами которого стал Африканский Национальный Конгресс, ПАК, ЮАИК и незадолго до этого образованный Национальный союз Юго-Западной Африки. Представительства ОФЮА открылись в Каире, в Аккре, Дар-эс-Саламе, а также в Лондоне. ОФЮА сформировал представительные делегации для присутствия в Организации Объединённых Наций и в странах Британского Содружества. ОФЮА добился серьёзной мировой поддержки; одной из причин ухода Южной Африки из Британского Содружества Юсуф Даду (руководитель ЮАКП) считал именно активные действия представителей ОФЮА на дипломатическом поприще.

Юсуф Даду напоминал об опыте компартии Советского Союза: «Все мы видели, как воплощение в жизнь сходных принципов решило национальный вопрос, стало побудительной причиной для взрывного развития бывших колоний царской России, к настоящему, неподдельному росту уровня жизни народов, которые угнетались в совсем ещё недавнем прошлом. Мы уверены, что сумеем достичь тех же результатов, если пойдём тем же путём, который до нас уже был определён нашими товарищами из Советского Союза. Опыт народа этой великой страны и её компартии стал и идеологической базой для национально-освободительной борьбы всех остальных народов, и именно влияние и мощь Советского Союза, которое они демонстрируют в духе пролетарского интернационализма, всё дальше и дальше отодвигают границы бывших империй и колонизаторов ...». Также он связал успехи движения против апартеида не только с поддержкой Советского Союза, но и «всего содружества социалистических стран, с ленинской политикой мира и разрядки». «Дух, родившийся в знаменательном для всего человечества 1917 г. не умрёт никогда, – заключил он. – Говоря: “Да здравствует Великая Октябрьская Революция”, мы имеем в виду: “Да здравствует освободительная борьба народов всего мира за мир, социализм и государственную независимость!”» [7, с. 451].

Таким образом можно утверждать, что в начале 1960-х гг. сформировалось уникальное в истории мировой дипломатии явление «дипломатической эмиграции» из Южно-Африканской Республики: группы чернокожих активистов периодически выезжали из страны, устанавливали контакты с иностранными государствами и/или партиями, преследуя общую цель

оказания давления мирового сообщества на систему апартеида, а также для кадровой подготовки военных для предполагавшейся борьбы с ним внутри страны насильственными методами.

Официальные отношения Южно-Африканского Союза и Союза ССР последовательно ухудшались на протяжении всех 50-х гг. Африканское правительство тормозило выдачу дипломатических виз, не допускало “коммунистической пропаганды”, изымая кинофильмы из проката, в том числе даже из закрытого консульского [8, л. 2, 26–29, 34–35, 37–38]. Причина крылась в абсолютном антагонистическом различии между антикоммунистическим и, по сути, расистским курсом одного государства и социалистическим, интернациональным – другого. В 1956 г. консульство СССР было закрыто, а секретарь правительства ЮАС по иностранным делам Д. Д. Форсайт официально заявил, что «русское консульское представительство утратило свою актуальность в нашей стране в связи с прекращением Второй Мировой войны, когда наши страны сплотились в борьбе против мирового зла в лице нацистской Германии» [9, л. 5–6].

В том же заявлении Д. Д. Форсайт предъявил претензии консульству Советского Союза по поводу контактов с нелегальными общественными объединениями, осуществляющими диверсионную деятельность в отношении Южно-Африканского Союза, претензии по поводу распространения коммунистической идеологии, по поводу подстрекательской работы в среде народности банту⁴ и «африканского и индийского конгрессов» к сопротивлению правительству. Ещё одной причиной закрытия консульства стало, по выражению МИД ЮАС, то, «что закон о спиртном злостно и неоднократно не соблюдается в помещениях генконсульства Советской России»⁵. Д. Д. Форсайт, объявив о закрытии консульства, указал, что все последние отношения государств вполне могут быть осуществлены послом Советского Союза в Великобритании посредством привлечения Верховного комиссара Южно-Африканского Союза в этой стране.

В заявлении ТАСС МИД Советского Союза объявил эти претензии необоснованными, а контакты консульства с представителями народности банту и южноафриканцами индийского происхождения – естественными для работы любого консульства в любой иной стране [9, л. 4]. Следует отметить, что в описываемое десятилетие СССР через консульство плотно контактировал с обществом «За мир и дружбу с Советским Союзом». Секретарь Общества, активистка компартии ЮАС Хильда Бернштейн (Уоттс), была известна МИД СССР намного раньше, в 1944 г. [7, с. 380–382],

⁴ Банту – совокупность этносов, проживающих по всей Африке южнее Сахары, в том числе в ЮАР.

⁵ В ЮАС к середине 50-х гг. имелось большое количество ограничений на употребление и производство алкоголя; например, по Закону о спиртном 1927 г. все небольшие южноафриканцы не могли его продавать. На основе именно этого документа непонятно, что именно нарушило консульство, причем ещё и у себя в помещении.

а в 50-е гг. консульство уже снабжало Общество литературой, кинофильмами и прочей продукцией [10, л. 1-3]. Таким образом, обвинения МИД ЮАС в ведении коммунистической пропаганды были не беспочвенны. С другой стороны, для консульства можно считать естественной поддержку граждан, выказывавших симпатию к Советскому Союзу.

Прямая непосредственная передача агитматериалов была запрещена МИД СССР (его Вторым Европейским отделом, отвечавшим тогда за работу в ЮАС); южноафриканцы, не зная этого внутреннего правила советского МИДа, просили о присылке им советской художественной литературы и фильмов [11, л. 2-4; 4, 20-22]. Не располагая возможностью узнать, не будет ли расценено то или иное художественное произведение властями ЮАС как «коммунистическая пропаганда», МИД СССР подходил к выполнению подобных просьб с разумной осторожностью. Возможности вышеупомянутого Общества были затруднены и тем фактом, что буржуазия ЮАС – общественная группа, с которой Общество традиционно взаимодействовало, старалось отмежеваться от коммунистической идеологии, особенно на фоне непрекращающихся репрессий правительства в отношении членов компартии. Агитация как таковая выродилась в келейные просмотры советских кинолент в домах частного сектора не чаще нескольких раз в год [12, л. 5-7]. Общество «За мир и дружбу с Советским Союзом», если судить по сохранившимся в архивах МИД отчётам, де-факто перестало вести деятельность в 1950 г. [13, л. 8-10], при этом его председатель Д. Томпсон в 1951 г. посетил Советский Союз, о чём поведал на собрании перед скромной аудиторией (не более двух сотен человек). Газеты отказались опубликовать его интервью для более широкой аудитории [12, л. 18-20, 26-28].

Однако, несмотря на явное сворачивание своей деятельности, наиболее активное ядро «Общества за мир и дружбу с Советским Союзом» было согласено на агитработу, даже отдавая себе отчёт в том, что наказанием за такую деятельность может стать неотвратимое тюремное заключение. СССР со своей стороны понимал, что работа с Обществом, базирующимся на пропаганде в буржуазной среде, не будет столь эффективной, как сотрудничество с организациями, которые могли бы донести необходимое до беднейших, наиболее угнетённых слоёв социума.

Планомерно развивавшееся на протяжении многих лет сотрудничество с Обществом позволило консульству СССР заметить деятельность Африканского Национального Конгресса, на который Советский Союз и сделал в итоге главную ставку как на организацию, имеющую воздействие на социальные «низы», готовую в том числе и на силовые методы ведения освободительной борьбы.

В 1950 г. АНК и его «генеральный президент» доктор Мороко были лишь вскользь отмечены в справке консульства по текущему состоянию дел для МИД СССР [13, л. 16]. 30 декабря 1950 г. упоминавшаяся выше

Х. Бернштейн отметила Африканский Национальный Конгресс и его «генерального секретаря» В. Сизулу среди направивших приветствие митингу в честь 33-летия Октябрьской Социалистической Революции в Йоханнесбурге [13, л. 1].

Африканский Национальный Конгресс совместно с «Обществом...» принял участие в Трансваальской конференции мира 28–29 апреля 1951 г.; МИД Советского Союза получил отчёт об этой конференции, в том числе оригиналы её повестки и резолюции [12, л. 9–16].

С учётом вышесказанного можно утверждать, что уже в начале 50-х гг. Советский Союз знал о существовании АНК, о том, что он представляет коренное африканское, небелое, население ЮАС и потенциально дружелюбен не только просоветскому Обществу, но и СССР. 24 июля 1959 г. у руководителя Второго Европейского отдела МИД Советского Союза Н. Д. Белохвостикова имелось исчерпывающее количество причин подать докладную с предложением о поддержке бойкота ЮАС Советским Союзом, о разрыве экономических отношений, а также о том, чтобы выступать на международной арене против любых инициатив ЮАС. Такая уверенность подпитывалась и бесцеремонными заявлениями Фервуда в отношении Советского Союза. По линии ВЦСПС и СКССАА Министерством иностранных дел Советского Союза было принято решение о налаживании постоянной связи с Африканским и Индийским конгрессами ЮАС. Также было принято решение о приглашении на постоянной основе молодёжи, задействованной в АНК, в Советский Союз за счёт принимающей стороны [14, л. 3–12].

Минвнешторг предупреждал правительство об исключительно малой выгоде от торговли с Южно-Африканским Союзом, в том числе – от приобретения автомобильного металлопроката [14, л. 14], что нашло отражение в документах о поддержке «африканских» резолюций ООН. Торговля, культурные и туристские связи с Южной Африкой были окончательно свёрнуты. Однако Минвнешторг отмечало, что заменить ЮАС как партнера будет сложно. Торговля приносила, пусть небольшие, но выгоды, прежде всего это касается сбыта металлопроката. Примечательно, что позитивные отзывы южноафриканских туристов, побывавших в Советском Союзе, подрывали антикоммунистическую пропаганду официальной Претории, хотя и не стали достаточным основанием для советской стороны для решения вопроса о сворачивания туризма [14, л. 2–6, 20–31].

Начало 1960-х гг. ознаменовалось изменением дипотношений Москвы и Претории с весьма прохладных к откровенно враждебным, хотя и не прерванным окончательно (общение могло производиться через посредничество Верховного комиссара в Великобритании). ЮАС объявила себя форпостом антикоммунизма в Африке, СССР практически открыто под-

держивал борцов с апартеидом, в том числе – готовых к насильственным действиям с применением оружия.

«Дипломатические эмигранты» на фоне глобального неприятия апартеида добивались всё больших успехов на международной дипломатической арене: за три года, прошедшие с даты официального запрещения АНК, «дипэмигранты» не только наладили прямое общение с Советским Союзом, но и сумели получать реальное оружие от сочувствующих африканских стран. Упоминавшееся выше вполне мирное «Общество за мир и дружбу с Советским Союзом», неготовое по своей идеологии к вооружённой борьбе с режимом, тем не менее сослужило службу в «наведении мостов» между более радикальным АНК и Советским Союзом. Поступавшая от СССР помощь была системной, она определила многие основополагающие аспекты движения против апартеида в ЮАС в 60–70-е гг. XX в.

Ссылки

1. Moroe R. Lessons of the 1950-s // Inqaba ya Basebenzi. 1984. № 13. P. 103–104.
2. Lodge T. Shaperville a Massacre and its Consequence. Oxford: Oxford University Press, 2011. 256 p.
3. Unlawful Organisations Act No 34 of 1960. URL: <http://disa.ukzn.ac.za/leg19600407028020034> (accessed 18.12.2021).
4. Мандела Н. Нет лёгкого пути к свободе: статьи, речи, выступления на суде / пер. И. П. Ястребова. М.: Прогресс, 1968. 231 с.
5. Шубин В. Г. Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М.: Институт Африки РАН, 1999. 468 с.
6. Шубин В. Г. Горячая «холодная война»: Юг Африки (1960–1990 гг.). М.: Яск, 2013. 363 с.
7. Давидсон А. Б., Филатова И. И. Россия и Южная Африка: наведение мостов. М.: Нац. исслед. ун-т – Высш. шк. экономики, 2012. 491 с. URL: <https://litresp.com/chitat/ru/%D0%94/davidson-apollon/rossiya-i-yuzhnaya-afrika-navedenie-mostov/87> (accessed 18.12.2021).
8. АВП РФ. Ф. 145. Оп. 12, п. 6. Д. 11. Л. 26–29, 34–35, 37–38.
9. АВП РФ. Ф. 145. Оп. 15, п. 3. Д. 1. Л. 4–6.
10. АВП РФ. Ф. 145. Оп. 12, п. 6. Д. 2. Л. 1–3.
11. АВП РФ. Ф. 145. Оп. 11, п. 5. Д. 12. Л. 2–4.
12. АВП РФ. Ф. 145. Оп. 12, п. 6. Д. 2. Л. 1, 5–7, 9–16, 18–20, 26–28.
13. АВП РФ. Ф. 145. Оп. 11, п. 5. Д. 12. Л. 1, 8–10, 16.
14. АВП РФ. Ф. 145. Оп. 11, п. 4. Л. 2–14, 20–31.

The issue of the Social Addressee of the Early Christian Apologies in the Modern Foreign Historiography

D. A. Samoylov¹

¹Moscow State University named after M. V. Lomonosov, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-64-69

Research article
Full text in Russian

This paper examines the main concepts of the history of the Early Christian apologetic from the second half of twenty century to the beginning of twenty one century. The author notes that interest to the problem of audience of the apologies is increased in the modern science, the researchers elaborate the new original approaches. Today two views can be distinguished concerning the addressee of the apologies. According to the first, the apologies were intended for non-Christian audience and also could address to the ruling persons. According to the second, the apologies were never read outside the Church and they were created for Christians themselves.

Keywords: the Early Christianity; the apologetic; the Church; the social addressee; historiography

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Samoylov, Dmitry A. | E-mail: dmitrsamojlo@yandex.ru
| Postgraduate

Проблема социального адресата раннехристианских апологий в современной зарубежной историографии

Д. А. Самойлов¹

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-64-69
УДК 94(37).07

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются основные концепции истории раннехристианской апологетики второй половины XX – начала XXI в. Автор отмечает, что интерес к проблематике аудитории апологий усиливается в современной науке, исследователи вырабатывают новые оригинальные подходы. На сегодняшний день можно выделить две точки зрения относительно адресата апологий. Согласно первой – апологии предназначались для внешней нехристианской аудитории и могли быть адресованы правящим лицам. Согласно второй – апологии никогда не читались вне Церкви и создавались они для самих же христиан.

Ключевые слова: раннее христианство; апологетика; Церковь; социальный адресат; историография

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Самойлов, Дмитрий Александрович | E-mail: dmitrsamojlo@yandex.ru
Аспирант

Проблема адресации раннехристианскими апологетами своих сочинений является базовой для изучения истории апологетики в целом. Подробное рассмотрение обозначенной проблемы позволяет, с одной стороны, более комплексно изучить основные процессы, происходившие внутри Церкви II–III вв., с другой – выявить специфику самих апологий как исторического источника. Основная задача работы заключается в том, чтобы осветить основные подходы к обозначенной теме в зарубежной науке второй половины XX – начала XXI в. Ввиду отсутствия в отечественной литературе историографических обзоров, посвящённых раннехристианской апологетике, данное исследование призвано восполнить этот пробел.

В XX веке исследователи раннехристианской апологетики находились под влиянием А. Гарнака – немецкого богослова и историка Церкви. Гарнак подчёркивал значительную роль, которую сыграли апологеты в процессе эллинизации христианского учения [1, р. 174–175]. Исходя из концепции эл-

линизации, исследователи XX столетия не сомневались, что апологии были предназначены для внешней нехристианской аудитории.

Так, например, французский богослов, кардинал Жан Даниелу в своей работе «Евангельское послание и эллинистическая культура» отмечал, что в задачи апологетов входило требование равноправия христиан с другими жителями Римской Империи. Сами апологии не являлись официальными посланиями, адресованными императорам (хотя наличие таковых Даниелу и не отрицал) [2, р. 8]. Даниелу подчёркивал, что в первую очередь апологетические тексты апеллировали к общественному мнению и в этом плане они подобны современным манифестам и открытым письмам. Основную функцию апологетических сочинений Даниелу определял не столько как защиту христианской веры, сколько её проповедь, увидев в них произведения миссионерского толка [2, р. 9].

Подобным образом определял апологии и Р. Грант. Он считал, что предназначались они для нехристианской публики с целью проповеди своей религии [3, р. 9–10]. Исходя из данного утверждения, исследователь начинает историю апологетики ещё с новозаветных текстов. Истоки апологетического жанра Р. Грант усматривает в посланиях апостола Павла [3, р. 19–23], а также в проповедях Павла в Листре и Афинах, о которых повествуют Деяния в главах 14 и 17 соответственно [3, р. 24].

Большое внимание апологиям, адресованным императорам (так называемым «судебным» апологиям), уделял Ф. Миллар в фундаментальной монографии «Император в римском мире (31 г. до н. э. – 337 г. н. э.)». Миллара как профессионального историка-антиковеда мало интересует богословское или философское содержание раннехристианских апологий. В своём исследовании он рассматривает апологию прежде всего как форму обращения к правящим лицам. Автор отмечает, что нельзя с большой точностью определить, в самом ли деле апологии были направлены императорам в качестве официальных прошений или являлись стилизацией [4, р. 561]. Но в целом Ф. Миллар не склонен отрицать реальную возможность того, что христианские апологеты могли апеллировать к представителям римской власти [4, р. 564].

В современной науке воззрение, согласно которому апологии предназначались для внешней аудитории, удерживает свои позиции. Подобный взгляд представлен в таком авторитетном издании, как «Кембриджская история раннехристианской литературы» [5, р. 36–37]. Однако на рубеже XX–XXI в. предпринимаются попытки основательно пересмотреть вопрос об адресате апологий и о сущности раннехристианской апологетики в целом. Наиболее последовательно это сделано в диссертационном исследовании П. Л. Бак. Для начала исследовательница предлагает своё определение апологии. П. Л. Бак полностью отрицает подход Ж. Даниелу и Р. Гранта, в соответствии с которым апологии представляли собой произведения миссионерского толка [6, р. 80]. Автор понимает апологию буквально, как речь в защиту кого-либо [6, р. 78], и подвергает суровой критике попытку Р. Гранта рассматривать некоторые новозаветные тексты как апологетические сочинения.

Так, например, проповедь апостола Павла в Листре не может рассматриваться в качестве апологии, поскольку в Листре, согласно Деяниям, не было никаких нападок на христианское учение, следовательно, не было нужды и защищать его [6, р. 114–116]. И речь Павла перед Ареопагом не являлась апологией, поскольку в Афинах на учение Павла также никто не нападал, соответственно и в речи той нет опровержений каких-либо наветов на христианство [6, р. 118].

Таким образом, апология, согласно П. Л. Бак, является защитой христианской веры от внешних нападок. Исходя из этого утверждения, в качестве источника апологетического жанра раннехристианской литературы автор предлагает рассматривать «Апологию Сократа» Платона. Ведь в данном произведении Платон также стремится защитить учение Сократа, например, от обвинения в безбожии [6, р. 129].

Далее автор задаётся вопросом: в самом ли деле апологии Аристиды, Юстина и Афинагора предназначались императорам? На этот вопрос П. Л. Бак отвечает строго отрицательно. «Судебные» апологии, согласно автору, не соответствуют тем нормам обращения к правящим лицам, которые были приняты в Римской Империи во II–III вв. Во-первых, в надписаниях апологий содержатся серьёзные ошибки при обозначении титулов императоров, что для официальных документов вряд ли было допустимо. Во-вторых, в своём содержании апологии подчас содержат критику как имперского правительства, так и официальной религии, в том числе императорского культа, что также не могло соответствовать принятым нормам [6, р. 240]. Наконец, указывает П. Л. Бак, сам статус христианской религии в Римской Империи как *religio illicita* в принципе не позволял христианам обращаться с апологиями к каким-либо должностным лицам [6, р. 222]. Таким образом, заключает П. Л. Бак, апологии Аристиды, Юстина и Афинагора не являются формальными обращениями к императорам, так же как и «Апология» Платона не является официальной записью суда над Сократом [6, р. 242].

Но кто был подлинным адресатом апологий? П. Л. Бак отрицает возможность того, что апологии были распространены среди нехристианской аудитории [6, р. 260–261]. Автор отмечает, что, вероятнее всего, они имели хождение в христианской среде и их основными функциями были обучение основам веры, увещание и утешение для новообращённых [6, р. 272–276].

Представленный подход к апологетическим текстам обладает как своими положительными, так и отрицательными сторонами. Можно только приветствовать критику Ж. Даниелу и Р. Гранта и соглашаться с рассмотрением апологий как текстов, написанных в первую очередь для защиты христианской религии. Но в то же время ряд приведённых выше положений требует критики. Во-первых, не следует сравнивать с раннехристианскими апологиями «Апологию» Платона, поскольку эти произведения были написаны в разных условиях и по разному поводу. «Апология Сократа» была написана Платоном скорее в память о своём учителе, а раннехристианские апологии создавались в условиях реальных гонений на Церковь. Во-вторых,

нельзя строго утверждать, что статус Церкви в Римской Империи запрещал христианам делать обращения либо самим императорам, либо представителям римской администрации. Сам статус христианства на протяжении II – половины III вв. менялся, и вопрос о деятельности апологетов в этих условиях должен быть существенно уточнён.

Интересное понимание апологий и апологетического жанра встречается также у М. Мак'Гихи в его работе, посвящённой Татиану и его «Речи к эллинам». М. Мак'Гихи выделяет следующие черты, присущие апологиям: 1) защиту конкретных лиц, либо конкретных групп людей, 2) защиту от конкретных обвинений, 3) наличие конкретного адресата [7, р. 146]. С точки зрения автора, «Речь» Татиана не соответствует строгому определению апологии, поэтому должна быть отнесена к другому жанру. Такой жанр М. Мак'Гихи обозначает как протрептик («увещевание») [7, р. 145–146]. Цель Татиана, обратившегося к подобному жанру, заключалась в том, чтобы представить христианство в качестве некоей философии и привлечь внимание внешней аудитории к данной «философской школе» [7, р. 154–155].

В современной науке подход, согласно которому апология представляет собой специфический жанр, отличный от протрептика и других жанров античной литературы, не разделяется авторами коллективной монографии «Апологетика в Римской Империи: язычники, евреи, христиане». Например, Ф. Янг утверждает, что апологетика включала в себя множество форм: и официальные обращения, и послания, и диалоги и т. д. [8, р. 82]. Исследовательница в принципе отказывается от определения апологии как литературного жанра. Ф. Янг отмечает, что единственная общая задача, объединяющая апологетов, заключалась в оправдании своей социальной позиции по отношению к классической культуре [8, р. 104]. Некоторые авторы данной монографии (М. Эдвардс, М. Гудман, С. Прайс и К. Роулэнд) отмечают, что апологетические тексты вряд ли читались вне Церкви, указывая при этом на положение, в котором находилась христианская Церковь в Римской Империи до Константина [8, р. 8]. Истоки раннехристианской апологетики авторы монографии находят ещё в Новом Завете (например, Л. Александр в качестве апологетического текста рассматривает «Деяния Апостолов») [8, р. 15–44].

Некие промежуточные итоги изучения раннехристианской апологетики на современном этапе подводят авторы коллективной монографии под редакцией Я. Энгберга, А.-К. Якобсена и Й. Ульриха. Во вводной статье Й. Ульрих хотя и признаёт сложность однозначного решения вопроса о том, действительно ли некоторые апологеты адресовали свои сочинения римским правителям [9, р. 11], но всё-таки склонен считать, что в основном они ориентировались на внешнюю аудиторию [9, р. 7]. Более того, автор не отрицает возможность, что «судебные» апологии в самом деле предназначались императорам [9, р. 11]. В качестве литературного образца для раннехристианских апологий Й. Ульрих, как и П. Л. Бак, выделяет «Апологию Сократа» Платона [9, р. 8].

Таким образом, в современной историографии интерес к апологиям несколько не угасает, исследователи пытаются выработать оригинальные подходы к этим произведениям. Раннехристианские апологии всё больше сравниваются с произведениями античной литературы, что позволяет учёным по-новому взглянуть и на проблематику аудитории апологетов. Мы можем выделить два основных подхода к обозначенному вопросу:

1) апологии предназначались для внешней публики; те же апологии, которые создавались в виде петиций, обращённых к правящим лицам («судебные» апологии), таковыми и являлись (Ж. Даниелу, Р. Грант, Ф. Миллар и др.);

2) апологии не были распространены среди нехристианской публики, они имели хождение внутри христианских общин и выполняли функции обучения основам веры, утешения и увещевания для новообращённых (П. Л. Бак, отчасти и авторы сборника «Апологетика в Римской Империи»).

Дальнейшее изучение апологетики должно базироваться строго на принципе историзма, т. е. с учётом развития изучаемого явления и, соответственно, изменения социального адресата апологий. К сожалению, данный факт принимается в расчёт немногими учёными. При дальнейшем исследовании проблемы аудитории апологий также представляется важным не только обратить внимание на их жанровую специфику, но и установить более глубокие связи с внешними факторами возникновения и развития апологетики. Среди таковых факторов можно указать развитие антихристианского законодательства в Римской Империи до Константина, гонения на Церковь, пополнение Церкви новообращёнными, социальный статус последних и т. д.

Ссылки

1. Harnack A. History of Dogma. Vol. II / Transl. by N. Buchanan. New York: Dover Publications, 1961. 380 p.

2. Danielou J. Gospel Message and Hellenistic Culture / Transl. and ed. by J. A. Baker. London: Darton, Longman & Todd Ltd., 1973. 541 p.

3. Grant R. M. Greek Apologists of the Second Century. Philadelphia: Westminster Press, 1988. 254 p.

4. Millar F. The Emperor in the Roman World (31 B. C. – A. D. 337). London: Gerald Duckworth & Co. Ltd., 1977. 656 p.

5. The Cambridge History of Early Christian Literature / Ed. by F. Young, L. Ayres, A. Louth. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 530 p.

6. Buck P.L. Second-century Greek Christian Apologies Addressed to Emperors: Their Form and Function: Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy / P.L. Buck. – Ottawa, 1997. 292 p.

7. McGehee M. Why Tatian never “Apologized” to Greeks / M. McGehee // Journal of Early Christian Studies. – Vol. 1. – 1993. – P. 143–158.

8. Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews and Christians / Ed. by M. Edwards, M. Goodman and S. Price. – Oxford: Oxford University Press, 1999. 315 p.

9. In defence of Christianity: Early Christian apologists / Ed. by J. Engberg, A.-C. Jacobsen, J. Ulrich. – Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2014. 263 p.

Negative Continuity in Family Law: A Few Touches to an Expressionist Portrait

N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-70-81

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the analysis of the legislation of the 30s and 40s regarding marriage and the family - the rejection of legal recognition and the identification of the actual protection of marriage, the establishment of a very strict and consistent divorce procedure, the appeal to the truncated status of children born out of wedlock. Its review and evaluation is offered. Emphasis and statements are made on those normative-legal components of the legislation, which, either in full or in a significantly truncated version, are adopted, within the framework of continuity, by subsequent legislative decisions. In particular, we are talking about the continuing, despite legislative initiatives, denial of the need for at least partial protection of the interests of actual spouses (especially those with common children), about “rudimentary echoes” in modern norms on the judicial establishment of paternity of negative (regressive) decisions of the 40s, as well as a specific public component of the divorce process, which obliges the court to decide on issues not declared by the parties. It is emphasized that the effectiveness of strict legislation in the field of marriage and family is apparent and socially harmful, does not correspond to the nature and essence of family relations.

Keywords: family law; 1940s; de facto marriage; dissolution of marriage; out-of-wedlock parenthood; rejection of achievements; negative succession

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina, Nadezhda N.	E-mail: nant@uniyar.ac.ru
	ORCID 0000-0001-8827-5532
	Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of Social and Family Legislation

Funding: Yaroslavl State University, Project VIP–015.

Негативная преемственность в семейном праве: несколько штрихов к портрету в стиле экспрессионизма

Н. Н. Тарусина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-70-81
УДК 340.158

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена анализу законодательства 30-х и 40-х годов по вопросам брака и семьи – отказа от правового признания и соответствующей защиты фактического супружества, введения весьма жесткой и сложной процедуры развода, возвращения к усеченному статусу детей, рожденных вне брака. Предлагается его обзор и оценка. Акценты и констатации делаются на тех нормативно-правовых компонентах данного законодательства, которые либо в полном объеме, либо в существенно усеченном варианте воспринимались, в рамках правовой преемственности, последующими законодательными решениями. В частности, речь идет о продолжающемся, несмотря на законодательные инициативы, отрицании необходимости хотя бы частичной защиты интересов фактических супругов (особенно имеющих общих детей), о «рудиментарных отголосках» в современных нормах о судебном установлении отцовства негативных (регрессивных) решений 40-х годов, а также о специфической публичной компоненте бракоразводного процесса, обязывающей суд принимать решения по вопросам, не заявленным сторонами. Подчеркивается, что эффективность жесткого законодательства в сфере брака и семьи является кажущейся и социально вредной, не соответствует природе и сущности семейных отношений.

Ключевые слова: семейное законодательство; 40-е годы; фактическое супружество; расторжение брака; внебрачное родительство; отказ от достижений; негативная преемственность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина, Надежда Николаевна	E-mail: nant@uniyar.ac.ru
	ORCID 0000-0001-8827-5532
	Кандидат юридических наук, профессор, заведующая кафедрой социального и семейного законодательства

Финансирование: ЯрГУ, проект VIP–015.

В истории российского (советского) семейного права можно отметить несколько «реперных точек». Из одних те или иные правовые институты (или их части) выходили, «искупавшись в благотворных водах» эволюционного эксперимента, не отринувшего при этом добрые начала прежнего законодательного и правоприменительного опыта, из других, получив отрицательную ситуативную (а также и субъективную) энергетику, приобретали качества регресса, «драконовщины», антикультуры. Соответственно в первом случае возникала правовая преемственность по канонам разума и справедливости (или хотя бы одного из этих факторов), во втором – композиции дурной наследственности.

Одним из ярчайших образцов нормотворчества означенного типа является Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»¹. С одной стороны, он установил социальные пособия на детей, ввел государственные награды за многодетное материнство – именно это и отражено в его названии. С другой стороны, он нанес три удара по законодательству, регулировавшему отношения в сфере супружества и внебрачного родительства. Многие представители исторической и юридической доктрины оправдывают жесткость мер обстоятельствами военного времени, однако следует заметить, что подготовка к «драконовым полетам» началась значительно раньше, еще до войны, в 1936 году, – в образе Постановления ЦИК и Совета Народных комиссаров от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным², расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»³ – первой попытки жесткого перевода, наряду с отношениями с оправданной государственно-публичной компонентой, сферы частной жизни на рельсы публичности. Разумеется, работа по расширению сети социальных услуг, а также введение правила о долевом взыскании алиментов (действующего и по сей день), усиление наказания злостным неплательщикам алиментов и даже внедрение дифференцированной пошлины за развод⁴ – возражений не вызывает. Однако запрет прерывания бере-

¹ Ведомости Верховного Совета СССР СССР. 1944. № 32.

² Весьма, кстати, двусмысленный термин

³ СЗ СССР. 1936. Ст. 34.

⁴ Правда, на наш взгляд, избыточно высокой. Например, за первый развод – 50 руб., второй – 150, за третий и последующие разводы – 300 руб. Средняя зарплата в это время составляла 208 руб. Нетрудно вывести пропорции с ситуацией сегодняшнего дня (600/650 руб.).

менности привел к тому, что немалое число женщин было либо травмировано, либо погибло вследствие криминального абортирования.

М. В. Антокольская совершенно справедливо отмечает, что в годы объявления данного запрета граждане не имели даже элементарных представлений о планировании семьи, а также доступа к контрацептивным средствам; именно страх уголовного преследования «заказчиков» и «исполнителей» подталкивал их к криминальному поведению и последующему отказу, в случае тяжелых последствий после операции, от медицинской помощи [1, с. 110]. «Новый запрет, – подчеркивает М. Арбатова, – Россия ввела одновременно с фашистской Германией. С 1936 по 1955 г. за криминальные аборты было осуждено и расстреляно 500 тыс. врачей и женщин, статистика умалчивает, сколько погибло от криминальных абортов». [2].

В юридической доктрине периода 30–50-х годов данное решение безусловным образом оправдывалось. При этом, например, В. И. Бошко, в том числе апеллируя к высказыванию В. И. Ленина о деторождении (сознательные рабочие – «безусловные враги неомальтузианства, этого течения для мещанской парочки, заскорузлой и себялюбивой, которая бормочет испуганно: самим бы, дай бог, продержаться как-нибудь, а детей уж лучше ненадобно»), заявлял, что в стране было осуществлено коренное улучшение материального благосостояния и гигантский рост политического и культурного уровня трудящихся», женщина стала полноправным членом общества, поэтому вопрос об абортах следовало разрешить иначе – в интересах общественного развития [3, с. 222–223]. И это – в середине 30-х годов...

Вернемся, однако, к оценке содержания Указа 1944 г. Первый удар был нанесен в «сердце» института брака – выведением за скобки правового признания и соответствующей защиты фактического супружества, которое при обсуждении проекта Кодекса о браке, семье и опеке 1926 года позиционировалось, в противовес факультативной (как тогда мыслилось) государственной регистрационной форме, как перспективное стремление к будущему коммунистическому браку [4, с. 246–247, 259], свободному от оков «всевидающего государева ока-контроля», а в 1944 году уже рассматривалось в качестве композиции вредоносного характера, препятствующей стандартно-нравственному государственному (формализованному) идеалу брачного союза, который можно объять статистикой, закрепить сложной бракоразводной процедурой и поощрять идеологически. В учебниках и других публикациях того времени (30–50-х годов) фиксировалось, что конструкция фактического брака была необходима для преодоления трудностей переходного периода, обусловлена борьбой с церковным браком и задачей ограждения женщины от эксплуатации

в частной жизни [3, с. 80]. Отмечалось также, что незарегистрированная семейная жизнь не только усложняла государственный контроль над семейными отношениями граждан, но и сопровождалась проблемностью ее судебного установления как юридически значимого факта, а также позволяла злоупотреблять свободой вступления в брак [5, с. 124]. Уже хорошо, что Указу от 8 июля 1944 года не придавалась обратная сила – прямо напротив: фактические супруги приглашались для регистрации союза в органы ЗАГС с фиксацией реального времени состояния в нем. А Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 года «О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов»⁵ факт состояния в фактическом браке в означенных в его наименовании случаях мог устанавливаться в судебном порядке – по правилам особого производства гражданского процесса (такая возможность, как известно, сроком действия не ограничивалась). В процессе применения данного положения возникали разночтения в судебной практике. Одним из ключевых, ее конкретизирующих, явилось постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 ноября 1951 г.: вопрос об узаконении фактических брачных отношений может быть решен положительно, если смерть или пропажа без вести одного из супругов случилась во время войны или после нее, – при условии, что данное супружество возникло задолго до Указа от 8 июля 1944 года и супруги не имели объективной возможности его оформить; если же никаких к тому препятствий не было, соответствующее заявление удовлетворению не подлежит⁶.

Таким образом, в противоход романтизму политики и доктрины 20-х годов о будущности института брака, по истечении 10-летнего и 20-летнего циклов, идеология кардинально поменялась. И, что гораздо печальнее, она воспроизводится и по сей день, в том числе в контексте правовой преемственности [6–7]. Неоднократные попытки вернуться к хотя бы частичному правовому признанию фактического брака – с целью защиты прав и интересов социально слабой стороны (как правило, женщины, которая в таком союзе рождает детей и заботится о них, ведет домашнее хозяйство и т. п.) – не увенчиваются успехом. Последняя попытка была предпринята сенатором А. В. Беляковым (законопроект № 368962-7 от 22.01.2018 г.). Автор проекта предложил вполне разумные критерии для юридического признания фактического супружества: совместное проживание, ведение общего хозяйства в течение 5 лет или 2 лет – при наличии общего ребенка (детей). Однако даже такой осторожный подход к проблеме вызвал бурный протест ряда законодателей, ученых, представителей деловой обще-

⁵ Ведомости Верховного Совета СССР СССР. 1944. № 60.

⁶ Судебная практика Верховного Суда СССР. 1952. № 4. С. 1–3.

ственности (возможно, у некоторых ее представителей возникли опасения в неблагоприятных последствиях состояния в отношениях с «жиголо» мужского или женского рода или же «замучила жаба» будущих имущественных разборок – даже и в союзе, не основанном на расчете) и, конечно же церковных деятелей (впрочем, их позиция вполне логично вытекает из религиозно-мировоззренческого контекста). Среди аргументов звучали даже такие «квалификационные характеристики», как «блуд», «греховное сожителство»... Высказывались и высказываются и более взвешенные суждения, хотя и не поощряющие идею защиты [8]. Между тем речь идет о возможности справедливого судебного решения. В настоящее время значимые интересы могут получить понимание и охрану в основном при разрешении дел о наследовании, например через признание фактического супруга лицом, находившимся на иждивении умершего. (Смерть всегда вызывает сочувствие, иногда даже и юридическое... Однако было бы неплохо, если бы сочувствие вызывала и жизнь – в ее естественном разнообразии.)

Второй удар был нанесен в «поддых» свободе развода. Если в 1917 и 1918 годах (с пролонгацией в 20-е), в целях раскрепощения женщины и «расцерковления» брака, сформировалась тенденция на максимальное упрощение процедуры расторжения супружеского союза, то в 1936–1944 годах бракоразводная «пирамида» перевернулась: в 1936 г. – чисто экономическим воздействием (увеличением пошлины), а в 1944 г. – онтологическим и всеохватно. В частности, вводилась предварительная публикация в газете (а они стали множиться лишь в 90-е годы – о ту же пору газет было немного, и это создавало очередной дефицит) и обязательная судебная процедура с рассмотрением дела в две стадии (примирение – на уровне районного народного суда и разрешение по существу – на уровне областного/республиканского). Если представить уровень доходов среднего советского гражданина, состояние транспортной инфраструктуры (например, из села Кукобой Ярославской области, нынешней столицы гр. Бабы-Яги, можно было доехать до судов либо на многочисленных «перекладных», либо на «кукурузнике»), а также то идеологическое давление общественности, которое сопровождало бракоразводное дело, то немудрено и не удивиться резкому уменьшению разводимости (в три с лишним раза). Так, если в 1940 году означенный уровень (на 1000 человек) был равен показателю 1,1, то в 1950-м – 0,4; впрочем, через 15 лет он стал выше, чем при либеральном бракоразводном законодательстве 20-х годов⁷. Из этого следуют два вывода. Первый: в принципе, эффективность жестких, неадекватных решений в столь частной сфере либо не наступает, либо держится весьма ограниченное время. Второй: допол-

⁷ Подробнее об этом см. в других наших работах [9, с. 52].

нительным фактором сопротивления «драконовскому» режиму является эволюционирование общественных отношений. Подтверждением тому в рассматриваемом случае – резкое увеличение показателя разводимости в 1966 году (2,8), то есть сразу после смягчения бракоразводной процедуры в 1965 г. [9, с. 52].

В современной доктрине данный эксперимент оценивается далеко не в единодушном ключе, хотя большинство правоведов, в той или иной степени эмоционального накала, склоняются к резкой его критике. В частности, констатируется регрессивный характер обсуждаемого законодательства [10, с. 76], его социальная неадекватность (в том числе в плане сопровождения общественными санкциями – обсуждениями вопроса на профкоме, парткоме, исключением из партии и т. п.) [11, с. 78]. Однако имеются оценки и оправдательного характера – с акцентом на сложность экономической ситуации в стране и констатацией направленности бракоразводного законодательства того периода на защиту личных и имущественных прав детей, рожденных в прекращаемом браке [12, с. 262].

Следует заметить, что, в отличие от «замораживания» (негативной преемственности) позиции законодателя о фактическом браке, регламентация расторжения супружеского союза постепенно вернулась в границы относительной правовой свободы⁸ (даже в чем-то избыточной: например, в вопросе невозможности отказа в иске, если после применения примирительной процедуры в форме отложения слушания дела сроком до 3 месяцев хотя бы одна из сторон брачного правоотношения настаивает на его прекращении). Некоторые и другие компоненты публично-начала остались в действующем СК РФ, даже в усиленном варианте. В частности, ярким образцом таковых является правило ст. 24 об инициативной обязанности суда, в отсутствие заявления или соглашения сторон, разрешить одновременно с иском о расторжении брака вопросы о месте проживания ребенка и взыскании на него алиментов. Данное правило, как мы неоднократно отмечали в своих трудах, коллидирует с диспозитивным настроением гражданско-процессуального законодательства, вынуждая процессуалистов толковать его в разрезе возможности суда выйти за пределы заявленных требований (ст. 196 ГПК РФ), хотя в обсуждаемом случае речь идет не о предмете базового иска, а о самостоятельных семейных правоотношениях (родительских и алиментных) [14, с. 104]⁹.

⁸ Но «блики публичного вмешательства» еще долго высвечивали весьма экзотические эпизоды судебной практики. Так, уже в условиях измененного законодательства некоторые суды направляли в адрес руководителей организаций письма (на специальном бланке) с сообщением о поступлении дела о разводе их сотрудника – с предложением обсудить вопрос в коллективе [13, с. 88].

⁹ При этом мы отнюдь не ратуем за его отмену, а лишь констатируем наличие коллизии и необходимость снятия путем соответствующей корректировки ГПК РФ.

Третий удар, самый, пожалуй, чувствительный и драматичный, последовал в адрес правовых норм о внебрачном родительстве и детстве. Именно в связи с ним Указ 1944 года квалифицировался в доктрине как «драконовский», отбросивший советское семейное законодательство на сто лет назад [6, с. 14]. Под прикрытием решений о государственных наградах за многодетное материнство, о мизерных пособиях «матерям-одиночкам» и т. п. законодатель «твердой рукой и холодным сердцем при воспаленной голове» разделил всех родителей и детей на две неравноправные группы – по факту рождения последних в браке или вне брака, тем самым вернувшись к конструкции незаконного рождения. Публичная цель (решение демографической проблемы во что бы то ни стало) полностью «застила семейные небеса с богородицей и ангелами» – женщина, в силу естественного стремления к материнству и мужскому вниманию (пусть и краткосрочному), даже в организованных для нее антигуманных обстоятельствах, все равно будет вступать в интимные отношения, сохранять беременность¹⁰ и рожать, мужчину же следует освободить от какой бы то ни было ответственности за судьбу внебрачного ребенка,¹¹ дабы эти «путы» не связывали свободы доставки его генетического материала в максимально возможные точки ожидания. В итоге у такого ребенка заведомо не было юридического отца, в соответствующих графах ЗАГС и свидетельства о рождении ставился прочерк, а забота, в том числе материальная, полностью ложилась на плечи советской женщины, добавляя к ее способностям «входить в горящую избу и останавливать коня» еще и силу «одинокое материнства». Аплодисменты политикам, общественным деятелям и законодателям¹².

Как известно, лишь в конце 60-х годов, после 20 лет юридической безотцовщины, статусы внебрачного родительства и детства были изменены в Основах законодательства о браке и семье Союза ССР и союзных республик» 1968 г. и Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 г. Однако композиции негативной преемственности и Указа 1944 года, и идеологических позиций по обсуждаемому вопросу в этих нормативно-правовых актах просматривались вполне уловимо. Так, в нормах ст. 48 КоБС РСФСР предписывалось суду, при рассмотрении дела об установлении отцовства, опираться не на любые значимые для выявления действительных взаимоотношений

¹⁰ Или прерывать беременность в антисанитарных условиях ввиду запрета санитарных.

¹¹ Кроме эмоционально-добровольной.

¹² При этом в последующем появились исследования, свидетельствующие, что во времена войн и сразу по их окончании происходит объективно вызревающий скачок внебрачной рождаемости [15]. Сомнения в эффективности мер высказывались и советскими правоведами [16, с. 63]. Некоторые мужчины, дабы получить правовой статус «близкого радетеля», вынуждены были прибегать к конструкции усыновления/удочерения ребенка

сторон обстоятельства, а только на те, что непосредственно фиксированы в законе (факты совместного проживания и ведения общего хозяйства¹³, или совместного воспитания ребенка, или его совместного содержания, или признания отцовства). Подобное ограничение судебного познания конфликтной ситуации не давало возможности суду удовлетворять иски в очевидных или близких к тому случаях (например: по факту беременности, наступившей в результате насильственных действий, доказанных в рамках уголовного судопроизводства, – при отсутствии признательных показаний о содеянном; при безусловном установлении длительных интимных отношений – без элементов совместного проживания и общего домохозяйства и др.). В числе аргументов за нормативное ограничение оснований иска и предмета доказывания высказывались, наряду с соображениями о трудностях познавательной деятельности, малой эффективности судебных экспертиз по данной категории дел¹⁴, идеи (впрямую и завуалированно) о нежелательности поощрения легкомысленного поведения сторон¹⁵.

При этом снятие означенных ограничений в ныне действующем Семейном кодексе РФ не сопровождается правилом о придании данному решению обратной силы. И это несмотря на общую тенденцию семейного законодательства рассматривать ребенка как субъекта права, включая усиление его защиты, ни единожды декларированную в доктрине [18, с. 34] и законотворческой деятельности. В этой связи правоприменительной практике известны случаи обращения в Конституционный Суд РФ с жалобами на нарушение конституционных прав внебрачных детей, по которым Суд не считал возможным удовлетворить просимое. Так, например, определением КС РФ от 20.06.2006 г. № 226-0 гр. И. Л. Шульгиной было отказано в принятии к рассмотрению жалобы на нарушение конституционных прав ее сына, родившегося в период действия нормы ст. 48 КоБС РСФСР. Суть правовой позиции заявительницы сводилась к тому, что, с одной стороны, диспозиция указанной нормы содержала необоснованные ограничения, которые и не позволили установить отцовство, с другой стороны, норме ст. 49 СК РФ не было придано обратной силы. С печалью во взоре (а глаза – зеркало души, значит, и с душевной грустью) констатируем, что защита интересов ребенка была бы возможна, если бы Суд признал

¹³ По сути, в смысле фактического брака.

¹⁴ Из пыльных архивов поднимались материалы дел, свидетельствовавшие о соучастии на ответной стороне (что, конечно, является юридическим нонсенсом), об использовании экспертизы сходства и т. п. [17, с. 20–21]. (До генетической экспертизы было еще – «семь верст до небес».)

¹⁵ Этот аргумент звучал даже в более поздние времена, например при обсуждении на заседании Верховного Совета СССР законопроекта об изменении данного правила, снятии ограничений (из уважения к известному правоведу, ныне покойному, не персонифицируем детали...).

«Заключительные положения» СК РФ, в части правового регулирования отношений с элементом внебрачного отцовства, не соответствующими норме ч. 1 ст. 38 Конституции РФ о государственной защите материнства и детства и предписал бы законодателю внести необходимую корректировку [19, с. 257].

Актом негативной преемственности критикуемых положений семейного закона 1944 и 1969 годов является также указание современного законодателя на необходимость руководствоваться при разрешении дел о внебрачном отцовстве исключительно достоверными доказательствами (ст. 49 СК РФ). Как мы неоднократно отмечали в своих трудах [20, с. 139], тонкость этой нормативной материи заключается в том, что требование достоверности доказательств является обязательным для всех категорий юридических дел и оно зафиксировано в процессуальных кодексах. И только для обсуждаемой ситуации оно повторено в качестве некоей спецификации. Юридический нонсенс. И объяснить его можно прежде всего на основе знания истории законодательных подходов к решению проблемы внебрачного отцовства и семейно-правового статуса внебрачного ребенка.

Если в означенном нормативном решении речь идет не столько о принципиальной позиции, сколько о шероховатости законодательной техники и полусознанном восприятии действительности, то правила ст. 50 СК РФ – результат прямой дурной наследственности. Законодатель, сняв ограничения судебного познания конфликтной ситуации в ст. 49 (аналог ст. 48 КоБС РСФСР), в правилах ст. 50 не только их сохранил, но кратко усилил, сведя возможности суда при установлении отцовства умершего лица к доказанности только факта прижизненного признания им ребенка своим. Адекватно оценивая, видимо, этот возмутительный казус, Верховный Суд РФ в постановлении от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» разъяснил, что по делам особого производства допустимо применять не только предписания ст. 50, но и ст. 49 – в их системном истолковании¹⁶.

Полусознанным отголоском прошлого является и норма о фиктивной записи отцовства (при неустановленности реального отца): ч. 3 ст. 51 СК РФ по своей формулировке, близкой к диспозитивной (усмотренческой), тем самым допускает в графе «отец» и прочерк, что, на наш взгляд не соответствует интересам ребенка. Конечно, фиктивная запись, скорее всего, с определенного возраста не останется для него тайной, однако до его наступления она поможет избежать «слезинки ребенка». В этом

¹⁶ Вынуждены очередной раз подчеркнуть, что впервые подобный призыв был фиксирован еще 20 лет назад (в постановлении от 25.10.1996 г. № 9), однако право законодательной инициативы по корректировке редакции ст. 50 до сих пор не реализовано.

плане мы не готовы согласиться с высказанным в доктрине предположением об отсутствии сложностей в социализации ребенка, у которого в сведениях об отце стоит прочерк [21, с. 41]. Следует заметить, что подобная возможность проецируется судебной и административной практикой на случаи регистрации родительства в отношении ребенка, рожденного в рамках программы суррогатного материнства: «одинокому отцу-заказчику», по аналогии, разрешают использовать в графе «мать» либо прочерк, либо запись «мать неизвестна», что еще более возмутительно и неприемлемо¹⁷ [21, с. 41–42]. Подобные капризы родителей (благословленные в одном случае – законом, в другом – правоприменением) далеки от конвенционного критерия «наилучшие интересы детей».

Таковы несколько штрихов к заявленному «портрету». История, как известно, поучительна, но, предположительно, ничему не учит. Однако возможны исключения. Надеемся, что в вопросе правовой ответственности они даже могут составлять стандарт поведения законодателя и адекватное (логическое, историческое, систематическое) толкование правоприменителя.

Ссылки

1. Антокольская М. В. Семейное право. М.: Норма, 2010. 432 с.
2. Арбатова М. Феминизм // Известия. 1998. 19 февр. С. 5.
3. Свердлов Г. М. Советское семейное право. М., 1958. 299 с.
4. Курский Д. И. Избранные статьи и речи. М., 1958. 160 с.
5. Бошко В. И. Очерки советского семейного права. Киев, 1952. 371 с.
6. Тарусина Н. Н. Законодательство о браке и семье: более ста лет движения по спиралям российской истории // Социально-юридическая тетрадь. 2017. № 7. С. 5–47.
7. Tarusina N., Isaeva E. Russian family legislation: revolution, counter-revolution, evolution // BRICS Law Journal. 2017. Vol. 4. Issue 4. P. 65–92.
8. Сочнева О. И., Мотовиловкер Я. Е. Нетипичные формы семейных отношений: объективная потребность времени или кризис института семьи // Социально-юридическая тетрадь. 2021. № 11. С. 70–85.
9. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву: учебное пособие. М.: Проспект, 2010. 224 с.
10. Антокольская М. В. Лекции по семейному праву. М., 1995. 143 с.
11. Нечаева А. М. Семейное право. М.: Юрист, 2006. 329 с.

¹⁷ В данной статье мы не обсуждаем ситуацию с «одиноким отцом» как таковую – при том, что она является результатом нарушения положений ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [20].

12. Полянский П. Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2016. 400 с.

13. Булошников М. Я. Развод: некоторые правовые проблемы // Развитие законодательства о браке и семье. М., 1978. С. 83–92.

14. Тарусина Н. Н. Семейное законодательство – парадоксов друг // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 96–109.

15. Босанац М. Внебрачная семья. М., 1981. 208 с.

16. Чечот Д. М. Брак, семья, закон. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. 208 с.

17. Матерова М. В. Судебное рассмотрение дел об установлении отцовства. М.: Юридическая литература, 1972. 112 с.

18. Рясенцев В. А. Задачи совершенствования законодательства о браке и семье // Развитие законодательства о браке и семье. М., 1978. С. 27–43.

19. Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. 288 с.

20. Тарусина Н. Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 1. С. 131–146.

21. Ильина О. Ю. Применение аналогии закона и аналогии права при регулировании отношений в сфере регистрации рождения детей // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2014. № 3. С. 38–45.

Actual problems of applying of the norms of parole and replacing the unserved part of the punishment with a softer form in the context of the explanations of Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on October 28, 2021

A. V. Ivanchin, A. T. Valeev², T. V. Lobacheva³

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

²The North-West Institute (affiliate) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 18 Marii Ul'yanovoy, Vologda 160001, Russian Federation

³Vologda bar association «Standard», 35 Sovetskiy Prospekt, Vologda 160000, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-82-91

Research article
Full text in Russian

The article addresses the problems of applying the institutions of parole and replacing the unserved part of the punishment with a softer form for convicts, for whom the court had previously replaced imprisonment with a milder form of punishment in the form of forced labor in accordance with Art. 80 of the Russian Criminal Code, in the context of the provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on October 28, 2021 No. 32.

Keywords: Criminal Code of the R.F.; parole; replacement of the unserved part of the sentence, a milder type of punishment; forced labor

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ivanchin, Artem V. | E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru
Doctor Sc. (Jurisprudence), Associate Professor,
Dean of the Faculty of Law

Valeev, Artem T. | E-mail: art35404@gmail.com
Cand Sc. (Jurisprudence), Associate Professor, Head
of the Chair of Criminal Procedural Law and Criminalistics

Lobacheva, Tat'yana V. | E-mail: lobachevatat@gmail.com
Advocate

Funding: Yaroslavl state University, project VIP-015

Актуальные проблемы применения норм об условно-досрочном освобождении и замене неотбытой части наказания в свете разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2021 года

А. В. Иванчин¹, А. Т. Валеев², Т. В. Лобачева³

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

²Северо-Западный институт (филиал) МГЮА им. Кутафина, ул. Марии Ульяновой, 18, Вологда, 160001, Российская Федерация

³Вологодская коллегия адвокатов «Стандарт», Советский проспект, д. 35, Вологда, 160000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-82-91
УДК 343.84

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются проблемы применения институтов условно-досрочного освобождения от наказания и замены неотбытой части наказания более мягким видом к осужденным, которым ранее суд заменил лишение свободы на более мягкий вид наказания в виде принудительных работ в порядке ст. 80 УК, в свете положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ 28 октября 2021 г. №32.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ; условно-досрочное освобождение; наказание; неотбытая часть наказания; замена; болкее мягкое наказание; принудительные работы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванчин, Артем Владимирович | E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru
Доктор юридических наук, доцент, декан
юридического факультета

Валеев, Артем Тахирович | E-mail: art35404@gmail.com
Кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного процесса
и криминалистики

Лобачева, Татьяна Витальевна | E-mail: lobachevatat@gmail.com
Адвокат

Финансирование: ЯрГУ, проект № VIP-015

В 2020 г. юридическая общественность широко обсуждала дело гражданина Ерехинского [1–2]. Напомним, что судом первой инстанции на основании ст. 80 УК РФ данному заключенному, после отбытия половины срока наказания, лишение свободы было заменено принудительными работами. После того как он отбыл две трети срока наказания, назначенного по приговору суда, он вновь обратился в суд, но уже в порядке ст. 79 УК РФ с ходатайством об условно-досрочном освобождении. Суд первой инстанции вынес постановление о прекращении производства по делу, указав в обосновании, что у осужденного не возникло права на условно-досрочное освобождение, так как им не отбыто двух третей срока нового наказания, т. е. принудительных работ.

Третий кассационный суд общей юрисдикции 4 февраля 2020 г. вынес определение по делу № 7У-465/2020, которым постановление суда первой инстанции было отменено. При этом кассационным судом было указано, что у лица, совершившего особо тяжкое преступление, право на условно-досрочное освобождение возникает после того, как указанным лицом будет отбыто две трети всего срока наказания, назначенного ему по приговору суда, а не две трети срока более мягкого вида наказания, на которое было заменено лишение свободы в порядке статьи 80 УК РФ.

На указанное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции было принесено представление прокурора, что привело к отмене принятого решения Верховным судом РФ. В кассационном определении от 16 июля 2020 г. по делу № 78-УДП20-6-КЗ коллегия Верховного суда РФ согласилась с точкой зрения суда первой инстанции, указав, что для применения положений ст. 79 УК РФ в качестве назначенного наказания необходимо учитывать то наказание, срок которого определяется исходя из последнего принятого на этот счет решения (т. е. исходить из срока нового наказания). Иное, по мнению высшей судебной инстанции страны, в условиях уже примененных положений ст. 80 УК РФ о замене первоначального наказания на более мягкое новое, будет свидетельствовать о повторном учете личности осужденного и обстоятельств отбытия наказания, что не соответствует смыслу главы 12 УК РФ и целям уголовного наказания. Кассационное определение Верховного суда РФ по инициативе осужденного было обжаловано в вышестоящие инстанции, однако последние не усмотрели оснований для его пересмотра.

С целью окончательного разрешения данного вопроса 28 октября 2021 г. Пленумом Верховного суда РФ было принято постановление № 32 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам»¹. Указанным поста-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ 28.10.2021 №32 2 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уго-

новлением внесены коррективы, в том числе и в постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 21 апреля 2009 г. «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (в редакции постановлений Пленума от 23 декабря 2010 г. № 31, от 9 февраля 2012 г. № 3, от 17 ноября 2015 г. № 51)².

В постановлении Пленума Верховного суда РФ, в котором разъясняются вопросы условно-досрочного освобождения, появилось, среди прочих, дополнительное положение, смысл которого сводится к тому, что после того, как решение суда о замене неотбытой части наказания вступит в законную силу, вид наказания, назначенного по приговору суда, прекращает свое действие и начинает исполняться вновь избранный вид наказания. И если при исполнении нового наказания возникают вопросы, в том числе предусмотренные статьями 79 и 80 УК РФ, то они должны разрешаться самостоятельно в порядке главы 47 УПК РФ. Отмечено также, что принудительные работы, на которые было заменено наказание в виде лишения свободы, впоследствии могут быть заменены еще более мягким видом наказания, разумеется, при наличии оснований, предусмотренных частями 1 и 2 ст. 80 УК РФ. Также Пленум высшей судебной инстанции страны подчеркнул, что УК РФ не запрещает освобождать условно-досрочно тех лиц, которым неотбытая часть наказания ранее заменялась принудительными работами в порядке ст. 80 УК РФ. В такой ситуации сроки условно-досрочного освобождения должны, согласно разъяснению Пленума, исчисляться со дня начала отбывания принудительных работ, а не исходя из срока первоначального наказания.

Таким образом, за основу исчисления отбытого срока, необходимого для условно-досрочного освобождения, ныне на официальном уровне предписано брать период с начала отбывания принудительных работ. Тем самым получила закрепление практика, которую ранее сформировал Верховный суд РФ по конкретному делу («делу Ерехинского»). Полагаем, однако, что данные разъяснения являются не основанными на законе и ущемляющими права осужденных, о чем ранее мы уже критически высказывались применительно к положениям кассационного определения Верховного суда РФ от 16 июля 2020 г. [3]. К сожалению, данные аргументы не были услышаны разработчиками вышеприведенного акта официального толкования Пленума.

ловным делам». URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/30487/> (дата обращения: 17.01.2022).

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // СПС «КонсультантПлюс».

В итоге, на наш взгляд, допущено существенное нарушение принципа справедливости и иных фундаментальных начал уголовного права. Более того, указанное разъяснение влечет негативные последствия для осужденных. Теперь, согласно процитированным положениям Пленума Верховного суда РФ, лица, которым лишение свободы было заменено принудительными работами в порядке ст. 80 УК РФ, будут вынуждены находиться в исправительных учреждениях значительно больше времени, нежели если бы они сразу обратились в суд с ходатайством на основании нормы об условно-досрочном освобождении (ст. 79 УК РФ).

В качестве иллюстрации в обоснование наших критических замечаний к постановлению Пленума приведем ситуацию, сложившуюся с лицами, виновными в совершении особо тяжких преступлений (при этом нами не рассматривается положение лиц с особым правовым статусом, то есть лиц, признанных виновными в совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, против половой неприкосновенности несовершеннолетних и в совершении преступлений террористической направленности). Лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение особо тяжких преступлений, после того, как они отбудут половину срока наказания, назначенного приговором суда, имеют право на обращение в суд с ходатайством о замене наказания принудительными работами в порядке ст. 80 УК РФ. После того как они отбудут еще две трети от срока принудительных работ, они смогут подать в суд ходатайство об условно-досрочном освобождении на основании ст. 79 УК. Следовательно, общий срок наказания, проведенный в пенитенциарных учреждениях (вначале в исправительной колонии, а затем в исправительном центре), составит не менее пяти шестых от того срока наказания, который им был назначен приговором суда. В то же время лица, не подававшие в суды ходатайства о замене неотбытой части наказания на принудительные работы в порядке ст. 80 УК РФ, могут освободиться условно-досрочно после того, как они отбудут две трети срока первоначального наказания. Увеличение срока пребывания в исправительных учреждениях приводит к тому, что осужденным просто-напросто не имеет смысла направлять в суды ходатайства о замене лишения свободы принудительными работами. И не случайно данный механизм в местах лишения свободы сегодня лицами, преступившими закон, используется крайне редко.

Более того, критикуемое нами официальное судебное толкование ст. 79, 80 УК противоречит смыслу, который изначально придавался им авторами-разработчиками. Существующая редакция ст. 80 УК РФ, как из-

вестно, была закреплена Федеральным законом от 27.12.2018 № 540-ФЗ «О внесении изменений в статьи 53.1 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации». Стенограмма обсуждений законопроекта, состоявшихся на заседаниях Государственной Думы Федерального Собрания РФ, содержит упоминание о мнении авторов законопроекта, которое состоит в том, что человек, переведенный на принудительные работы, сможет впоследствии точно также выйти на свободу условно-досрочно [4]. Отмеченное позволяет сделать вывод, что авторами законопроекта не предполагалось увеличения сроков, после отбытия которых возможно условно-досрочное освобождение лиц, которым лишение свободы ранее заменялось принудительными работами. Но, как любил говорить один небезызвестный политический деятель, «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Федеральный закон от 27.12.2018 № 540-ФЗ, согласно тексту Пояснительной записки к нему, был принят с одной только целью – для сокращения срока наказания, после отбытия которого возможно заменить лишение свободы принудительными работами. Очевидно, что иное толкование противоречит воле правотворца, является расширительным и искажающим саму суть данной законодательной новеллы. В этой связи возникает вполне резонный вопрос: может ли Пленумом Верховного суда РФ придаваться закону иной, противоположный, смысл, нежели тот, который вкладывал в него законодатель? Не выходит ли в этом случае Пленум высшей судебной инстанции страны за рамки предоставленных ему Конституцией РФ и законами полномочий и не подменяет ли он в этом случае законодательную власть? Представляется, что ответы на эти вопросы достаточно однозначны и вполне очевидны.

Только демократически избранный законодательный и представительный орган государственной власти вправе осуществлять законодательный процесс, поэтому, на наш взгляд, недопустимо придавать норме права такое значение, которое не было вложено в нее при внесении изменений в уголовный закон. Верховный суд РФ и нижестоящие суды общей юрисдикции не вправе подменять собой законодательную власть и придавать закону иной смысл, нежели тот, который изначально был положен правотворцем.

В этой связи не может не вызывать одобрения проект федерального закона «О внесении изменения в статью 79 Уголовного кодекса Российской Федерации», подготовленный Минюстом России, который появился 25 октября 2021 г. на официальном сайте для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения – Федеральном портале проектов нормативных правовых актов [5].

Указанным законопроектом предполагается внесение изменений в УК РФ путем дополнения ст. 79 частью 3.2, согласно которой исчисление сроков условно-досрочного освобождения должно осуществляться с начала отбывания срока наказания, назначенного приговором суда, в том числе для лиц, которым в период отбывания наказания неотбытая часть заменялась более мягким видом.

В Пояснительной записке к законопроекту отмечается, что реализация на практике изменений УК РФ, внесенных Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 540-ФЗ «О внесении изменений в статьи 53.1 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации», привела к тому, что после замены неотбытой части наказания более мягким видом положение осужденных при исчислении сроков, после которых возможно условно-досрочное освобождение, фактически ухудшилось. Законопроект имеет целью гуманизацию уголовного закона в отношении тех осужденных, которым неотбытая часть наказания заменялась более мягким видом при их последующем условно-досрочном освобождении.

С учетом изложенного выше понятно, что есть все основания поддерживать данный законопроект. Реализация указанной инициативы позволит, на наш взгляд, устранить несправедливость, которая сначала имела место в судебной практике по конкретным делам, а затем была официально одобрена на уровне разъяснения Пленума высшего судебного органа страны.

В дополнение к сказанному обратим внимание на еще одну важную проблему, которая осталась в тени вопроса об условно-досрочном освобождении. Речь идет о возможности и сроках повторного применения положений ст. 80 УК РФ к осужденным, которым лишение свободы уже заменено на принудительные работы. Первоначально суды, например судьи Московского районного суда г. Твери³, удовлетворяли соответствующие ходатайства осужденных и, ссылаясь на ст. 80 УК РФ, улучшали их правовое положение, ориентируясь на срок, истекший с момента начала отбывания наказания по приговору суда.

Вместе с тем правовая позиция Верховного суда РФ, изложенная в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам от 16 июля 2020 г. № 78-УДП20-6-КЗ, оказала значительное влияние на судебную практику, развернув ее «на 180 градусов». С этого момента нижестоящие суды стали рассматривать ходатайства осужденных по аналогии с судебным решением высшей инстанции. И хотя определение Верховного суда РФ № 78-УДП20-6-КЗ прямо касалось только лишь

³ См.: Постановление от 26.12.2019 по делу № 4/16-371/2019 в отношении Худченко С. А.; постановление от 11.12.2019 г. по делу № 4/16-306/2019 в отношении Аболяева А. Д.; постановление от 26.08.2019 г. по делу № 4/16-247/2019 (ГАС «Правосудие»). URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 17.01.2022).

ст. 79 УК РФ и только осужденных, которым лишение свободы ранее было заменено на принудительные работы, суды стали массово отказывать осужденным в повторном применении положений ст. 80 УК РФ. Мотивировка судебных актов вполне предсказуемая: якобы осужденный не отбыл часть срока, предусмотренную ч. 2 ст. 80 УК РФ. Более того, как это ни странно, но указанное кассационное определение породило сомнения в наличии у осужденных самого права на обращение в суд с ходатайством о повторном применении к ним ст. 80 УК РФ, если ранее им уже заменялось лишение свободы на принудительные работы.

Но, к счастью, в этой части Пленум Верховного суда РФ дал совершенно обоснованное, на наш взгляд, разъяснение (в постановлении от 28 октября 2021 г.), согласно которому законом не установлено каких-либо ограничений для повторного применения положений статьи 80 УК РФ. А далее высший судебный орган еще более конкретизировал свою позицию, указав, что осужденные, которым лишение свободы было заменено принудительными работами, в дальнейшем могут снова обращаться в суд для последующего смягчения и нового наказания путем его замены на более мягкое. Полагаем, что указанное разъяснение в полной мере коррелирует и с правовой позицией высшего органа конституционного контроля. Конституционный Суд РФ в своих определениях от 17.01.2013 № 2-О и от 19.12.2019 № 3357-О отметил, что законодательной властью установлено такое регулирование, при котором замена неотбытой части наказания аннулирует ту часть наказания, которая не отбыта осужденным. При этом исполнять надлежит вновь избранный вид наказания, так как отбывание предыдущего вида наказания полностью прекращается⁴.

В дополнение заметим также, что ст. 80 УК РФ позволяет судам принимать решения о замене принудительных работ более мягким видом наказания, из чего с учетом ее буквального толкования следует, что она не содержит запрета на свое повторное применение. Что касается возражений о том, что при таком подходе нарушается принцип *non bis in idem*, то с ними согласиться нельзя. Дело в том, что УК РФ допускает повторный учет одних и тех же обстоятельств на стадии исполнения приговора, например факта возмещения ущерба, состояния здоровья осужденного и др.

В то же время каких-либо разъяснений о сроках такой (повторной) замены постановление Пленума не содержит. Полагаем, что этот вопрос бу-

⁴ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2013 № 2-О. Интернет-ресурс: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision121569.pdf> (дата обращения: 17.01.2022); Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.12.2019 № 3357-О. Интернет-ресурс: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision451035.pdf> (дата обращения: 17.01.2022)

дет разрешаться судами по аналогии с институтом условно-досрочного освобождения. При этом, в случае принятия законодателем предложенных Минюстом России изменений в ст. 79 УК РФ, правоприменитель столкнется с правовой коллизией. Учитывая, что законопроект касается только применения норм об условно-досрочном освобождении и не вносит каких-либо изменений в положения ст. 80 УК РФ, остается не урегулированным вопрос сроков, которыми надлежит руководствоваться судам при рассмотрении ходатайств осужденных о повторном смягчении нового наказания, т.е. принудительных работ.

С одной стороны, суды общей юрисдикции могут пользоваться практикой применения ст. 80 УК РФ, выработанной Верховным судом РФ сначала в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ 16 июля 2020 г. № 78-УДП20-6-КЗ, а в последующем закрепленной в постановлении Пленума Верховного суда от 29 октября 2021 г. Согласно данной позиции, повторная замена наказания на более мягкий вид возможна лишь по отбытии предусмотренной части срока со дня начала отбывания принудительных работ (нового наказания), избранных осужденному в соответствии со ст. 80 УК РФ, а не наказания, назначенного по приговору суда (первоначального наказания).

С другой стороны, принятие указанного законопроекта неминуемо повлечет пересмотр указанных положений Пленума Верховного суда, поскольку имеющаяся коллизия будет непосредственно разрешена законодателем. При этом распространение положений ст. 79 УК РФ на ст. 80 УК РФ недопустимо в силу принципа законности, согласно которому применение уголовного закона по аналогии запрещается (ч. 2 ст. 3 УК РФ).

Подводя итог изложенному, отметим, что та практика применения статей 79 и 80 УК РФ, которая сложилась на сегодняшний день и которая была возведена в ранг разъяснения Пленума Верховного суда РФ, не только противоречит фундаментальным началам уголовного права (принципам законности и справедливости и т. д.), но и серьезно препятствует постепенной, поэтапной ресоциализации осужденных. Ввиду этого полагаем, что назрели изменения и дополнения, которые необходимо внести в ст. 80 УК РФ, прямо закрепив в ней право осужденных на повторное обращение в суд с ходатайством о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, в случае если ранее таким осужденным лишение свободы заменялось принудительными работами. При этом в законе следует четко оговорить и то, что срок наказания, после фактического отбытия которого может быть повторно применена ст. 80 УК РФ, надлежит исчислять с момента начала срока отбывания наказания, назначенного по приговору суда. Соответственно, и в ст. 79 УК РФ должна быть закреплена идентичная правовая позиция: осужденному,

отбывающему новое наказание, определенное ему в соответствии со ст. 80 УК РФ, условно-досрочное освобождение может осуществляться по отбытии сроков, исчисляемых с момента начала отбытия наказания по приговору суда.

Ссылки

1. Коробка Е. Адвокат доказал в ВС, что необходимый для УДО срок исчисляется с момента назначения наказания, а не его замены // Новая адвокатская газета. 2020. 20 янв. URL: <https://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 17.01.2022).
2. Ламова Е. Верховный суд пересчитает УДО // Коммерсантъ..2020. 14 сент., № 166/П. С. 5.
3. Исчисление срока отбытого наказания при его замене более мягким. Критический анализ кассационного решения ВС РФ / В. А. Ермолаев [и др.] // Уголовный процесс. 2021. № 1. С. 84–89.
4. Законопроект № 485101-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/485101-7> (дата обращения: 17.01.2022).
5. О внесении изменения в статью 79 Уголовного кодекса Российской Федерации: Проект федерального закона. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#пра=121899> (дата обращения: 17.01.2022).

Actual directions for improving the status of information intermediaries in the B2B segment of Russia

S.V. Simonova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-92-99

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the research of current state of information intermediaries' legal control from the point of view its adequacy, certainty and meeting the needs of modern legal practice and B2B-segment of Russia. The author pays special attention to the issue of improving the status of information intermediaries in terms of balancing the rights and obligations of such entities, determining reasonable and protecting public and private interests conditions of responsibility of online platforms and web services as information intermediaries. On the example of cases from practice in the field of Internet marketing and data protection, the author explains the current legal gaps. They prevent the full restoration and protection of the rights and legitimate interests of citizens interacting with digital platforms that position themselves as information intermediaries.

The paper, basing on the materials of modern judicial practice, defines the conditions for the responsibility of partner networks for the actions of entities affiliated with them that break national legislation. In order to better ensure the rights of personal data subjects, the author substantiates the need to distinguish between the categories of «operator» and «processor» of personal data in the legislation, as well as expanding the conditions for processing personal data defined in the law on the basis of agency contracts.

Keywords: information intermediaries; digital platforms; Internet; responsibility; partner networks; web services; personal data

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Simonova, Snezhana V. | E-mail: snezh-simonova@yandex.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Funding: Yaroslavl State University, Project VIP–014.

Актуальные направления совершенствования статуса информационных посредников в В2В-сегменте России

С. В. Симонова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-92-99
УДК 342.7

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена исследованию текущего состояния правового регулирования деятельности информационных посредников с точки зрения его достаточности, определенности, а также соответствия потребностям современной юридической практики и В2В-сегмента России. Особое внимание автор уделяет вопросу совершенствования статуса информационных посредников с точки зрения сбалансированности прав и обязанностей таких субъектов, определения разумных и обеспечивающих защиту публичных и частных интересов условий ответственности онлайн-платформ и веб-сервисов, как информационных посредников. На примере кейсов из практики в области интернет-маркетинга и защиты данных автор поясняет существующие на сегодняшний день правовые пробелы, препятствующие полноценному восстановлению и защите прав и законных интересов граждан, взаимодействующих с цифровыми платформами, которые позиционируют себя в качестве информационных посредников.

С опорой на материалы современной судебной практики в работе определяются условия ответственности партнерских сетей за действия аффилированных с ними субъектов, допускающих нарушения национального законодательства. В целях более полного обеспечения прав субъектов персональных данных автор обосновывает необходимость разграничения в законодательстве категорий «оператора» и «обработчика» персональных данных, а также расширения определяемых в законе условий обработки персональных данных на основе договоров поручения.

Ключевые слова: информационные посредники; онлайн-платформы; Интернет; ответственность; партнерские сети; веб-сервисы; персональные данные

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Симонова, Снежана Владимировна | E-mail: snezh-simonova@yandex.ru
Кандидат юридических наук, доцент

Финансирование: ЯрГУ, проект VIP–014.

© Симонова С. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Проблемы правового регулирования прав и обязанностей, а также условий ответственности информационных посредников со временем привлекают все большее внимание представителей различных отраслевых юридических дисциплин – от конституционного и информационного права до гражданского права. С позиции первых двух групп отраслей права перспективными направлениями научного поиска являются, главным образом, вопросы роли онлайн-платформ, средств массовой информации, сайтов, социальных сетей как информационных посредников в механизме реализации конституционного права на информацию и обеспечения соблюдения в их деятельности международных стандартов прав человека [1, с. 532–541]. В гражданском праве статус информационных посредников вызывает интерес в аспекте условий и пределов ответственности последних за осуществляемые с использованием сервисов нарушения интеллектуальных прав [2, с. 171–191; 3, с. 155–157] и, в частности, исключительных прав на товарный знак как средство индивидуализации.

Несмотря на отмеченные шаги в направлении развития категории информационных посредников, проблематика их статуса в юридической науке практически не исследуется в разрезе института персональных данных и отношений в сфере рекламы. Причиной тому во многом служит узкий цивилистический контекст, в который в российском праве помещена более универсальная (по своей природе конструкция информационного посредника. Между тем за рамками гражданского права к настоящему времени образовался целый сгусток проблем, обнажающих принципиальные пробелы и иные дефекты, препятствующие полноценной реализации и защите прав и законных интересов граждан и организаций в деятельности информационных посредников, относящихся к B2B-сегменту¹. Рассмотрим более детально эти проблемы, их контекст появления и перспективы преодоления.

Нормы об информационных посредниках, будучи идейно заимствованы из некоторых зарубежных правовых порядков (законодательство США, стран Европейского союза), получили закрепление в российском праве в 2013 году в положениях четвертой части Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) с закономерными отголосками этой конструкции в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст. 17). Отечественный законодатель пока сводит функционал возможных действий таких посредников до *передачи материала в сети* (в т. ч. в сети Интернет); *обеспечения возможности размещения материала в сети* (либо информации, необходимой для его получения), а также *обеспечения возможности доступа к материалу в сети*. Анализируя отмеченный перечень действий, позволяющих идентифицировать информационного посредника в числе субъектов информационной сферы, отмечаем, что, с одной стороны, этот перечень носит закрытый характер, а с другой стороны, не позволяет четко разграничить отдельных видов информационных посредни-

¹ B2B-сегмент – «business to business» (бизнес – бизнесу) – сфера экономических отношений между организациями, выступающими в роли покупателей и продавцов.

ков друг от друга, хотя целесообразность такого разграничения законодатель, по всей видимости, все же подразумевает. К этому выводу, в частности, можно прийти с учетом того, что условия освобождения информационного посредника от ответственности за нарушения интеллектуальных прав формально в ст. 1253.1 ГК РФ предусмотрены не для всех видов таких субъектов, а лишь для тех, кто обеспечивает передачу информации и ее размещение в сети Интернет. Принимая во внимание этот дефект текущей редакции анализируемой статьи, ученые неоднократно формулировали справедливые предложения о расширении видового многообразия используемой в законодательстве типологии информационных посредников за счет ее дополнения субъектами, осуществляющими, например, деятельность по поиску и кэшированию информации. Ученые подчеркивают и необходимость использования равнозначных подходов к решению вопроса об ограничении ответственности информационных посредников для всех типов таких субъектов [4, с. 9–13].

Несмотря на это, российский законодатель до сих пор остается «глух» к отмеченным весьма конструктивным предложениям ученых. В этих условиях не теряющие актуальность несовершенства положений 1253.1 ГК РФ служат корнем тех дискуссионных вопросов, с которыми сталкивается правоприменитель в ходе использования этой нормы при разрешении отдельных дел на практике. Главный из этих вопросов – о возможности отнесения того или иного интернет-ресурса к числу информационных посредников и условий привлечения его владельца к ответственности за противоправные материалы, размещенные на этом ресурсе им или третьими лицами. Благодаря сделанным в свое время разъяснениям Пленума Верховного суда РФ, в российской практике сохраняет востребованность подход, в соответствии с которым признаки информационного посредника определяются в деятельности субъектов индивидуально, с учетом обстоятельств конкретного случая и специфики их прав и обязанностей в конкретной системе отношений². Как результат, в качестве информационных посредников в настоящее время на практике определяется широкий круг субъектов, например: *администратор и регистратор домена, владелец сайта, провайдер хостинга, оператор поисковой системы, администратор магазина мобильных приложений, администратор социальной сети или иной интернет-платформы и т. д.*

Что интересно, видовое многообразие субъектов, за которыми в настоящее время признается статус информационных посредников, обогащается с каждым годом. Например, ожидается, что в 2022 году в России завершится рассмотрение судебного спора по иску ООО «КХЛ Маркетинг» к стриминговой платформе GoodGame по вопросу привлечения последней к ответственности за нелегальную трансляцию матча Континентальной хоккейной лиги одним из пользователей платформы. Указанный кейс особенно любопытен тем, что вопрос, отвечает ли стриминговая платформа признакам инфор-

² См.: п. 77 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

мационного посредника, рассматривается в этом деле в том аспекте, что платформа имеет статус средства массовой информации. В экспертных кругах отмечается, что при отказе суда в удовлетворении иска по мотивам признания платформы действующей в статусе информационного посредника отмеченный кейс может иметь прецедентное значение, поскольку будет фактически означать исключение ответственности средства массовой информации за недостоверный и противоправный контент, транслируемый в его границах.

В целом при беглом взгляде на конструкцию информационного посредника, внедренную в российское законодательство, можно прийти к выводу, что основная цель правового регулирования статуса этих субъектов состоит, главным образом, в определении условий их ответственности и оснований освобождения от таковой. Между тем, как видится, обособление информационных посредников в качестве самостоятельных субъектов информационной сферы осуществляется и с позиции важной, а порой даже исключительной, их роли в содействии реализации прав и законных интересов физических и юридических лиц. Эта исключительная роль, к примеру, наглядно подтверждается тезисами, которые были включены в содержание утвержденной в 2021 году Концепции развития технологий машиночитаемого права³. В документе обращается внимание на то, что, поскольку функционал цифровых платформ (и информационных посредников в том числе) определяется скорее программным обеспечением, чем положениями законодательства, этот функционал может быть использован во вред как пользователям платформы и их правам, так и всей платформе в целом. В этих условиях, как видится, освобождение владельца платформы как информационного посредника от ответственности за размещаемый в ее границах контент не должно приводить к невозможности защиты нарушенных прав пострадавших субъектов и восстановления порядка в информационной сфере в целом (ввиду особенностей технологических характеристик самих цифровых платформ).

Между тем именно это зачастую и имеет место на практике. Следовательно, актуальным видится вопрос о развитии конструкции информационного посредника с позиции позитивных обязательств таких субъектов перед пользователями и органами публичной власти. Рассмотрим несколько «сюжетов» в отмеченной проблематике.

Прежде всего, довольно интересным с прикладной точки зрения является вопрос о возможности признания партнерских сетей B2B-сегмента в качестве субъектов, отвечающих признакам информационных посредников. В настоящее время партнерские сети активно развивают свои позиции на рынке интернет-рекламы и по своей природе представляют собой особые *агрегаторы*, соединяющие продавцов (поставщиков) товаров и услуг – *рекламодателей* – с *партнерами* («*арбитражниками*», *веб-мастерами*), специализирующимися на привлечении трафика целевых

³ Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31) // СПС «КонсультантПлюс».

клиентов (лидов) на интернет-ресурсы (лендинги) рекламодателей. Такие сети, как правило, функционально связаны с работой интернет-платформы, обеспечивающей размещение рекламных предложений для последующего продвижения (офферов) и учета конверсии лидов (числа привлеченных веб-мастерами заявок) на ресурсы рекламодателей.

Несмотря на то что партнерские сети являются весьма распространенными «игроками» в сфере интернет-рекламы и к их услугам зачастую обращаются производители товаров, заинтересованные в продвижении своей продукции, статус таких субъектов не урегулирован ни в российском законодательстве о рекламе, ни в информационном законодательстве. Помимо отсутствия специальных правовых норм, посвященных деятельности партнерских сетей, их статус невозможно объяснить и с позиции традиционных конструкций рекламного права. Так, партнерские сети не участвуют в определении объекта рекламирования, не производят его, в связи с чем их невозможно считать рекламодателями. Не участвуя в процессе распространения рекламы, они не относятся и к рекламораспространителям. Признанию партнерских сетей действующими в статусе рекламопроизводителей препятствует тот факт, что такие сети не включаются в процесс подготовки креативов для рекламных сообщений и иных рекламных материалов.

Между тем полное «выпадение» партнерских сетей из правового поля порой не отвечает интересам как интернет-пользователей, так и самих сетей, реализующих партнерские программы. В частности, сотрудничающие с партнерскими сетями веб-мастера могут использовать в своей работе незаконные методы продвижения товаров рекламодателей или материалы, нарушающие национальное законодательство государства, на территории которого они ведут привлечение трафика клиентов. К таким материалам могут быть, к примеру, отнесены материалы, содержащие недостоверную или запрещенную законом информацию, изображения физических лиц без получения соответствующих согласий, изображения чужих средств индивидуализации, предложения о покупке контрафактной продукции и пр. Поскольку отследить, кто именно из сотрудничающих с партнерской сетью специалистов применяет в своей работе подобные противоправные схемы порой бывает непросто, нарушенные интересы граждан и организаций могут полностью терять способность к восстановлению и защите. С другой стороны, к ответственности за чужие действия может привлекаться сама партнерская сеть, которая на практике не имеет возможности полноценного контроля за действиями веб-мастеров, продвигающих офферы рекламодателей либо рекламодателей, допускающих при размещении таких оффер не на ресурсах партнерской сети нарушения законодательства в области интеллектуальной собственности.

Что важно, в российской судебной практике по вопросу о возможности признания за партнерскими сетями статуса информационных посредников и ограничения их ответственности к сегодняшнему дню однозначной позиции не сложилось. Так, имеются решения Суда по интеллектуальным правам, как признающие партнерские сети информационными посредниками, так

и прямо противоположные. Анализ текстов судебных решений при этом позволяет нам сформулировать некий набор условий, при которых партнерская сеть будет признаваться информационным посредником. К ним, в частности, относится критерий отсутствия у партнерской сети возможности управления сайтами, на которых происходит размещение противоправных материалов; неучастия владельцев сети в создании и размещении рекламных офферов; невовлечения сети в продажу товаров на своем ресурсе; невозможности контроля владельцем сети деятельности веб-мастеров по размещению рекламы на сторонних ресурсах⁴. Но что любопытно: при примерно похожем наборе условий Суд по интеллектуальным правам может приходить к абсолютно иному выводу и отрицать возможность признания за партнерской сетью статуса информационного посредника⁵.

С учетом изложенного, в целях достижения правовой определенности в сфере интернет-маркетинга, в настоящем решении нуждается вопрос о статусе партнерских сетей и условиях их отнесения к числу информационных посредников. Соответствующий шаг может быть сделан на уровне Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также Федерального закона «О рекламе». Как видится, в рамках обновленного регулирования важно определить в том числе правила ответственности партнерских сетей за проведение аффилированными с ними субъектами рекламной кампании, вводящей пользователей в заблуждение или осуществляемой противоречащими законодательству методами. Подобного решения придерживаются многие государства, в том числе и США, где Федеральная торговая комиссия занимает довольно жесткую позицию об ответственности партнерских сетей за действия своих партнеров⁶.

Не стоит упускать из виду и то, что информационные посредники являются важными субъектами процесса обработки данных физических лиц, использующих интернет-ресурсы. При этом, осуществляя подобную обработку, владельцы таких ресурсов нередко лишены возможности полноценно влиять на объем обрабатываемых через свои сервисы персональных данных и их дальнейшую судьбу. Отмеченный нюанс крайне актуален, например, для веб-сервисов, основанных на использовании облачных технологий и предоставляющих удаленный доступ к программному обеспечению, которое дает возможности сбора, записи и хранения информации (например, веб-сервисы автоматизации и учета записей клиентов на услуги компаний).

⁴ См., например: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 02.06.2020 по делу № А56-37066/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.09.2019 по делу № А40-166839/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См., например: Marketers Behind Fake News Sites Settle FTC Charges of Deceptive Advertising // Federal Trade Commission. URL: <https://www.ftc.gov/news-events/press-releases/2012/11/marketers-behind-fake-news-sites-settle-ftc-charges-deceptive> (дата обращения: 10.01.2022); Ad agency to pay \$2 million for role in deceptive weight loss and “free” offers // Federal Trade Commission (дата обращения: 10.01.2022).

Хранение персональных данных, равно как и автоматический сбор персональных данных, с позиции действующего законодательства рассматриваются в качестве составной части обработки персональных данных. Следовательно, владельцы таких ресурсов однозначно могут признаваться операторами персональных данных со всеми вытекающими из этого вывода последствиями – необходимостью уведомления Роскомнадзора о начале обработки персональных данных, соблюдением обязанности по подтверждению наличия законных правовых оснований обработки персональных данных и пр. Поскольку Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» не содержит правовых норм, определяющих особенности обработки персональных данных информационными посредниками, возникает ситуация признания нескольких компаний операторами в отношении одного и того же объема персональных данных с ограниченным влиянием на судьбу этих данных со стороны веб-сервисов, но при этом равнозначными подходами к определению вопроса их ответственности, как и иных групп операторов. Решению отмеченной проблемы могло бы служить более четкое разграничение в законодательстве о персональных данных статусов оператора и обработчика персональных данных, а также развитие правового регулирования поручений в сфере обработки персональных данных, которые сейчас имеют очень ограниченное действие и фактически применяются, главным образом, в сфере аутсорсинга процессов обработки персональных данных (например, работников) сторонним специализированным организациям.

С учетом изложенного, принимая во внимание отмеченные в работе проблемы и сделанные рекомендации по их решению, можно прийти к тому выводу, что в настоящее время имеется настойчивая необходимость совершенствования правовых подходов к определению прав, обязанностей и условий ответственности информационных посредников, в том числе ведущих деятельность в B2B-секторе. В частности, более полной защите прав интернет-пользователей, правообладателей, субъектов персональных данных будет способствовать определение оснований и условий ответственности партнерских сетей за действия аффилированных с ними субъектов-партнеров, развитие в российском праве категории обработчика персональных данных, пересмотр субъектного состава правоотношений, складывающихся в сфере цифрового маркетинга.

Ссылки

1. Симонова С. В. Актуальные вопросы обеспечения прав человека в деятельности интернет-платформ // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 84–91.
2. Фомина О. Н. Правовой статус информационного посредника // Вестник гражданского права. 2019. № 3. С. 171–191.
3. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / под общ. ред. М. А. Рожковой. М.: Статут, 2018. 271 с.
4. Нуруллаев Р. Т. Информационный посредник как субъект информационного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 236 с.

The presumption of paternity in the Soviet law

E. E. Lekanova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-100-109

Research article
Full text in Russian

The exploring of the legal regulation of the presumption of paternity in Soviet law is relevant because of the fact that in 2017 - 2019 the State Duma of the Russian Federation considered a bill on the return of the administrative overcoming of the presumption of paternity to the Russian Family Code in the version that was in force on the territory of the USSR from 1984 to 1991 and in the Russian Federation from 1996 to 1997. The bill was rejected, but not because society did not need to administratively overcome the presumption of paternity, but because of the human factor of the initiators of the bill, who stopped this law-making process halfway through without good reason. The article carries out a comparative legal analysis of Soviet and modern Russian legislation. In sum, the administrative overcoming of the presumption of paternity corresponds to the principle of procedural economy, protects men from unfair parenting in relation to a not own child from the moment of registration of a child to the moment of contesting paternity, prevents long-term negative communication between the mother of the child, her husband and the biological father of the child in the process of litigation to contest paternity. It is advisable to return to modern legislation the possibility of administratively overcoming the presumption of paternity by submitting an application of the child's mother and her husband (ex-husband) to the registry office.

Keywords: presumption of paternity; minor children; parentage of child; Soviet family law; biological father; civil registry offices

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lekanova, Ekaterina E.	E-mail: lekanova.katya@yandex.ru
	ORCID: 0000-0003-4350-7955
	Postgraduate

Презумпция отцовства в советском праве

Е. Е. Леканова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-100-109
УДК 347.63

Научная статья
Полный текст на русском языке

Актуальность исследования правовой регламентации презумпции отцовства в советском праве обусловлена тем, что в 2017–2019 годы Государственной Думой РФ рассматривался законопроект о возврате в СК РФ административного преодоления презумпции отцовства в том варианте, который действовал на территории СССР с 1984 по 1991 годы и в РФ с 1996 по 1997 годы. Законопроект был отклонен, но не из-за ненужности обществу административного преодоления презумпции отцовства, а в силу человеческого фактора инициаторов законопроекта, которые бросили начатое дело на полпути без уважительных причин. В статье осуществлен сравнительно-правовой анализ советского и современного российского законодательства, который показал, что административное преодоление презумпции отцовства соответствует принципу процессуальной экономии, защищает мужчин от несправедливого несения ими родительских обязанностей в отношении неродного ребенка с момента регистрации ребенка до момента оспаривания отцовства, предотвращает длительное негативное общение матери ребенка, ее мужа и биологического отца ребенка в процессе судебного процесса по оспариванию отцовства. В современное законодательство целесообразно вернуть возможность административного преодоления презумпции отцовства путем подачи заявления матери ребенка и ее мужа (бывшего мужа) в органы ЗАГС.

Ключевые слова: презумпция отцовства; несовершеннолетние дети; происхождение ребенка; советское семейное право; биологический отец; органы ЗАГС

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леканова, Екатерина Евгеньевна | E-mail: lekanova.katya@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4350-7955
Аспирант

Презумпция отцовства не является изобретением современного российского законодателя. Она представляет собой элемент правового наследия Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 года (далее – КоБС)¹.

До 1944 года в советском праве не было презумпции отцовства мужа матери. Для регистрации отцовства в административном порядке в 1918–1933 годах требовалось волеизъявление потенциального отца ребенка, даже если регистрируемым отцом был муж матери; иначе отцовство устанавливалось в судебном порядке (ст. 23 и ст. 133–144 Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 года², ст. 25–32 и ст. 118–123 Кодекса законов о браке, семье и опеке 1926 года (далее – КЗоБСО)³, п.п. 5–7 Инструкции НКВД РСФСР от 24.02.1927 № 76 «О порядке регистрации актов рождений и смертей»⁴).

С 1933 по 1944 год отцовство ребенка выявлялось со слов матери независимо от ее состояния в браке. Отцовство, установленное таким образом, с 1933 года могло быть оспорено лицом, зарегистрированным в качестве отца, только в судебном порядке (ст. 29 КЗоБСО (ред. от 20.07.1933), глава IX Инструкции НКВД СССР от 09.12.1934 «О порядке регистрации (записи) актов гражданского состояния»⁵, п.п. 8–12 Инструкции ВЦИК РСФСР от 20.03.1933 «О порядке регистрации актов рождения»⁶). Замужняя мать ребенка была вправе указать отцом мужчину, не являющегося ее мужем, без согласия мужа и лица, указываемого в качестве отца (п. 11 Инструкции ВЦИК РСФСР от 20.03.1933 «О порядке регистрации актов рождения»), что прямо указывает на отсутствие в этот период презумпции отцовства мужа матери.

В 1944 году был принят Указ от 08.07.1944 года⁷, который повлек также внесение кардинальных изменений в КЗоБСО. Согласно правилу ст. 27 КЗоБСО (в ред. от 16.04.1945) внебрачный ребенок в органах ЗАГС записы-

¹ Кодекс о браке и семье РСФСР (ред. от 24.02.1987), утв. законом РСФСР от 30.07.1969 // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 2. С. 43 (утратил силу в связи с принятием СК РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ и ФЗ от 15.11.1997 № 143-ФЗ).

² Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16.09.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 76–77, ст. 818 (утратил силу в связи с изданием Постановления ВЦИК, СНК РСФСР от 07.03.1927).

³ Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» (ред. от 19.11.1926) // СУ РСФСР. 1926. № 82, ст. 612 (утратил силу в связи с изданием Указа Президиума ВС РСФСР от 16.01.1970).

⁴ Инструкция НКВД РСФСР от 24.02.1927 № 76 «О порядке регистрации актов рождений и смертей» // Бюллетень НКВД. 1927. № 6 (утратила силу в связи с изданием Постановления ВЦИК от 20.03.1933).

⁵ Инструкция о порядке регистрации (записи) актов гражданского состояния (утв. НКВД СССР 09.12.1934) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 22.12.2021).

⁶ Постановление Президиума ВЦИК РСФСР от 20 марта 1933 г. «Об утверждении Инструкции о порядке регистрации актов рождения» // СУ. 1933. № 22, ст. 74.

⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года // Ведомости ВС СССР. 1944. № 37 (ред. 08.07.1944).

вался по фамилии матери с присвоением ему отчества по указанию матери. Правило п. 20 Указа от 08.07.1944 года предписывало: «Отменить существующее право обращения матери в суд иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке». Из указанного правила было несколько исключений: 1) установление по ранее действующим правилам отцовства в отношении детей, рожденных до вступления в силу Указа от 08.07.1944; 2) установление отцовства в регистрационном порядке в отношении внебрачного ребенка при вступлении предполагаемым отцом в зарегистрированный брак с матерью этого ребенка (ст. 28 КЗоБСО в ред. от 16.04.1945); 3) установление отцовства фактического супруга матери ребенка при признании судом на основании Указа от 10.11.1944 матери ребенка фактической женой умершего на фронте или пропавшего без вести на фронте лица⁸.

Запрет на установление внебрачного отцовства оценивается современными правоведом (в частности, М. И. Черкашиной, З. П. Замараевой и В. М. Новоселовым) отрицательно, так как им нарушалось право ребенка знать своих родителей (отца) [1, с. 367]. Кроме того, у многих матерей было недостаточно средств для содержания ребенка [2, с. 54]. Советские правоведы (в частности, К. К. Червяков, И. Т. Хламов) оправдывали данный шаг законодателя необходимостью улучшения демографической ситуации в послевоенное время [3, с. 113]. А. М. Коллонтай в 1946 году отмечала: «С первых шагов советского законодательства было признано, что материнство – не частное дело, но социальный долг активной и равноправной гражданки государства. <...> Громадное внимание было уделено организации общественных столовых, детских садов, пионерских лагерей, детских площадок и яслей – тех учреждений, которые, как писал Ленин, на деле способны освободить женщину, на деле способны уменьшить ее неравенство с мужчиной» [4, с. 378]. Как видно, в тот период у строителей и строительниц нового социалистического общества воспитание детей и уход за ними считались преимущественно женской особенностью, ставящей женщин в неравное положение по сравнению с мужчинами; особенностью, ограничивающей на длительный срок возможность женщин заниматься наемным трудом и главное получать доходы, в связи с чем, по мнению «модельеров» нового социалистического общества, именно государство, а не отец ребенка (за исключением случаев, когда отец ребенка является мужем матери) должно было материально и организационно помогать матерям с маленькими детьми. Сама же А. М. Коллонтай, напротив, в молодости ушла от мужа через пять лет брака, оставив с ним их общего четырехлетнего сына ради участия в революционном движении [5, с. 18].

⁸ Указ Президиума ВС СССР от 10.11.1944 «О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов» // Ведомости ВС СССР. 1944. № 60.

Кроме того, она полагала, что получение женщиной денежного пособия на содержание ребенка от соратника и товарища закрепляет материальную зависимость женщины от мужчины и нарушает принцип равенства членов одного и того же класса [6, с. 173]. На наш взгляд, А. М. Коллонтай трактовала неравенство мужчин и женщин весьма искаженно. В получении алиментов на содержание ребенка законным представителем ребенка, которым являлась мать, почему-то усматривалась зависимость женщины от мужчины, а не зависимость ребенка от отца. Не объяснялось, почему говорится о равноправии мужчины и женщины, если незамужняя женщина одна вынуждена воспитывать и содержать ребенка, родившегося в период с 1944 по 1968 год, пусть и с социальной поддержкой от государства.

При толковании п. 20 Указа от 08.07.1944 можно было увидеть **проблемы современной презумпции отцовства**, который следует из запрета на установление внебрачного отцовства. В. А. Рясенцев, анализируя указанную норму, справедливо отмечал: «Рождение ребенка замужней женщиной создает презумпцию, что ее муж – отец ребенка. Поэтому она, имея на руках брачное свидетельство, не должна в ЗАГС доказывать, что отцом ребенка является ее муж. Это явствует из факта рождения ребенка в зарегистрированном браке» [7, с. 131]. Отцовство мужа матери могло быть оспорено только в судебном порядке (ст. 25 КЗоБСО в ред. от 16.04.1945).

КЗоБСО содержал весьма усеченный вариант презумпции отцовства по сравнению с КоБС и СК РФ. При буквальном толковании указанным вариантом презумпции не охватывались случаи смерти мужа до рождения ребенка и случаи рождения ребенка после расторжения брака. Отдельного пояснения требует случай рождения ребенка в недействительном браке. В соответствии с разъяснениями Постановления Пленума ВС СССР от 16.09.1949 № 12/8/у «О судебной практике по делам о расторжении брака» права детей, рожденных в браке, признанном впоследствии недействительным, приравниваются к правам детей, рожденных в действительном зарегистрированном браке⁹. На наш взгляд, понятие «зарегистрированный брак» включает в себя зарегистрированный действительный брак и зарегистрированный недействительный брак. Если при регистрации брака были допущены существенные нарушения, то он признается несостоявшимся (незаключенным) [8, с. 123; 9, с. 161; 10, с. 99–102; 11, с. 51], а если нарушены условия заключения брака, а не порядок заключения брака, то брак считается зарегистрированным и недействительным. Следовательно, КЗоБСО (в ред. от 16.04.1945) допускает установление отцовства ребенка, родившегося в недействительном браке.

Однако постепенно презумпция отцовства дорабатывалась, но, к сожалению, не в самом КЗоБСО, а в правиле п. 17 Инструкции о порядке регистра-

⁹ Постановление Пленума ВС СССР от 16.09.1949 № 12/8/у «О судебной практике по делам о расторжении брака» // Вестник ВС СССР. 1949. № 18 (утратило силу 04.12.1969).

ции актов гражданского состояния 1958 года, согласно которому при рождении ребенка после смерти мужа матери в актовую запись и свидетельство о рождении умерший мог быть записан отцом ребенка при условии, если со дня смерти указанного лица прошло не более 10 месяцев¹⁰. Также предписание п. 20 инструкции указывает, что презумпция отцовства применялась при установлении отцовства детей, рожденных в недействительном браке, и детей, рожденных в течение 10 месяцев после признания брака недействительным. В то же время презумпция отцовства не распространялась на детей, появившихся на свет в течение 10 месяцев после расторжения брака. По смыслу нормы п. 19 данной Инструкции мать ребенка посредством подачи заявления при регистрации ребенка могла преодолеть презумпцию отцовства.

Порядок установления происхождения ребенка, формировавшийся с 1944 года, был изменен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16.10.1968¹¹, который упразднил запрет на установление отцовства внебрачных детей. В связи с возвращением в законодательство возможности установления отцовства в отношении детей, рожденных вне зарегистрированного брака, презумпция отцовства мужа матери уже не следовала из запрета установления отцовства внебрачных детей и не могла больше оставаться в тени от кодифицированного акта семейного права того времени. В соответствии с правилом ч. 1 ст. 49 КоБС отец и мать, состоящие в браке между собой, записывались родителями ребенка в книге записей рождений по заявлению любого из них. Данная презумпция имела свое продолжение в ч. 3 и 4 ст. 149 КоБС, в которых упоминались случаи рождения ребенка после смерти мужа матери, после расторжения или признания брака матери недействительным. В свою очередь, механизм преодоления данной презумпции был заложен в правиле п. 7 Инструктивных указаний по вопросам регистрации рождения, действовавших с 1984 по 1991 год: «Если мать ребенка, состоящая в зарегистрированном браке, при регистрации рождения заявляет, что ее муж не является отцом ребенка и просит не указывать его отцом в записи акта о рождении ребенка, ее просьба может быть удовлетворена только при наличии письменного заявления об этом самой матери и ее мужа, если иное не установлено законодательством союзной республики»¹². Данная норма не была перенята Ин-

¹⁰ Инструкция о порядке регистрации актов гражданского состояния, утв. Минюстом РСФСР 20.01.1958 // Юридическая литература. М., 1958 (утратила силу в связи с изданием Постановления Совмина РСФСР от 17.10.1969 № 592).

¹¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16.10.1968 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. № 43, ст. 384.

¹² Инструктивные указания по вопросам регистрации рождения, утв. Минюстом СССР 28.03.1984 // Регистрация актов гражданского состояния: сборник официальных документов. 1985 (утратили силу 22.07.1991).

струкцией о порядке регистрации актов гражданского состояния в СССР 1991 года¹³.

Примечательным является также и то, что в 1969–1998 годах действовала Инструкция о порядке регистрации актов гражданского состояния в РСФСР¹⁴, которая не допускала возможности административного преодоления презумпции отцовства. Тем не менее по смыслу правил ст. 20 Конституции СССР 1936 года¹⁵ и ст. 7 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье 1968 года¹⁶ устанавливается приоритет нормативных семейно-правовых актов СССР над нормативными семейно-правовыми актами РСФСР, поэтому норма о возможности опровержения презумпции отцовства путем заявления матери ребенка и ее мужа действовала и в РСФСР в период с 1984 года по 1991 год.

В научной доктрине имеются как сторонники (Н. А. Матвеева, Л. Б. Максимович, Т. В. Шершень, А. А. Кулакова, А. Н. Ломакина, Ю. А. Павлова, С. Н. Мореева, А. М. Рабец) [12, с. 40; 13, с. 93; 14, с. 82; 15, с. 117; 16, с. 22], так и противники (Е. Ю. Черепанин) [17, с. 59] возвращения в современное законодательство права на административное преодоление презумпции отцовства. В качестве аргументов в пользу административного преодоления презумпции отцовства в доктрине приводятся: наиболее эффективная гарантия права ребенка знать своего биологического отца; защита мужчин от обязанности содержать и воспитывать неродного ребенка; избежание крайне неприятной ситуации по судебному опровержению презумпции отцовства. В качестве контраргумента Е. Ю. Черепанин указывает возможность фиктивного установления отцовства при желании жены уйти от мужа к другому мужчине с ребенком от мужа [17, с. 59]. Промежуточную позицию занимает Н. Н. Тарусина: «Можно, конечно, предусмотреть более надежное правило: супруги заключают соглашение об опровержении презумпции, т. е. об отцовстве другого мужчины, а мать ребенка и биологический отец обращаются в ту же структуру с совместным заявлением о признании отцовства... Это несколько упростит процедуру и ускорит окончательное решение об отцовстве, однако не даст высокой степени на-

¹³ Инструкция о порядке регистрации актов гражданского состояния в СССР, утв. Минюстом СССР 22.07.1991 // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1991. № 11 (утратила силу в связи с изданием Приказа Минюста РФ от 19.02.2002 № 52).

¹⁴ Инструкция о порядке регистрации актов гражданского состояния в РСФСР, утв. Постановлением Совмина РСФСР от 17.10.1969 № 592 (ред. от 05.06.1984) // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 2. С. 93 (утратила силу в связи с изданием Постановления Правительства РФ от 06.07.1998 № 709).

¹⁵ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283 (утратила силу 07.10.1977).

¹⁶ Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, утв. законом СССР от 27.06.1968 № 2834-VII (ред. от 05.03.1991) // Ведомости ВС СССР. 1968. № 27, ст. 241 (утратили силу на территории РФ в связи с принятием СК РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ).

дежности разрешения ситуации и сомнительно с точки зрения надлежащей эффективности охраны интересов ребенка» (18, с. 39). На наш взгляд, поддержка заслуживает первая точка зрения, так как административное преодоление презумпции отцовства отвечает принципу процессуальной экономии, защищает мужчин от несправедливого несения ими родительских обязанностей в отношении неродного ребенка с момента регистрации ребенка до момента оспаривания отцовства, предотвращает длительное негативное общение матери ребенка, ее мужа и биологического отца ребенка в рамках судебного процесса по оспариванию отцовства.

В постсоветское время была произведена попытка вернуть административное преодоление презумпции отцовства. До вступления в силу ФЗ от 15.11.1997 № 140-ФЗ¹⁷ в п. 3 ст. 48 СК РФ имелась возможность опровергнуть презумпцию отцовства бывшего мужа путем подачи совместного заявления матерью ребенка и биологическим отцом [15, с. 117].

Спустя почти двадцать лет Государственным Советом Удмуртской Республики была предпринята повторная попытка вернуть административное преодоление презумпции отцовства в российское семейное законодательство в практически неизменной редакции (то есть по заявлению матери ребенка)¹⁸. Обоснованием предлагаемых изменений выступало то, что «указание в актовых записях о рождении сведений об отце лица, не являющегося таковым, влечет ряд негативных правовых последствий как для ребенка, поскольку родители являются его законными представителями, так и для бывшего супруга матери ребенка, не являющегося биологическим отцом ребенка, в части несения алиментных обязательств»¹⁹. Кроме того, если между мужем (бывшим мужем) и женой отсутствует спор об отцовстве ребенка, то есть если оба не желают указывать отцом ребенка мужа (бывшего мужа) матери, то исключительно судебное обжалование отцовства нарушает принцип процессуальной экономии.

Согласно позиции Правового управления Аппарата Государственной Думы РФ, проектируемая возможность одностороннего заявления матери о том, что супруг (бывший супруг) отцом ребенка не является, без его согласия, не отвечает принципу равенства прав супругов в семье²⁰. По мне-

¹⁷ Федеральный закон от 15.11.1997 № 140-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в СК РФ» // СЗ РФ. 1997. № 46, ст. 5243.

¹⁸ Проект ФЗ № 27698-7 «О внесении изменений в статью 48 СК РФ и статью 17 ФЗ «Об актах гражданского состояния» (ред., принятая в I чтении 14.04.2017) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.12.2021).

¹⁹ Пояснительная записка «К проекту ФЗ «О внесении изменений в статью 48 СК РФ и статью 17 ФЗ «Об актах гражданского состояния»» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.12.2021).

²⁰ Заключение Правового управления Аппарата ГД ФС РФ от 18.01.2017 № 2.2-1/224 «По проекту ФЗ № 27698-7 «О внесении изменений в статью 48 СК РФ и статью 17 ФЗ «Об актах гражданского состояния» (I чтение) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.12.2021).

нию Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей принятие законопроекта соответствует интересам ребенка, матери и фактического отца ребенка²¹. Из отзыва Правительства РФ явным образом следует, что оно поддерживает данный законопроект при условии его доработки²². Государственному Совету Удмуртской Республики было предложено исправить указанный недочет и внести отредактированный текст законопроекта для второго чтения в тридцатидневный срок²³. Однако Государственный Совет Удмуртской Республики не сделал этого, вследствие чего через два года законопроект был отклонен²⁴, но не из-за ненужности обществу административного преодоления презумпции отцовства, а в силу человеческого фактора инициаторов законопроекта, которые бросили начатое дело на полпути без уважительных причин.

Таким образом, участники данного законопроектного процесса готовы были сойтись на варианте правовой регламентации административного преодоления презумпции отцовства, существовавшего с 1984 по 1991 год, что свидетельствует об утрате позитивного правового опыта преодоления презумпции отцовства. Многократные попытки возведения в букву закона административного опровержения презумпции отцовства на протяжении многих лет позволяют надеяться, что в будущем позитивный правовой опыт преодоления презумпции отцовства вернется в семейное законодательство.

Ссылки

1. Черкашина М. И. Правовое регулирование оспаривания отцовства и материнства // Вопросы российской юстиции. 2021. С. 363–384.
2. Замаараева З. П., Новоселов В. М. Особенности трансформации института отцовства в советский период // Теория и практика общественного развития. 2012. № 6. С. 53–57.
3. Червяков К. К., Хламов И. Т. Признание и установление отцовства при отсутствии зарегистрированного брака между родителями // Ленинские идеи и новое законодательство о браке и семье: тезисы докладов научной конференции, посвященной столетию со дня рождения В. И. Ленина. Саратов, 1969. С. 112–116.

²¹ Заключение Комитета по вопросам семьи, женщин и детей от 06.04.2017 № 3.6-5/21 «По проекту ФЗ № 27698-7 «О внесении изменений в статью 48 СК РФ и статью 17 ФЗ «Об актах гражданского состояния» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.12.2021).

²² Официальный отзыв Правительства РФ от 09.03.2017 № 1516п-П12 «На проект ФЗ № 27698-7 «О внесении изменений в статью 48 СК РФ и статью 17 ФЗ «Об актах гражданского состояния» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.12.2021)

²³ Постановление ГД ФС РФ от 14.04.2017 № 1388-7 ГД «О проекте ФЗ № 27698-7 «О внесении изменений в статью 48 СК РФ и статью 17 ФЗ «Об актах гражданского состояния» // СЗ РФ. 2017. № 17, ст. 2479.

²⁴ Постановление ГД ФС РФ от 14.02.2019 № 5713-7 ГД «О проекте ФЗ № 27698-7 «О внесении изменений в статью 48 СК РФ и статью 17 ФЗ «Об актах гражданского состояния» // СЗ РФ. 2019. № 7, ч. I, ст. 611.

4. Коллонтай А. М. Советская женщина – полноправная гражданка своей страны, 22 сентября 1946 год // Избранные статьи и речи. М., 1972. С. 378–383.
5. Соколов Б. В. Коллонтай. Валькирия и блудница революции. М., 2015. 281 с.
6. Коллонтай А. М. Введение к книге «Общество и материнство», 1915 год // Избранные статьи и речи. М., 1972. С. 160–175.
7. Рясенцев В. А. Семейное право: учебник. М., 1967. 224 с.
8. Шахматов В. П., Хаскельберг Б. Л. Новый кодекс о браке и семье РСФСР. Томск, 1970. 238 с.
9. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву: учебное пособие. М., 2014. 224 с.
10. Фетисова О. В. Соотношение понятий недействительный и несостоявшийся брак // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 10. С. 99–102.
11. Стражевич Ю. Н., Никонова Н. П. Несостоявшиеся браки как самостоятельный институт семейного права // Юридическая наука. 2018. № 4. С. 50–54.
12. Матвеева Н. А. Презумпция отцовства и проблемы ее опровержения // Семейное и жилищное право. 2014. № 4. С. 39–41.
13. Максимович Л. Б. Шершень Т. В. Презумпция отцовства: законодательство и практика применения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 11. С. 90–94.
14. Кулакова А. А., Ломакина А. Н., Павлова Ю. А. Проблемы вынужденного отцовства // Вестник ВЮИ. 2021. № 2. С. 81–83.
15. Мореева С. Н. Презумпция отцовства и способы ее преодоления // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2(182). С. 117–19.
16. Рабец А. М. Презумпция отцовства мужа матери ребенка в семейном праве Российской Федерации и на постсоветском пространстве // Семейное и жилищное право. 2016. № 2. С. 20–23.
17. Черепанин Е. Ю. Презумпция отцовства: постановка проблемы // Вопросы науки и образования. 2018. № 13 (25). С. 58–60.
18. Тарусина Н. Н. Отцовство: технологии юридической фиксации // Вестник тверского государственного университета. Серия: право. 2020. № 1. С. 37–47.

Theft of non-cash funds and digital currency: problems of constructing the elements of crimes

A. N. Smolyakov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-110-117

Research article
Full text in Russian

The article, with reference to the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1374-O «On the termination of proceedings in the case of checking the constitutionality of paragraph «d» of Part Three of Article 158 and Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the request of the Railway District Court of the city of Ryazan» and doctrinal sources, proves the need to improve criminal law norms on the theft of non-cash funds and digital currency. The author, based on the theory of constructing the corpus delicti, offers his own solutions to existing legislative problems. In particular, it is recommended to exclude from the law qualifying signs of theft and computer fraud «from a bank account, as well as in relation to electronic money» (paragraph «d» of Part 3 of Article 158, in paragraph «c» of Part 3 of Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation). In addition, a draft of a new norm has been formulated (Article 164.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) about the theft or extortion of digital currency. The proposals on the construction of the main composition of this crime and qualifying features, which it is advisable to fix in the proposed norm, are reasoned.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation; embezzlement; money; bank account; electronic means; digital currency; differentiation of responsibility; corpus delicti; construction

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Smolyakov, Alexander N. | E-mail: mr.smolyakov93@mail.ru
| Postgraduate

Хищение безналичных денежных средств и цифровой валюты: проблемы конструирования составов преступлений

А. Н. Смоляков¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-110-117
УДК 343.326

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье со ссылкой на Определение Конституционного Суда РФ от № 1374-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта «г» части третьей статьи 158 и статьи 159.3 Уголовного кодекса РФ в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани» и доктринальные источники доказывается необходимость совершенствования уголовно-правовых норм о хищениях безналичных денежных средств и цифровой валюты. Автор, основываясь на теории конструирования состава преступления, предлагает собственные решения существующих законодательных проблем. В частности, рекомендуется исключить из закона квалифицирующие признаки кражи и компьютерного мошенничества «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» (п. «г» ч. 3 ст. 158, в п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ). Кроме того, сформулирован проект новой нормы (ст. 164.1 УК РФ) о хищении либо вымогательстве цифровой валюты. Аргументированы предложения о конструкции основного состава данного преступления и квалифицирующих признаках, которые целесообразно закрепить в предлагаемой норме.

Ключевые слова: УК РФ; хищение; денежные средства; банковский счет; электронные средства; цифровая валюта; дифференциация ответственности; состав преступления; конструирование

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смоляков, Александр Николаевич | E-mail: mr.smolyakov93@mail.ru
Аспирант

09.07.2021 увидело свет Определение Конституционного Суда РФ от № 1374-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта “г” части третьей статьи 158 и статьи 159.3 Уголовного кодекса РФ в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани». Основанием обращения в высший орган конституционного контроля послужила неопределенность в вопросе о соответствии Конституции РФ положений п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159.3 УК РФ «в той мере, в какой путем выбора между ними в правоприменительной практике решается вопрос об уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета посредством использования неуправомоченным лицом платежной (банковской) карты, в том числе расчетной (дебетовой), кредитной, при бесконтактной оплате товаров (работ, услуг) в рамках лимита платежа, допускаемого к осуществлению без введения ПИН-кода». На диспропорции в наказуемости этих видов хищений, свидетельствующих об изъянах дифференциации ответственности за указанные виды хищений, уже обращалось внимание в доктрине [1], в том числе в наших работах [2].

И хотя Конституционный Суд РФ прекратил производство по делу, из вынесенного им определения с очевидностью следует вывод, что уголовное законодательство в рассматриваемой части явно нуждается в совершенствовании. В системе действующего правового регулирования, по нашему мнению, возможны два варианта решения обозначенной проблемы: 1) исключение из п. «г» ч. 3 ст. 158, в п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ спорного квалифицирующего признака; 2) реконструкция санкций статей о хищениях (в частности, ужесточение санкций ст. 159.3 УК РФ, чтобы основной состав относился к категории тяжких преступлений).

Полагаем, что заниматься реконструкцией санкций бессмысленно. Это, как представляется, будет борьбой с симптомами, а не с их причинами. Есть все основания утверждать, что хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств не обладает повышенной степенью опасности в сравнении с хищением наличных денег или иного имущества. Сегодня безналичные расчеты фактически стали нормой поведения, многие граждане вообще перестают использовать наличные денежные средства. И на этом фоне абсолютно непонятна позиция законодателя, установившего ощутимо более суровые меры наказания за хищение безналичных денег. Более того, если, например, тайно изъято 100 тыс. руб., то виновному инкриминируется п. «в» ч. 2 ст. 158 УК (кража с причинением значительного ущерба гражданину), а если даже 1 тыс. руб., но с банковского счета (путем оплаты покупки с чужой карты), то –

п. «г» ч. 3 ст. 158 УК. Хотя совершенно очевидно, что последнее преступление менее вредоносно, причем стократно менее опасно. Для устранения этих законодательных «перекосов» представляется логичным исключить из ст. 158 и ст. 159.6 УК РФ спорный квалифицирующий признак.

Одновременно отметим важность разработки иных предложений по оптимизации законодательства в части противодействия современным формам криминальных посягательств на собственность в условиях цифровой реальности. В этой связи, думается, что с позиции учения о дифференциации ответственности и теории законодательной техники назрело дополнение УК РФ нормой о посягательствах на цифровую валюту. Главный довод в пользу такого правотворческого решения – это повышенная общественная опасность завладения цифровой валютой, обусловленная специфическими особенностями данного вида имущества. К цифровой валюте, несмотря на ощутимые подвижки в вопросах правового регулирования ее оборота, государство имеет все основания относиться с особой осторожностью. Все дело в анонимности цифровой валюты, ее децентрализованности, отсутствии обеспечения и иных свойствах, ввиду которых полноценный государственный контроль за ее оборотом невозможен. Это делает криптовалюту крайне привлекательной для лиц, участвующих в различного рода криминальных операциях, включая отмывание доходов, полученных преступным путем, незаконный оборот наркотиков, коррупцию, финансирование терроризма и экстремизма. Соответственно, и противоправное завладение подобным «токсичным» финансовым инструментом представляет повышенную опасность в сравнении с посягательствами на обычные деньги или иное имущество.

Не случайно 20 января 2022 г. Банк России представил на своем официальном сайте для публичного обсуждения доклад, в котором с учетом создаваемых распространением криптовалют рисков для граждан, а также угроз для финансовой стабильности и экономической безопасности государства сформулировал достаточно жесткие предложения по ограничению операций с криптовалютами в России. В частности, регулятором предложено ввести ответственность за нарушение запрета на использование криптовалюты в качестве средства платежа за товары, работы и услуги, продаваемые и покупаемые юридическими и физическими лицами – резидентами РФ [3].

Кроме того, не стоит забывать о существенной превентивной роли уголовного закона, которую он призван играть в борьбе с новыми видами криминальных угроз. Сегодня в УК РФ отсутствует понятие цифровой валюты, ведутся многочисленные споры о ее природе и возможности оценки

криминальных посягательств на нее по тем или иным статьям УК РФ. В таких условиях введение специальной нормы о противоправном завладении цифровой валютой заметно усилит предупредительный потенциал уголовного закона, позволит самым серьезным образом укрепить механизм уголовно-правовой охраны отношений, связанных с обладанием этим финансовым активом, столь привлекательным для криминалитета.

Наконец, потребность в конструировании специального состава завладения цифровой валютой продиктована тем фактом, что хищение либо вымогательство криптовалюты весьма часто встречается в практике (причем количество такого рода преступлений неуклонно возрастает). И в этом смысле трудно отрицать не только общественную опасность данного поведения, но и такие его криминологические показатели, как типичность и распространенность.

О том, какой должна быть редакция предлагаемой нормы, как должен выглядеть основной состав преступления, какие квалифицирующие признаки должны градировать ответственность за данное деяние и т. д., мы размышляли, опираясь на теорию конструирования состава преступления и учение о дифференциации ответственности. Итогом же наших рассуждений является проект новой нормы – «Статья 164.1 УК РФ. Хищение либо вымогательство цифровой валюты». Данную норму целесообразно, на наш взгляд, разделить на четыре части: 1) хищение либо вымогательство цифровой валюты (основной состав); 2) то же деяние, совершенное: а) группой лиц по предварительному сговору; б) в значительном размере; 3) деяние, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи, совершенное: а) лицом с использованием своего служебного положения; б) в крупном размере; в) с применением насилия, неопасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия; 4) деяние, предусмотренное частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенное: а) организованной группой; б) в особо крупном размере; в) с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

Нетрудно видеть, что в предложенном нами проекте ст. 164.1 УК мы опирались на бланкетный прием при формулировании признаков состава. Ключевой признак, послуживший критерием конструирования данного специального состава преступления, – это его предмет, в качестве которого выступает цифровая валюта. Данный термин мы сформулировали в том виде, в каком он употребляется в регулятивном законодательстве. В частности, известно, что в теории и практике используются различные обозначения для криптовалюты, в первую очередь собственно тер-

мин «криптовалюта». Следует отметить также, что на сегодняшний день в науке, зарубежном законодательстве и документах различных международных организаций для ее обозначения используется и другой термин – «виртуальная валюта». Более того, данный термин употребляется в письмах, разъяснениях и иных документах российских органов государственной власти [4, с. 7]. Но с позиции теории законодательной техники при конструировании состава преступления понятия следует обозначать теми терминами, которые использованы в «родной» для них отрасли законодательства.

Легальное же обозначение и дефиниция криптовалюты в настоящее время содержатся в п. 3 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», в соответствии с которым цифровой валютой признается совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые могут выполнять функцию средства платежа, не являясь денежной единицей РФ, расчетной единицы или объекта инвестирования и в отношении которых отсутствует обязанное лицо, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему по ее правилам¹.

Указание в проекте ст. 164.1 УК вымогательства как альтернативного хищению деяния продиктовано не только реалиями и тенденциями следственно-судебной практики, но и рекомендацией о необходимости стремиться к «изоморфизму» (одинаковости структур) при конструировании составов сходных преступлений. Идея «изоморфизма» при построении составов состоит в том, что, по общему правилу, при однопорядковости общественно опасных деяний должны совпадать нормативные конструкции их составов [5, с. 114–115; 6, с. 60]. В предлагаемом варианте ст. 164.1 УК как раз учтена данная рекомендация и использована уже хорошо известная уголовному закону и успешно апробированная в практике конструкция объективной стороны состава преступления – «хищение либо вымогательство» (идентичная формула задействована законодателем, среди прочих, в ст. 226 и 229 УК).

¹ См.: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // Российская газета. 2020. 6 авг., № 173. С. 2–6.

Что касается вопросов внешней законодательной техники, то обратим внимание на два момента.

Во-первых, учитывая, что ст. 164.1, по нашей мысли, должна охватывать все известные способы и формы хищений, а также вымогательство, логично ее разместить после описания конкретных форм хищений и состава вымогательства. Этой же логикой с очевидностью руководствовался и законодатель, определяя место дислокации в главе 21 УК нормы о хищении предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (независимо от способа хищения) – ст. 164.

Во-вторых, уже долгое время остается нерешенной в УК РФ проблема так называемой синекдохи: по общему правилу множественное число слова «по умолчанию» используется для обозначения как нескольких соответствующих понятий, так и одного. Например, в той же ч. 1 ст. 164 УК говорится о хищении предметов или документов... Естественно, что по смыслу закона хищение и одного предмета или документа образует состав данного преступления. Буквальное же толкование свидетельствует об обратном: для вменения оконченного преступления нужно установить хищение, как минимум, двух предметов или документов. Отсюда встречаются попытки буквально истолковать закон, считать множественное число прямым волеизъявлением законодателя. И чтобы избежать подобной негативной практики и связанной с ней проблемы правоприменения, представляется необходимым при описании признаков преступлений, когда для ответственности достаточно одного предмета, действия и т. д., использовать единственное число слова. В связи с этим при описании квалифицированных составов в ст. 164.1 УК нами сознательно употреблен термин «деяние» в единственном числе: «то же деяние» (ч. 2), «деяние, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи» (ч. 3), «деяние, предусмотренное частями первой, второй или третьей настоящей статьи» (ч. 4). Хотя законодатель при описании родственных преступлений, к сожалению, в этом вопросе не всегда разборчив. Например, в ч. 2 ст. 159.1 УК говорится о «том же деянии», а уже в частях второй и третьей этой же статьи – о «деяниях» во множественном числе слова.

В целом же выразим убежденность в том, что внедрение в отечественный уголовный закон нормы о хищении или вымогательстве цифровой валюты ощутимо повысит уровень уголовно-правовой охраны отношений собственности в этой области, а также повысит эффективность борьбы с криминальными посягательствами на данный вид финансового актива.

Ссылки

1. Архипов А. В. Проблемы применения норм УК РФ, устанавливающих ответственность за хищение денежных средств с банковского счета // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 12–14.
2. Смоляков А. Н. Об изъятиях дифференциации ответственности за хищения, совершенные в отношении безналичных денежных средств // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции. М., 2020. С. 245–247.
3. Банк России 20 января 2022 года представил предложения по ограничению операций с криптовалютами. URL: <https://www.garant.ru/news/1523294/#sdfootnote1sym> (дата обращения: 21.01.2022).
4. Информация Банка России от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют»» // Вестник Банка России. 2014. № 11. С. 7–9.
5. Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика. М., 2014. 351 с.
6. Иванчин А. В. Факторы, учитываемые в процессе конструирования состава преступления // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 59–61.

Psychological analysis of information materials in judicial and extrajudicial practice

E. V. Koneva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-118-127

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the methodological issues of the analysis of information materials within the framework of psychological forensic expertise and psychological humanitarian expertise. Authorship and publication of information materials can be viewed as a kind of communication between their creator and consumers. In both types of expertise, currently the material is analyzed mainly from the standpoint of one of the parties to communication, which is partly due to objective circumstances. However, this makes it difficult to develop criteria for expert analysis necessary for reasoned answers to the questions posed to the expert examination. Problem has been resolved in relation to the psychological forensic expertise, but remains acute in relation to the humanitarian expertise. Analysis of the characteristics of perception and understanding of the information product by the consumer can help to resolve the indicated problem.

Keywords: information materials; content; publisher; consumer; psychological forensic examination; psychological humanitarian examination; criteria for expert analysis; communication

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Koneva, Elena V. | E-mail: ev-kon@yandex.ru
| Doc. Sc. (Psychology), Professor

Психологический анализ информационных материалов в судебной и внесудебной практике

Е. В. Конева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-118-127
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена методологическим вопросам анализа информационных материалов в рамках психологической судебной экспертизы и психологической гуманитарной экспертизы. Авторство и публикацию информационных материалов можно рассматривать как своеобразную коммуникацию их создателя и потребителей. В обоих видах экспертизы материал в настоящее время анализируется в основном с позиций одной из сторон коммуникации, что частично связано с объективными обстоятельствами. Однако это затрудняет выработку критериев экспертного анализа, необходимых для аргументированных ответов на поставленные перед экспертизой вопросы. Проблема решена применительно к психологической судебной экспертизе, но остается острой в отношении экспертизы гуманитарной. Анализ особенностей восприятия и понимания информационного продукта потребителем может способствовать разрешению обозначенной проблемы.

Ключевые слова: информационные материалы; контент; публикатор; потребитель; психологическая судебная экспертиза; психологическая гуманитарная экспертиза; критерии экспертного анализа; коммуникация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Конева, Елена Витальевна | E-mail: ev-kon@yandex.ru
Доктор психологических наук, профессор

К информационным материалам принадлежит широкий круг объектов – от зафиксированных на каком-либо носителе вербальных текстов до аудио- и видеоконтента, в том числе и так называемые креолизованные тексты, то есть любые полимодальные информационные единицы: клипы, демотиваторы, «аткрытки» и т. д., а также эмблемы, товарные знаки, карикатуры и др.

© Конева Е. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Наибольшая практическая востребованность анализа информационных материалов связана с деятельностью правоохранительных и судебных органов. Возможностей лингвистического анализа, который ранее преимущественно использовался в случае возникновения у следствия или суда потребности в научном анализе того или иного контента, было недостаточно для ответов на вопросы, выносимые на судебную экспертизу. В частности, анализ невербального контента выходит за пределы компетенции лингвистов. Лингвистическому анализу не подлежит также определение направленности материала. Это вызвало необходимость введения в 2012 г. в «Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» новой специальности «Психологическое исследование информационных материалов» (шифр специальности 20.2) [1]. Деятельность психолога-эксперта в рамках новой специальности значительно отличается от таковой в процессе производства экспертиз по специальности 20.1 «Исследование психологии человека», поскольку анализу подлежат не психологические особенности субъектов, а психологический потенциал информационных продуктов. Анализ документов уголовных и гражданских дел, производимый экспертом-психологом в рамках экспертной специальности 20.1, также существенно отличается по методологии и технологии от изучения информации, представленной публично. Экспертные исследования информационных материалов приобрели в результате комплексный характер и стали производиться комиссией, состоящей из лингвистов и психологов.

Психолого-лингвистическому анализу в рамках судебной экспертизы подлежат материалы, касающиеся разнообразной тематики. Прежде всего это выявление различных типов экстремистских значений: побуждение к совершению деструктивных и разрушительных действий; пропаганда определенных взглядов, идеологии (негативного отношения, исключительности, превосходства, неполноценности по признаку, указанному в законодательстве, а именно по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе); оправдание определенных действий и взглядов (терроризма, необходимости «экстремистской» деятельности и др.); обвинение конкретного должностного лица в определенных (экстремистских, террористических) действиях; унижение человеческого достоинства по признакам принадлежности к группам, указанным в законодательстве; угроза совершения насильственных, разрушительных действий; возбуждение (разжигание) вражды, ненависти (розни) к определенной группе лиц (национальной, религиозной, социальной и др.). Кроме того, релевантен задачам судебной экспертизы анализ видеозаписей с целью выявления возможного психологического воздействия на допрашиваемого со стороны следователя; анализ интернет- и иного контента, побуждающего к суициду, к нетра-

диционным половым отношениям несовершеннолетних; материал, попадающий под составы преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера» и ч. 2–4 ст. 135 УК РФ «Развратные действия»; порнографические материалы; материалы, содержащие порочащие сведения и оскорбления.

Появление нового вида судебной психологической экспертизы обусловило необходимость разработки соответствующих ему методологических основ и методического инструментария. К анализу информационных материалов, как и к любому виду психологической практики, применимы и реализуемы фундаментальные принципы психологии. В частности, **принцип единства сознания и деятельности** выражается в том, что автор или публикатор информационного материала проявляет в нем элементы своей системы отношений, взглядов и потребностей. **Принцип историзма** предполагает учет в ходе экспертного исследования социально-политических и культурно-исторических реалий, в которых создается и транслируется информационный продукт. **Принцип системно-уровневого строения психики** означает, что коммуникация с помощью информационного продукта может осуществляться как в форме непосредственного эмоционального реагирования автора на некое событие или явление, так и в форме более или менее регулируемой, планируемой активности, включающей прогноз ее результатов. Частное выражение принципа системно-уровневого строения психики в контексте рассматриваемого вида судебной психологической экспертизы – приоритетность мотивационно-целевого анализа деятельности автора или публикатора по отношению к конкретным приемам реализации направленности. Другими словами, для выводов эксперта в меньшей степени важно, каким образом субъект выражает существенные для него отношения, в чем суть этих отношений, так как мотивационная структура психики – более общая категория по сравнению с деятельностью-операционной структурой.

Для методологического осмысления экспертизы информационного материала также важно учитывать, что он «включен в обмен информацией между коммуникантами, партнерами по общению, в коммуникативную и социальную деятельность субъектов, и с этой точки зрения является коммуникативной единицей» [2, с. 100]. Коммуникативный характер информационных материалов подчеркивается также в работах философов и литературоведов [3–4]. В коммуникации по определению участвуют, как минимум, две стороны. В нашем случае это автор (или публикатор) информационного материала и потребитель (слушатель, зритель, читатель). Специфика психологической судебной экспертизы такова, что психологическому анализу подвергается почти исключительно первая, активная, сторона процесса, то есть автор. Это обусловлено характером действия административного и уголовного права: ответственности подлежит нару-

шитель закона практически независимо от того, какова позиция его партнера по общению, то есть потребителя информационного продукта. Анализу субъектной позиции автора материала подлежит прежде всего его направленность. В экстремистских материалах это направленность на изменение точки зрения читателя или на формирование у него определенной установки. В направленности, так же как и в установке, в единстве присутствуют три структурные составляющие: когнитивная, эмоциональная и действенная. Так, в комментариях или на персональной странице в социальной сети может присутствовать информация (непроверенная, но подаваемая автором как истинная) об экспансивных намерениях какой-либо группы, именуемой часто как «они»: *«они владеют большей частью торговых точек в городе»*, в чем отражается когнитивный компонент направленности; *«а нас и наших детей хотят сделать рабами»* (эмоциональный компонент, выраженный негативно окрашенным определением «рабы»), а также ссылкой к детям предполагаемого потребителя информации); *«пора братья за оружие»* (действенный компонент, неконкретизированный, но очевидно активный и агрессивный). Совокупность компонентов позволяет судить о наличии в материале признаков экстремистского значения «Побуждение к совершению действия», так как соответствует принятому в современной экспертной практике перечню показателей: «Автор направляет внимание адресата на некую ситуацию, преподносит ее как конфликт; Автор/публикатор выражает свое негативное эмоционально-смысловое отношение к ситуации, в том числе оценивает ситуацию как негативную для адресата, не соответствующую его потребностям и интересам; Ситуация оценивается как требующая вмешательства адресата, его действий» [5, с. 61]. Аналогичные средства используются авторами, воздействующими на потребителя с целью формирования у него суицидальной установки.

В обоих случаях законодателю неважно, каким образом потребитель воспримет передаваемую ему информацию. Существенным с точки зрения права является факт наличия у автора (публикатора) юридически значимой направленности. Личность потребителя имеет значение лишь в контексте возможного учета автором возрастных, демографических или социально-психологических особенностей целевой аудитории (или конкретного адресата), без которого эмоциональный или действенный компонент направленности может быть нерелевантным психологической структуре потребителя. Если же информационный материал не предполагает сколько-нибудь узкую целевую аудиторию, то в рамках судебной психологической экспертизы не учитывается характер реагирования адресатов на опубликованный материал. В любом случае, кроме того, он является предполагаемым, а не выявляемым. Таким образом, исследования закономерностей восприятия различными группами потребителей юридически

значимого продукта выходят за пределы деятельности экспертов, несмотря на научную значимость таких исследований.

Ракурс анализа информационных материалов, свойственный судебной психологической экспертизе, не исчерпывает многопланового содержания любого информационного материала. Соответственно, в нем присутствует значительное пространство для психологической гуманитарной экспертизы, цель которой – определение реального или потенциального влияния предметов или явлений на психическое состояние потребителей, их функционирование и развитие [6]. Информационные материалы занимают немалое, хотя и не центральное место среди тех объектов, на которые могут быть направлены психологические гуманитарные исследования, также анализ информационных материалов не исчерпывает задач психологической судебной экспертизы. Соотношение двух видов психологической практики с позиций исследования информационной продукции, таким образом, графически можно представить как частично пересекающиеся множества (см. рис. 1).

Рис. 1. Психологический анализ информационных материалов в контексте психологической судебной экспертизы и психологической гуманитарной экспертизы

Внесудебный анализ информационных материалов может как осуществляться в рамках гуманитарной экспертизы, так и представлять собой часть научного исследования. Различия между экспертным и научным исследованием подробно описаны нами ранее [7], здесь ограничимся основными положениями: цель психологической экспертизы (в том числе гуманитарной) ставится перед исследователем внешним заказчиком

(государственными структурами или общественными организациями); экспертное исследование (в случае гуманитарной экспертизы) нацелено на анализ будущей реальности, притом что научное исследование имеет дело с состоянием объекта на данный момент или на непродолжительный период данного исследования; экспертиза призвана получать не научный, а прикладной продукт. Наконец, эксперта, проводящего в том числе и гуманитарную экспертизу, в большинстве случаев интересуют те свойства информационного материала, которые обладают неким вредоносным потенциалом: в случае гуманитарной экспертизы негативно влияют на психическое состояние или психологическое развитие потребителей.

С другой стороны, методология анализа информационных материалов в рамках психологической гуманитарной экспертизы существенно отличается от таковой в случае психологической судебной экспертизы. Именно психологические характеристики потребителей играют значительную роль в определении гуманистичности продукта, создаваемого автором, тогда как психика автора не входит в область гуманитарного анализа. Наиболее существенен данный аспект анализа информационных материалов в том случае, когда гуманитарная экспертиза направлена на получение материала для последующей разработки средств защиты потребителей (прежде всего несовершеннолетних) от вредоносной информации, которая не исчерпывается уголовно наказуемым контентом и включает материал, потенциально опасный для физического, психического, духовного, нравственного развития [8]. Учет психологических характеристик адресата (потребителя) гуманитарного продукта важен еще и потому, что он (продукт), как правило, подразумевает определенную целевую аудиторию. Эта аудитория в некоторых случаях может быть максимально размытой, но чаще является более или менее отчетливой. Например, учебное пособие по какому-либо предмету, внедряемое в некой школе, ориентировано на определенную группу обучающихся, выделенных либо по возрастному признаку, либо в связи с обучением по конкретной программе. Следовательно, предметом изучения выступает не деятельность автора (как в психологической судебной экспертизе), а деятельность потребителя, которому адресован продукт. Используя понятие «деятельность» в данном контексте, мы отдаем себе отчет, что с точки зрения методологии анализу может подлежать не только деятельность как таковая, но и коммуникативная составляющая публикации материала, о которой шла речь выше.

Возвращаясь к анализу деятельности, релевантным задачам психологической гуманитарной экспертизы, следует, по-видимому, учитывать, что это деятельность познавательная. Познание при усвоении информационного материала выступает во всех своих ипостасях – от восприятия до мышления. В частности, немало психологических исследований посвя-

щено пониманию потребителями информационных продуктов, например художественных текстов [9], рекламы [10, 11], научных текстов [12].

Реализация коммуникативной функции информационных материалов предполагает функционирование различных психологических механизмов. Степень их изученности в настоящее время весьма невелика. Исключение представляют собой исследования средств воздействия, применяемых транслятором информации [13], то есть внимание исследователей вновь фокусируется на авторе, лишь косвенно касаясь адресата. В качестве одного из малоизученных процессов, функционирующих в информационном пространстве, выступает идентификация потребителя с персонажем информационного материала, который в большинстве случаев имеется или подразумевается. В литературных произведениях, фильмах, клипах персонажи присутствуют безусловно, но также они так или иначе презентуются в рекламах, демотиваторах, постах, комментариях. Именно отождествление адресата с автором, публикатором или персонажем информационного материала обеспечивает его коммуникативную функцию. Последняя, в свою очередь, способствует усвоению материала и формированию у потребителя тех мотивационных структур, которые предполагались автором или публикатором. С практической точки зрения важно, при каких условиях потребители рассматривают персонаж в качестве лица, чьи установки и мировоззренческие компоненты конгруэнтны таковым у самого потребителя, а следовательно, способны оказать на него влияние. Значим тот факт, что возможна идентификация с отрицательными персонажами (в тех случаях, когда информационный материал предоставляет выбор) [14]. Исследования процессов идентификации, предпринимаемые искусствоведами, закономерно оставляют в стороне психологическую феноменологию, сосредоточиваясь главным образом на особенностях создания художественного произведения, которые позволяют читателю или зрителю найти в потребляемом продукте фигуру, привлекательную для идентификации.

Идентификационные процессы объединяют в себе когнитивную, эмоциональную и поведенческую стороны функционирования психики потребителя. В то же время возможным механизмом восприятия информационной продукции может являться процесс с преобладанием эмоционального компонента. Это наиболее вероятно в тех случаях, когда содержание информационного материала включает в себя исключительно визуальную часть или когда, помимо изображения, в материале присутствует вербальный мем, слоган или призыв. Типичным примером такого рода материала являются демотиваторы. Однако нельзя утверждать, что преобладание в материале визуального ряда неизбежно сопряжено с эмоциональным характером восприятия. В нашем исследовании, посвященном восприятию и оценке демотиваторов разных типов двумя возрастными группами ис-

пытуемых, мы обнаружили, что приоритет эмоциональной оценки в большей степени свойственен людям старшей возрастной группе (38–55 лет), в то время как молодые испытуемые (18–27 лет) чаще учитывают при восприятии и оценке стимульного материала как эмоциональный, так и когнитивный каналы обработки информации [15].

Критерии оценки тех или иных свойств информационного материала (его гуманистичности или вредоносности) не абсолютны и не универсальны применительно ко всем аудиториям адресатов, что существенно затрудняет их разработку, точнее, препятствует ее однозначному решению. Критерии наличия или отсутствия в информационном материале экстремистских или иных юридически важных значений сформулированы в терминах психологической науки [5], но гуманитарная экспертиза информационных материалов лишена соответствующего инструментария. В Федеральном Законе «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» соответствующие критерии дифференцированы по возрасту, однако их формулировки, в соответствии с законотворческими традициями, во-первых, максимально обобщены, во-вторых, далеки от собственно психологических реалий. Несмотря на это, они могут послужить основой для последующей конкретизации и операционализации.

Ссылки

1. Секераж Т. Н. Психологическое исследование информационных материалов: становление нового вида судебной психологической экспертизы и новой экспертной специальности // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14, № 1. С. 35–43.
2. Секераж Т. Н., Кузнецов В. О. Комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза: формы, виды, перспективы развития // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. 4(44). С. 98–107.
3. Боков М. Б. Коммуникативная функция СМИ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 5 (93). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-funktsiya-smi/viewer> (дата обращения: 26.05.2021).
4. Шевцова Н. В. Коммуникативная функция буктрейлеров к произведениям классической литературы // Челябинский гуманитарий. 2012. № 3 (20). С. 68–74.
5. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
6. Леонтьев Д. А., Иванченко Г. В. Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл. М.: Смысл, 2008. 84 с.
7. Конева Е. В. Экспертиза деятельности и деятельность эксперта // ЧФ: Человеческий фактор: Социальный психолог. Ярославль, 2019. С. 267–277.

8. Романова Е. С., Макшанцева Л. В. К постановке проблемы психологической экспертизы негативного влияния информационной продукции на подростков: теоретический аспект // Системная психология и социология. 2017. № 3. С. 24–33. URL: http://systempsychology.ru/journal/2017_23/445-e-s-romanova-l-v-makshanceva-k-postanovke-problemy (дата обращения: 01.12.2020).

9. Мосунова Л. А. Структура и развитие смыслового понимания художественных текстов. 2006. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30490424_14931161.pdf (дата обращения: 02.07.2021).

10. Сергиенко Е. А., Таланова Н. Н., Лебедева Е. И. Телевизионная реклама и дети / Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт психологии РАН», 2013. URL: <https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=YC7XC5> (дата обращения: 24.06.2021).

11. Репина В. А. Понимание рекламы лекарственных препаратов продавцами рекламы и покупателями лекарств // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2010. Т. 16, № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-reklamy> (дата обращения: 21.06.2021).

12. Липовая О. А. Особенности понимания учебных текстов по психологии // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ponimaniya-uchebnyh-tekstov-posihologii> (дата обращения: 05.07.2021).

13. Степнова Л. А. Психологическая экспертиза информации, пропагандирующей подростковый суицид // Развитие профессионализма. 2016. № 1. С. 222–223. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28886907_27959573.pdf (дата обращения: 17.06.2021).

14. Коробова С. Ю., Грязева-Добшинская В. Г., Аскерова А. Т. Особенности идентификации с персонажами культового фильма в контексте проблем социальной идентичности зрителей // Психология. Психофизиология. 2018. Т. 11, № 3. С. 24–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-identifikatsii> (дата обращения: 01.12.2020).

15. Конева Е. В., Процевская В. Н. Восприятие интернет-контента в зависимости от возраста // Новое слово в науке: стратегии развития. 2020. № 1. С. 68–70. URL: <https://interactive-plus.ru/e-articles/738/Action738-553048.pdf> (дата обращения: 17.06.2021).

Methodological approach to assessing the productivity of scientific activity of higher school teachers

V. V. Spasennikov¹

¹Bryansk State Technical University, 7 50 let Oktyabrya Boulevard, Bryans, 241035, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-128-137

Research article
Full text in Russian

An integral criterion for evaluating the scientific effectiveness and publication activity of scientists on domestic and international scientometric databases is proposed. The developed criterion was tested in the process of evaluating the scientific activities of teachers of the Faculty of Industrial and Digital Economics and the Faculty of Information Technologies of the Bryansk State Technical University. Examples of calculating the developed integral criterion based on a set of such scientometric indicators as the number of publications, the number of citations, the average number of citations per publication, the number of articles according to the lists of the Higher Attestation Commission, Web of Science and Scopus are given. Conclusions are drawn on the objectification of scientometric indicators for evaluating the publication activity of teachers and researchers and prospects for further research are outlined.

Keywords: scientific activity; publication activity productivity; efficiency; scientometric indicators; citation of articles; rating of teachers

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Spasennikov, Valery V. | E-mail: spas1956@mail.ru
| Doc. Sc. (Psychology), Professor

Методический подход к оценке продуктивности научной деятельности преподавателей высшей школы

В. В. Спасенников¹

¹Брянский государственный технический университет, Бульвар 50 лет Октября, 7, Брянск, 241035, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-128-137
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Предложен интегральный критерий для оценки научной результативности и публи-кационной активности учёных по отечественной и международным наукометрическим ба-зам данных. Разработанный критерий апробирован в процессе оценки научной деятельности преподавателей факультета отраслевой и цифровой экономики и факультета информацион-ных технологий Брянского государственного технического университета. Приведены при-меры вычисления разработанного интегрального критерия по со-вокупности таких науко-метрических показателей, как количество публи-каций, количество цитирований, среднее число цитирований на одну публи-кацию, количество статей по спискам ВАК, Web of Science и Scopus. Сделаны выводы по объективизации наукометрических показателей оцен-ки публи-кационной активности преподавателей и научных сотрудников и намечены пер-спективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: научная деятельность; публикационная активность; продуктивность; результативность; наукометрические показатели; цитируемость статей; рейтинг преподавателей

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Спасенников, Валерий Валентинович | E-mail: spas1956@mail.ru
| Доктор психологических наук, профессор

Постановка проблемы

Одной из дискуссионных проблем была и остается проблема объек-тивной оценки научно-исследовательской деятельности преподавателей и научных сотрудников. Как показано в широком ряде отечественных и за-рубежных исследований, управление научной политикой на всех уровнях

её рассмотрения осуществляется на основе исследования наукометрических показателей международных наукометрических баз данных Web of Science и Scopus, а также российской базы данных РИНЦ [1–9].

На основе этих и других исследований Министерством образования и науки РФ были предложены критерии индивидуальных показателей результативности научной деятельности как преподавателей вузов, так и научных сотрудников академических организаций. Данная методика имеет ряд недостатков, основной из которых связан с тем, что в неё включены не только показатели научной, но и учебно-методической работы. Настоящая статья направлена на устранение указанного недостатка и разработку и апробацию методики, которая включает наукометрические показатели публикационной активности, связанные только с научной деятельностью.

1. Разработка методики оценки научной деятельности преподавателей с использованием показателя публикационной активности

Как показал А. В. Гринев в работе [10], Приказ Министерства образования и науки РФ от 13.11.2006 № 273/745/68 был первой попыткой на государственном уровне регламентировать и стимулировать работу учёных с использованием следующих показателей научной деятельности преподавателей и научных сотрудников:

$$Y = a_1 \cdot x_1 + a_2 \cdot x_2 + a_3 \cdot x_3 + a_4 \cdot x_4 + a_5 \cdot x_5 + a_6 \cdot x_6 + a_7 \cdot x_7 + C \quad , \quad (1)$$

где

Y — индивидуальные показатели результативности научной деятельности учёных (ИПРНД)

X_1 — публикации в журналах;

X_2 — наличие монографий;

X_3 — наличие учебников;

X_4 — доклады на конференциях;

X_5 — научно-образовательные курсы;

X_6 — наличие патентов;

X_7 — научное руководство;

C — количество ссылок на работы автора за отчётный период;

$a_1, a_2, a_3, a_4, a_5, a_6, a_7$ — весовые коэффициенты.

В работах [3, 11, 12] показано, что написание учебников, разработка научно-образовательных курсов, научное руководство выпускными работами входит в учебно-методическую работу, их учет в качестве индикаторов продуктивности научной деятельности осуществлять нецелесообразно.

Ещё одной нерешенной проблемой является установление количественных значений весовых коэффициентов, которое требует учета специ-

фики научных специальностей (гуманитарных, естественно-научных, технических) [4, 13, 14, 15].

По мнению как отечественных, так и зарубежных исследователей индекс Хирша и его многочисленные модификации также не являются объективными показателями научной значимости, продуктивности и результативности деятельности преподавателей и научных сотрудников [7, 16, 17, 18, 19].

Концептуально показатели результативности научной деятельности учёных должны учитывать не только количественные, но и качественные показатели; вместе с тем они не должны быть управляемыми. Для этой цели на основе эмпирических данных РИНЦ нами предложено корреляционно-регрессионное уравнение, которое имеет следующий вид:

$$R_i = \sum_{i=1}^n a_1 \cdot x_1 + a_2 \cdot x_2 + a_3 \cdot x_3 + a_4 \cdot x_4 = 0,08 \cdot x_1 + 0,02 \cdot x_2 + 0,3 \cdot x_3 + 0,6 \cdot x_4, \quad (2)$$

где

R_i — рейтинг учёного с использованием наукометрических баз данных;

X_1 — количество публикаций по данным наукометрической базы РИНЦ;

X_2 — количество цитирований по данным РИНЦ без учёта самоцитирований;

X_3 — количество статей по списку ВАК РФ;

X_4 — количество статей из наукометрических баз данных Scopus и Web of Science;

a_1, a_2, a_3, a_4 — соответствующие весовые коэффициенты.

По нашему мнению, данный подход нивелирует отдельные недостатки h-индекса и его различных модификаций, так как позволяет учитывать активность ученых в динамике различных периодов их публикационной активности на основе интегрального критерия, учитывающего количество публикаций и цитируемость авторов как по отечественной (РИНЦ), так и по зарубежным (Web of Science и Scopus) наукометрическим базам данных.

2. Разработка методики студенческой оценки преподавательской деятельности

В наших исследованиях для анализа научной активности субъектов научной деятельности вычисляется такой показатель, как среднее число цитирований автора публикаций (\bar{N}):

$$\bar{N} = \frac{N_{ц}(\text{число цитирований})}{N_{п}(\text{число публикаций})} \quad (3)$$

В таблице 1 приведены данные по 10 ведущим преподавателям факультета отраслевой и цифровой экономики – ЦОФЭ (данные РИНЦ на 01.09.2021 г.).

В таблице 1 отражены как индивидуальные показатели научной деятельности, отражающие рейтинг топ-10 преподавателей ФОЦЭ, так и интегральные показатели, включающие суммарную продуктивность (результативность) R_i научной деятельности факультета в целом, которая определялась на основе уравнения (2):

$$R_{\text{ФОЦЭ}} = 2184 \cdot 0,8 + 16124 \cdot 0,2 + 454 \cdot 3 + 120 \cdot 6 = 70,54.$$

Таблица 1

Наукометрические показатели преподавателей факультета отраслевой и цифровой экономики (топ-10)

№ пп	Преподаватель (инициалы)	Кол-во публикаций	Кол-во цитирований	Кол-во статей		\bar{N} ср. цитир.	Ri результ.
				ВАК	WoS, Scopus		
1	ДЕА	283	1919	49	12	9,8	82,9
2	СВВ	233	1739	51	16	6,8	81,6
3	ОМВ	146	973	50	6	6,7	59,8
4	ПНВ	190	1393	40	7	7,3	59,3
5	ДЭС	116	1423	18	7	12,3	45,2
6	ЕВВ	147	685	16	5	1,7	41,9
7	ДВС	186	327	38	16	4,6	33,3
8	ДОВ	97	349	30	7	5,0	29,7
9	ЕДВ	110	551	33	0	3,8	27,9
10	ПНВ	70	842	7	2	7,5	21,6
Итого по ФОЦЭ		2184	16124	454	120	7,4	70,54

По сравнению с показателями двухлетней давности [11, с. 190] за 2 года опубликовано более 400 статей, при этом в среднем каждый преподаватель написал две статьи в журналы списка ВАК РФ и 0,5 статьи в журналы Web of Science и или Scopus; возросла цитируемость статей экономистов в среднем на одну публикацию, в то же время наиболее часто цитируются труды ДЭС, основателя научной школы БГТУ по философским проблемам биотехносферы.

Результативность научной деятельности преподавателей и сотрудников ФИТ в соответствии с разработанной формулой (2) равна:

$$R_{\text{ФИТ}} = 1508 \cdot 0,8 + 7122 \cdot 0,2 + 554 \cdot 3 + 156 \cdot 6 = 52,28.$$

По сравнению с показателями двухлетней давности темпы публикационной активности на факультете снизились [12]. Несомненным лидером ФИТ по числу публикаций ВАК, Web of Science и Scopus является АВИ, имеющий целый ряд значимых научных трудов в сфере управления организационными системами (специальность 2.3.4 по новому номенклатурному перечню ВАК РФ).

С позиции управления научно-исследовательской деятельностью в процессе формирования диссертационного совета по специальности 2.3.4 «Управление в организационных системах» на базе ФИТ и ФОЦЭ негативной тенденцией является слабая активность в опубликовании статей, включённых в наукометрические базы Web of Science и Scopus [17].

Таблица 2

Наукометрические показатели преподавателей факультета информационных технологий – ФИТ (топ-10)

№ пп	Преподаватель (инициалы)	Кол-во публикаций	Кол-во цитирований	Кол-во статей		\bar{N} ср. цитир.	Ri результат.
				ВАК	WoS, Scopus		
1	АВИ	374	2581	130	24	6,9	134,9
2	ЕВТ	208	1043	116	16	5,1	89,1
3	РМЮ	254	591	86	10	2,3	63,9
4	ААВ	174	753	65	16	4,3	53,1
5	ЗМВ	89	629	40	20	7,1	49,2
6	ПАГ	123	716	29	19	5,8	44,2
7	СВХ	43	193	36	28	4,5	35,1
8	ГТМ	127	235	22	11	1,8	28,1
9	ТМВ	80	219	21	2	2,7	18,2
10	ИРА	36	162	9	10	3,9	14,8
Итого по ФИТ		1508	7122	554	156	4,7	52,28

Сравнительный анализ данных, приведённых в таблицах 1 и 2, показывает, что ФОЦЭ превосходит ФИТ по количеству публикаций в отечественных журналах и по числу цитирований, однако топ-10 преподавателей ФИТ превосходит топ-10 преподавателей ФОЦЭ по количеству статей в международных базах Web of Science и Scopus. При этом в дальнейших исследованиях необходимо осуществить сравнительный анализ рейтингов журналов из отечественных и международных баз данных, в которых опубликованы статьи, для корректировки весовых коэффициентов при вычислении интегрального критерия Ri.

Обсуждение результатов и выводы

1. Положительной стороной разработанного интегрального критерия научной результативности (рейтинга) оценки деятельности преподавателей и факультетов является возможность анализа динамики учёта наукометрических показателей в различных отраслях научного знания. При этом актуальной проблемой перспективных исследований является необходимость разработки наукометрического инструментария, позволяющего учитывать наиболее значимые изобретения, программные продукты и высокоцитируемые публикации с учётом личного вклада автора.

2. Более объективными показателями публикационной активности ученых по сравнению с h-индексом и его модификациями являются интегральные рейтинговые показатели, включающие не только количество публикаций в отечественных и международных наукометрических базах данных, но и количество цитирований статей авторов без учёта самоцитирований.

3. Анализ рейтинга ведущих преподавателей БГТУ показал возможность дифференциальной оценки как по частному, так и по интегральному показателю на основе предложенного корреляционно-регрессионного уравнения, полученного эмпирическим путём. Показано, что научная продуктивность топ-10 преподавателей ФОЦЭ и цитируемость их работ выше, чем публикационная активность и цитируемость топ-10 преподавателей факультета информационных технологий. Для корректировки эмпирически получаемых весовых коэффициентов при вычислении интегрального показателя научной результативности необходимо разработать технологии учёта рейтингов журналов по международным базам данных.

4. Необходимо обосновать показатели оценки результатов научной деятельности на основе обсуждения данного вопроса в научной печати, Internet и СМИ. Актуальной проблемой является необходимость запрета на внедрение модели управления оценкой воспроизводства знаний с учётом h-индекса Хирша и других вызывающих сомнение библиометрических показателей.

5. На уровне государственной финансовой поддержки научной деятельности целесообразно расширить сеть высокорейтинговых отечественных журналов, которые отвечают требованиям международных баз Scopus и Web of Science.

Следует отметить, что количество публикаций, реферируемых в международных базах данных, не должно использоваться как основной наукометрический показатель для оценки результатов работы российской научной организации, поскольку российские публикации слабо представлены в зарубежных базах данных; этот показатель не позволяет составить объективную картину публикационной активности научных учреждений [12].

Формирование национального индекса цитирования целесообразно осуществлять путем отбора периодических изданий и отдельных публикаций по более строгим критериям, которые обеспечили бы качество представленных в базе материалов, включая такие объекты интеллектуальной собственности, как патенты на изобретения, авторские свидетельства, программные продукты и базы данных, что сделает их оценку по наукометрическим показателям более объективной.

Главной целью системы оценки результатов научной деятельности должен стать поиск пути содействия развитию вузов и академических институтов, создание базы для принятия эффективных управленческих решений в сфере науки, что позволит повысить уровень изданий и добиться существенного повышения публикационной активности ученых с учетом научной значимости и мировой новизны их исследований.

Ссылки

1. Арутюнов В. В. Сравнительный анализ результативности и востребованности итогов научной деятельности российских учёных по актуальным направлениям в области информационной безопасности // Вестник РГТУ. Серия «Информатика. Информационная безопасность. Математика». 2020. № 4. С. 31–45.
2. Валеева М. В. Видимость научных результатов Green Open Access в институциональных репозиториях // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2, № 2. С. 117–128.
3. Касьянов П. Е. Современные методы патентной аналитики как инструмент оценки и управления инновационной деятельностью // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1, № 2. С. 132–144.
4. Михайлов О. В. Критерии и параметры объективной оценки качества научной деятельности // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81, № 7. С. 622–625.
5. Семёнов Е. В. Производство показателей как механизм подавления производства знаний, технологий и компетенций // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2, № 1. С. 69–93.
6. Спасенников В. В. Сравнительный анализ публикационной активности отечественных психологов и эргономистов с использованием показателей цитируемости // Эргодизайн. 2021. № 4(14). С. 233–244.
7. Чеботарёв П. Е. Наукометрия: как с её помощью лечить, а не калечить? // Управление большими системами. 2013. № 44. С. 14–31.
8. Bornmann L., Mutz R., Daniel H. Are there better indices for evaluation purposes than the h-index? A comparison of nine different variants of the h-index using data from biomedicine // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2008. V. 59, No. 5. P. 830–837.

9. Hirsch J. E. An Index to Qualify an Individual's Scientific Research Output // *Proceedings of National Academy of Sciences of the USA*. 2005. Vol. 102, Issue 46. P. 569–572.
10. Гринёв А. В. Использование наукометрических показателей при оценке публикационной активности в современной России // *Вестник Российской академии наук*. 2019. Т. 89, № 10. С. 993–1002.
11. Малюкина А. Ю. Нормирование и определение учебной нагрузки преподавателей как способ оптимизации расчёта заработной платы ППС // *Автоматизация и моделирование в проектировании и управлении*. 2019. № 03(05). С. 36–40.
12. Молчанова Н. В., Сканцев В. М., Спасенников В. В. Дискуссионные вопросы оценки эффективности научной деятельности с использованием индексов цитирования: (обзор отечественных и зарубежных публикаций) // *Эргодизайн*. 2019. № 4(6). С. 186–195.
13. Кесенних А. В. Уроки применения наукометрических систем // *Управление наукой: теория и практика*. 2020. Т. 2, № 3. С. 181–195.
14. Спасенников В. В., Андросов К. Ю. Наукометрические индикаторы и особенности оценки эффективности научной деятельности ученых с использованием индексов цитирования: (обзор отечественных и зарубежных исследований) // *Эргодизайн*. 2021. № 3(13). С. 219–232.
15. Фейгельман М. В., Цирлина Г. А. Библиометрический азарт как следствие отсутствия научной экспертизы // *Управление большими системами*. 2013. № 44. С. 332–345.
16. Киричек А. В., Морозова А. В., Спасенников В. В. Рецензирование как процедура экспертного оценивания качества научных статей // *Эргодизайн*. 2018. № 2(2). С. 3–7.
17. Пахомов С. И., Гуртов В. А., Пенние И. В. Управление количественным и качественным составом сети диссертационных советов на основе рейтинговых систем // *Университетское управление: практика и анализ*. 2013. № 1 (83). С. 51–59.
18. Штовба С. Д., Штовба Е. В. Обзор наукометрических показателей для оценки публикационной деятельности учёного // *Управление большими системами*. 2013. № 44. С. 262–278.
19. Egghe L. Theory and practice of the g-index // *Scientometrics*. 2006. V. 69, No. 1. P. 131–152.
8. Алехин А. Н., Данилова Ю. Ю., Щелкова О. Ю. Особенности психологических реакций в ситуации эпидемической угрозы, транслируемой СМИ // *Психология человека в образовании*. 2020. Т. 2, №. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-psihologicheskikh-reaktsiy-v-situatsii-epidemicheskoy-ugrozy-transliruemoj-smi> (дата обращения: 20.09.2021).

9. Ненашева А. В. Недоверие к источникам информации в период пандемии // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2020. Т. 11, №. 3. С. 168–173. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44216486> (дата обращения: 06.09.2021).
10. Jaiswal J., LoSchiavo C., Perlman D. C. Disinformation, misinformation and inequality-driven mistrust in the time of COVID-19: lessons unlearned from AIDS denialism // AIDS and Behavior. 2020. Т. 24. С. 2776–2780. DOI: 10.1007/s10461-020-02925-y
11. Холмогорова А. Б. Переживание коллективной травмы пандемии: попытка осмысления // Психологическая газета. URL: <https://psy.su/feed/8912/> (дата обращения: 04.08.2021).
12. Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года / Е. И. Первичко, О. В. Митина, О. Б. Степанова [и др.] [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9, No 2. С. 119–146. DOI: 10.17759/cpse.2020090206
13. Давыдов С. Г. Двенадцать статей о девятнадцатом ковиде: первая волна исследований медиа и коммуникаций в условиях пандемии // Мониторинг. 2020. № 6 (160). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvenadtsat-statey-o-devyatnadtsatom-kovide-pervaya-volna-issledovaniy-media-i-kommunikatsiy-v-usloviyah-pandemii> (дата обращения: 20.09.2021).

The concept of time as a factor of regulation of social behavior of an individual

S. A. Trifonova¹, O. N. Sakovskaya¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-138-147

Research article
Full text in Russian

The article considers the factor of time perception as a factor of social, cultural regulation and self-regulation of human behavior. The article describes the monochronic and polychronic perception of time, which affect cross-cultural communication and the formation of a monochronic and polychronic personality. Time is considered as a personal, existential category of a person's life. The definition of a situation that helps to perceive a certain period of time, while connecting the past and the present, the present and the future, is given. The results of the study of the perception of time as a factor of motivation and self-regulation of the individual at different ages are presented.

Keywords: the concept of time; polychronic and monochronic perception of time; life path; situation; self-regulation of the individual

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Trifonova, Svetlana A. | E-mail: sv-trif@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Sakovskaya, Olga N. | E-mail: orisona@gmail.com
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Представление о времени как фактор регуляции социального поведения личности

С. А. Трифонова¹, О. Н. Саковская¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-138-147
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается фактор восприятия времени как фактор социальной, культурной регуляции и саморегуляции поведения человека. Дается характеристика монохронного и полихронного восприятия времени, влияющего на межкультурную коммуникацию и формирование монохронной и полихронной личности. Время рассматривается как личная, экзистенциальная категория жизни человека. Дается определение ситуации, которая помогает воспринять определенный отрезок времени, соединяющий при этом прошлое и настоящее, настоящее и будущее. Приводятся результаты исследования восприятия времени как фактора мотивации и саморегуляции личности в разном возрасте.

Ключевые слова: представление о времени; полихронное и монохронное восприятие времени; жизненный путь; ситуация; саморегуляция личности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Трифопова, Светлана Алексеевна	E-mail: sv-trif@mail.ru Кандидат психологических наук, доцент
Саковская, Ольга Николаевна	E-mail: orisona@gmail.com Кандидат психологических наук, доцент

Как природный организм, человек подчинен закономерностям биологического времени. Однако решающую роль в формировании отношения человека как личности ко времени принадлежит социальным детерминантам: структуре и содержанию времени человеческой истории и конкретного общества, времени социальных групп и слоев, в которые включена личность.

Описывая принципы исследования больших групп и, в частности, структуру психологии больших организованных групп, Г. М. Андреева отмечает, что, поскольку группы существуют на протяжении длительного периода

© Трифонова С. А., Саковская О. Н., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

времени, необходимо учитывать две характеристики времени: синхронию (анализ процессов, протекающих в одно и то же время) и диахронию (анализ процессов в их временной протяженности, т. к. «именно в этом сечении возможно проследить трансляцию признаков группы от поколения к поколению» [1, с. 149].

Индивидуальный жизненный опыт каждого человека пронизан историческими событиями, значимыми для всех людей, живущих в тот или иной период времени. Он соприкасается с опытом различных поколений при их непосредственном взаимодействии и вызывает определенный резонанс. «Сильная связь или зависимость друг от друга представителей разных поколений может делать их более жизнестойкими и, наоборот, уязвимыми, беспомощными, неспособными противостоять стрессу; может как усиливать, так и ослаблять индивидуальную систему ресурсов человека. С одной стороны, связь между поколениями необходима для нормального функционирования и развития общества, так как является важным социально-психологическим фактором его интеграции. С другой стороны, прогрессивное развитие общества невозможно без отказа или замены «старого» на «новое». Нередко необходимое «новое» (не имеет принципиального значения, в какой сфере) настолько существенно отличается от «прежнего», что происходит резкий разрыв между поколениями, что может привести к кризисным явлениям, как, например, это происходит в современной российской семье» [2]. В предисловии к своей знаменитой работе «Синдром предков» А. А. Шутценбергер, основатель нового направления в семейной психотерапии – психогенеалогии, методом которой является трансгенерационная психогенеалогическая контекстуальная терапия, пишет, что «мы продолжаем цепочку поколений и оплачиваем долги прошлого, и так до тех пор, пока “грифельная доска” не станет чистой. “Невидимая лояльность” независимо от нашего желания, независимо от нашего осознания подталкивает нас к повторению приятного опыта или травмирующих событий, или несправедливой и даже трагической смерти, или к ее отголоскам» [3, с. 11].

Каждой культуре присуща своя система использования времени, что чрезвычайно важно для кросс-культурной коммуникации. Так, например, мы строим наши коммерческие структуры на основе времени, соотношенного с ценностями: повременной оплатой, кредитом, процентным доходом, страховыми взносами. Американцы и европейцы уверены, что они приблизились к оптимальной модели отношения ко времени как линейному вектору, но многие культуры (например, страны с огромным экономическим потенциалом, такие как Китай, Япония) лишь в некоторой степени ведут себя, исходя из линейно ориентированного представления о времени, предпочитая представления о его цикличности. Индустриальная организация требует определенного уровня синхронизации планов

и целей, но отношение ко времени и к тому, как это время следует тратить, могут оставаться глубоко различными [4].

В теории высоко- и низкоконтекстуальных культур Э. Холла (1983), в зависимости от способа использования времени, культуры делятся на два противоположных вида: монохронные и полихронные. По сути, все культуры в межличностном общении используют некие невысказанные, скрытые правила, которые важны для понимания происходящих событий и межличностного поведения. Культуры различаются своим «чтением контекста», использованием скрытой информации, которую заключает в себе каждая ситуация [5].

Монохронное использование времени означает, что действия осуществляются последовательно, одно за другим, в течение определенного времени, то есть время – это прямолинейный путь, который ведет из прошлого в будущее. Монохронное время разделяется на отрезки, т. е. все тщательно планируется для того, чтобы человек мог в любой отрезок времени сконцентрироваться на чем-либо. Представители монохронных культур приписывают времени вещественную стоимость, и оно часто измеряется деньгами: его можно потратить, сэкономить, потерять, наверстать, ускорить. Тем самым оно становится системой, с помощью которой поддерживается порядок в организации человеческой жизни.

Полихронное восприятие времени приводит к вовлеченности в несколько дел одновременно. В культурах полихронного типа большую роль играют межличностные, человеческие отношения, а общение с человеком рассматривается как более важное действие, чем принятый план действий. Поэтому представители полихронных культур более динамичны в обращении со временем. Пунктуальности и распорядку дня в этих культурах не придается большого значения. Таким образом, восприятие времени существенным образом влияет на различные аспекты поведения, формируются монохронные и полихронные типы личности.

Понимание времени как движения космоса относительно нашего пространства сместилось к пониманию времени как движению нашей души относительно нашего внутреннего психологического пространства, которое является нашим главным измерителем времени и пространства. Поэтому важное значение имеет также собственное время личности, в котором под воздействием указанных культурно-исторических факторов и индивидуальных особенностей жизненного пути образуется сложная взаимосвязь событий прошлого, настоящего и будущего. Собственное время личности интегрирует в себе как объективные временные отношения, так и субъективное отражение этих отношений в процессе восприятия изменений, оценки деятельности и последовательности событий, переживания отдельных свойств времени, формирование целостного отношения личности ко времени ее жизни.

Время как ценность – это человеческая конструкция, позволяющая эффективно распределять свою жизнь и деятельность. Время личности может умножаться, что связано с жизненным опытом, с развитием способностей и умений, повышающих скорость осуществления деятельности, с развитием особой способности к личностной организации времени жизни [6].

В психологии жизненного пути личности можно определять время через события (прошлые, настоящие, будущие) [7]. Объективные ситуации жизни, преломляясь через призму жизненных смыслов, преобразуются личностью в события жизни. Событием называют явление или действие, имеющее как психическую (ментальную, душевную) природу, так и природно-материальную основу (поступок, общественно-исторический факт). В этой логике событием можно считать «переживание» [8]. Значимое событие – отрефлексированное, сохранившееся в памяти и наделённое «насыщенным описанием» действие или случай, которые совершались, происходили (или созерцались как происходящие) на определённом отрезке пространства и времени жизни субъекта, в особенности если с ними было связано что-то важное для него [9].

Адекватное понимание человеком жизненной ситуации предполагает формирование представления о динамике развития этого фрагмента действительности – какие события ей предшествовали и что будет дальше, т. е. включение этой ситуации в определенный временной контекст (большой – от нескольких часов до нескольких дней и даже лет или меньший – здесь и сейчас). С другой стороны, различные компоненты ситуации могут рассматриваться в различных по величине временных отрезках. «В силу субъективности ситуации, она может затрагивать взаимодействие с человеком, находящимся сейчас перед нами, но также и с кем-то в прошлом или ожидаемом будущем и в каком-то ином месте» [10]. Результаты наших исследований [11] показывают, что на менее значимые компоненты ситуации «распространяется» меньший отрезок времени и они анализируются «здесь и сейчас». Значимые или главные ее элементы испытуемые пытаются описать как можно подробнее и включают их в больший интервал времени.

Таким образом, ситуация помогает воспринять определенный отрезок времени, соединяя при этом прошлое и настоящее, настоящее и будущее. Поэтому, несмотря на непрерывно меняющийся поток стимулов окружающего мира, его отражение имеет некоторую протяженность, субъективно как бы останавливая течение времени. Ситуация помогает «получить» настоящее, несмотря на то что настоящее представляет собой находящуюся в постоянном движении границу между прошлым (которого уже нет) и будущим (которого еще нет).

Наконец, ситуация – это и определение себя по отношению к этой ситуации в смысле выражения эмоционального и личностного отношения к происходящему. Таким образом, процесс личностного смыслообразования при-

водит к определенному, внутренне непротиворечивому преобразованию субъективных и объективных аспектов ситуации в единое целое. П. Е. Калинин отмечает, что «наиболее актуальным и перспективным направлением в данном контексте является стремление понять время из человека, <...> чтобы сам человек предстал как временно расположенное в бытии существе» [12 с.28].

Время — личная, экзистенциальная категория жизни любого человека. Осознавание клиентом «своего» времени может быть частью терапии. Как человек смотрит на время своей жизни? Как он его оценивает? В каких категориях его измеряет? В рамках психотерапии это дает возможность выйти в пространство созерцания и времени и пространства личной жизни. Временной кругозор характеризует способность человека организовывать воспоминания и предвосхищать будущее, расширяя тем самым свою временную перспективу. В. А. Петровский выделяет три вида пространств: «во мне», «вне меня» и «между нами». Все, что происходит с человеком, может происходить только в этих трех пространствах. Эти сферы так или иначе соприкасаются друг с другом, и личность существует в этих пространствах, конструируя смыслы и выстраивая события своей жизни. Эти три пространства образуют семь основных сфер (пространств) личности: 1) сфера «во мне — со мной» — сфера вневещного потенциально опыта; 2) «во мне — при мне» — сфера дорефлексивной чувственности; 3) «во мне — у меня» — сфера самопознания; 4) «мною и мне» — сфера действия; 5) «вне меня — у меня» — событийная сфера; 6) «вне меня — от меня» — сфера интроектов; 7) «вне меня — из-за меня» — персоносфера [13]. У каждого из этих семи пространств — свое время, то есть три виртуальные сферы генерируют еще семь подсфер, по которым мы «раскладываем» свой самый разный опыт: чувственный, физический — любой. Для эффективной психотерапии во времени и пространстве интерсубъективного воздействия терапевта и клиента должны быть развернуты все три пространственно-временных сферы клиента: «во мне», «вне меня» и «между нами».

Представление о времени является существенным фактором саморегуляции, мотивации и самооценки личности. Идея заключается в том, что детерминированность поведения человека прошлым или настоящим (выражающаяся в действии «потому что») лишает мотивационное стремление достаточной силы, вынуждая человека желать хотя бы сохранения достигнутого когда-то равновесия. Детерминированность будущим (действия «для того, чтобы») позволяет человеку желать того, что еще не было в его опыте, т. е. стремиться к идеалу, развитию и совершенствованию. Такое ожидание будущего («воображаемый мотив») может обеспечить усиление недостаточного побуждения для осуществления волевого действия, тогда как в первом случае влияние настоящего оказывается сильнее стремления к будущему и человеку неоткуда черпать силу воли для преодоления возникшего препятствия.

Так, в нашем небольшом пилотажном исследовании мы попытались понять, действительно ли это так, и получили довольно интересные результаты, требующие, на наш взгляд, дальнейшего осмысления. В исследовании приняли участие 72 человека, которые были разделены на 3 возрастные группы (молодежь – 18–23 года (I группа), люди зрелого возраста – 35–45 лет (II группа), люди пожилого возраста – 55–65 лет (III группа)). В основу исследования легла оригинальная проективная «Методика изучения временной саморегуляции, мотивации и самооценки личности» Е. Г. Ксенофоновой. Методическая процедура заключается в выявлении личностного смысла, который имеет для человека утверждение «Я не волшебник, я только учусь». При этом испытуемому предлагают:

1) выбрать главную, на его взгляд, половину утверждения, несущую основную смысл высказывания: «Я не волшебник» или «Я только учусь»;

2) распределить следующие высказывания на две группы – правильно или неправильно отражающие смысл основного высказывания:

- Волшебник не я
- Конечно, я волшебник, только у меня еще маловато опыта
- Я буду волшебником
- Я хочу быть волшебником
- Я учусь у волшебника
- Научиться быть волшебником невозможно
- Волшебником можно только родиться;

3) написать свой вариант толкования основ утверждения или сказать своими словами, как обследуемый понимает это высказывание.

В результате были получены следующие данные.

Во-первых, мы проанализировали выбор респондентов каждой возрастной группы одной из частей утверждения: I группа: «не волшебники» – 8 чел. (33 %), «учащиеся» – 16 чел. (66,7 %); II группа: «не волшебники» – 11 чел. (45,8 %), «учащиеся» – 13 чел. (54,2 %); III группа: «не волшебники» – 16 чел. (66,7 %), «учащиеся» – 8 чел. (33,3 %). Тем, кто делает акцент на утверждении «Я только учусь» (т. е. «учащимся»), свойственно одно или несколько таких качеств, как близость временной перспективы, уверенность в своем будущем, использование самовнушения («Чтобы быть волшебником, необходимо учиться»), спокойное разъяснение причин недостаточной удовлетворенности настоящим с верой в его улучшение, подчеркивание собственной мотивации («Я хочу учиться и стать волшебником»). Видно, что в I возрастной группе число «учащихся» вдвое преобладает над «не волшебниками». Следовательно, можно предполагать, что значительная часть представителей молодого поколения уверены в своем будущем, в своих силах, надеются в основном на себя, верят в улучшения в скором будущем и стараются делать все возможное для этого.

У представителей пожилого возраста (III группа) совершенно противоположная ситуация. Соотношение двух частей основного высказывания

вания распределилось обратным образом. В данной группе наблюдается явное преобладание «не волшебников», для которых характерны такие особенности, как отдаленность или нереальность перспектив, отрицание даже возможности определенного будущего (уверенность в его невозможности), отказ от собственной мотивации, от каких-либо дерзаний («Не каждому суждено быть волшебником»), использование отстраненных от себя и своей мотивации рассуждений («Каждый человек есть волшебник») и т. п.

В группе людей среднего возраста распределение категорий произошло следующим образом: респонденты разделились практически на две равные группы; среди них оказалось чуть больше «учащихся» (54,2 %) и чуть меньше половины «не волшебников» (45,8 %).

Таким образом, видно, как с возрастом уменьшается уверенность в будущем и преобладание собственной мотивации, снижается надежда на перемены, на изменения в лучшую сторону.

Во-вторых, нами были получены варианты предложений, правильно отражающих смысл высказывания «Я не волшебник, я только учусь», а также искажающих его смысл. Эти данные дают дополнительную, более глубокую, информацию. Так, согласие с первым, достаточно категоричным, по мнению Е. Г. Ксенофоновой, утверждением («Волшебник не я») может говорить о том, что в каких-то сферах своей жизни человек «поставил крест», и не только на своем настоящем, но и на будущем. В нашем случае согласившихся с этим утверждением в I группе – 2 чел. (8,3 %), во II и III группах – по 8 чел. (33,3 %).

Согласие со вторым и пятым утверждением, т. е. принятие себя («Я, конечно, волшебник...») и своей сферы общения («Я учусь у волшебника») говорит о чувстве потенциальных возможностей у респондентов. Ответ «неверно» (на второе высказывание: в I группе – 54,2 %, во II – 41,7 %, в III – 66,7 % респондентов; на пятое высказывание: в I группе – 50 %, во II – 66,7 %, в III – 62,5 %) показывает вероятную неудовлетворенность человека своим настоящим и отсутствие ожиданий какого-либо изменения в будущем.

Ответ «верно» на третье высказывание показывает веру человека в будущее (в I группе – 62,5 %, во II – 50 %, в III – 58,3 %), тогда как согласие с четвертым утверждением вскрывает стремление к его достижению. Например, с высказыванием «Я хочу быть волшебником» соглашаются по 18 чел. (75 %) в I и II группах, тогда как в III группе это всего лишь 6 чел., т. е. 25 % опрошенных. При этом, как правило, «учащиеся» чаще соглашаются с утверждением «Я хочу» и далеко не всегда согласны с «Я буду волшебником».

Два последних утверждения представляют собой единую фразу («Научиться быть волшебником невозможно», «Волшебником можно только родиться»), поэтому, как считает автор методики, следует обратить внимание на то, отнесены ли они к единой группе или разорваны на две. Наши данные подтверждают сведения о том, что большинство «учащихся» замечает их

логическую взаимосвязь и относит их к группе «неверных». Так, в I группе – это 83,3 % и 87,5 % (соответственно 6- и 7-му высказываниям), во II – по 70,8 %, в III – только по 25 % опрошенных. В какой-то степени последний результат по III группе подтверждает склонность «не волшебников» к особой логике рассуждений, ожидание каких-то ирреальных (не путем учения) способов овладения мастерством.

Кроме этого, с испытуемыми проводилась дополнительная беседа, в которой выяснялись их представления о жизни, о наиболее значимых событиях прошлого и желаемого будущего. Интересно, что наиболее упоминаемая категория – это будущее, которое понимается опрошенными как неопределенное, вызывающее беспокойство (35,4 %, 36,1 % и 43,7 % в каждой группе соответственно). Что касается построения планов на будущее, то у молодых они конкретнее и распространяются как на ближайшее время (окончание института, поездки, планы по работе), так и на далекую временную перспективу (свадьба, рождение ребенка, продвижение по службе и пр.); для пожилых людей наиболее характерно построение более реальных и конкретных планов на ближайшее время, а зачастую их отсутствие, т. е. жизнь в настоящем. С возрастом увеличивается построение планов «для других» – для детей, внуков и их благополучного будущего и соответственно уменьшается построение планов «для себя». При этом будущее зависит, по мнению испытуемых I и II групп, «от настоящего», «от себя» или «ситуации/ обстоятельств», тогда как III группа отмечает зависимость будущего «от прошлого» и возлагает «надежды на Бога и высшие силы» (41,2 %), что подтверждают вышеизложенные результаты.

Современные исследователи замечают симптомы неполадок с темпоральностью, резкий перелом, который характеризуется новым восприятием времени [14]. Особенностью нового восприятия времени, характерного для наших дней, является подавление настоящим двух других членов временной триады. Поглощение настоящим прошлого и будущего превращает настоящее в собственный самодостаточный горизонт и делает невозможным выход за его пределы «в другое время». Другая особенность нового восприятия времени – это распад связи времен, разрыв непосредственной преемственности между прошлым, настоящим и будущим. Идея прерывности времени, никогда раньше не воспринимавшаяся социальными науками всерьез, теперь стала предметом исследования.

Таким образом, мы можем заключить, что представление о времени – неотъемлемый компонент процесса регуляции социального поведения человека. В ходе исторического процесса оно изменяется, обрастает целым комплексом понятий, образов, становится важнейшим моментом мировоззрения эпохи, ее культуры. В различных исторических условиях меняется не только представление о времени, но и ощущение его длительности. Каждой культуре, каждому поколению присущ особый способ переживания, осмысления и осознания времени.

Ссылки

1. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 144–164.
2. Сапоровская М. В. Теория и практика исследования межпоколен-ной связи в семейном контексте [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 1(9). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.08.2021).
3. Шутценбергер А. А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. М.: Изд-во Института психотерапии, 2005. 256 с.
4. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М.: Дело, 1999. 100 с.
5. Таратухина Ю. В., Цыганова Л. А., Ткаленко Д. Э. Межкультур-ная коммуникация в информационном обществе: учебное пособие / Нац. ис-след. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 255 с.
6. Кирьякова А. В. Ориентация личности в мире ценностей // Magister. 1998. № 4. С. 37–50.
7. Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю. Психология жизненных ситуаций. М., 1998. 327 с.
8. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологический возраст личности // Психологический журнал. 1983. №5. С. 57–65.
9. Сапогова Е. Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2. С. 63–74.
10. Корнилов Ю. К., Костерина Н. В., Черво Ю. Ю. Ситуация и время // Психология личности и время: тезисы докладов и выступлений на Все-союзной научной конференции. Черновцы: ЧГУ, 1991. Ч. 1. С. 81–83.
11. Трифонова С. А. Субъективная ситуация: содержание, формирование, способы построения: дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 1999. 194 с.
12. Калинин П. Е. Пространственно-временное представление сознательной активности // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2013. № 33 (324), вып. 30. С. 16 - 29.
13. Петровский В. А. Семь пространств существования личности: формальные модели состоятельности // Мир психологии. 2009. № 1. С. 25–42.
14. Бодалев А. А. Общее и особенное в субъективном пространстве мира и факторы, которые их определяют // Мир психологии. 1999. № 4 (20). С. 26–29.

Digitalization through the eyes of students: prospects, risks, obstacles

N. G. Voskresenskaya¹

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod,
603022, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-148-153

Research article
Full text in Russian

The analyze the peculiarities of the perception of digitalization of student youth, in whose life social networks play an important role. Different assessments of digitalization are presented, as well as internal and external factors that affect students ' perception of the digital future are high-lighted.

Keywords: generation gap; digitalization; risks of digitalization; digitalization of society

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Voskresenskaya, Natalia G. | E-mail: navoskr@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Цифровизация глазами студенческой молодежи: перспективы, риски, препятствия

Н. Г. Воскресенская¹

¹ННГУ им. Н. И. Лобачевского, пр. Гагарина, 23, Нижний Новгород, 603022, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-148-153
УДК 316.614.6

Научная статья
Полный текст на русском языке

Анализируются особенности цифровизации студенческой молодежи, в чьей жизни социальные сети играют главенствующую роль. В разнообразии оценок цифровизации и готовности жить в цифровом обществе выделены внутренние и внешние факторы, влияющие на восприятие студентами цифрового будущего.

Ключевые слова: разрыв поколений; цифровизация; риски цифровизации; цифровизация общества

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воскресенская, Наталья Геннадьевна | E-mail: navoskr@mail.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Внедрение цифровых технологий значительно влияет на представления людей о себе в новой реальности, на оценки действительности и поведенческие модели. Умение подстраиваться под быстро меняющиеся квалификационные требования становятся важными качествами, гарантирующими успех в цифровом обществе [1–2]. Благодаря активному включению в интернет-коммуникации, молодежь оказывается в большей степени готова к цифровой реальности, чем старшие возрастные группы, что приводит к определенным сдвигам в механизмах передачи жизненно важных знаний от старших поколений к младшим [3]. Возникающая при этом напряженность между поколениями может усиливаться из-за многочисленных сетевых сообществ, оказывающих все большее влияние на формирование групповых мнений.

Так, исследования показывают, что направленность молодежи на будущее выражена сильнее, чем у старших возрастных групп, а активное использование с детства айфонов и смартфонов, компьютерной техники

и других цифровых устройств обуславливает большую готовность к внутреннему принятию идей цифровизации общества и своего места в этом обществе [4]. Молодежь чувствует себя свободней в сетевом пространстве, чем более старшие возрастные группы, она общительна и активна в мобильных приложениях, хорошо ориентируется в искусственно смоделированных ситуациях, восприимчива к новой информации и охотно учится, но при этом испытывает значительные сложности командного взаимодействия; у них также отмечаются нарушения алгоритмов целостного восприятия действительности, неспособность длительное время концентрироваться на одной информации, снижение способности к запоминанию информации (эффект Google) [5], обусловленные все возрастающей зависимостью от интернета, предоставляющего разные виды информации и ставшего своеобразной транзактивной памятью [6]. Это вызывает внутреннюю агрессию, стремление обвинить в своих неудачах «взрослое поколение», которое субъективно оценивается молодежью как консервативная часть общества, испытывающая сложности с освоением цифровых компетенций.

Такое восприятие старшего поколения обозначилось в процессе групповых фокусированных обсуждений нижегородскими студентами и преподавателями вопросов цифровизации. Всего было опрошено 67 студентов, проведено 6 фокус-групп. Обсуждение позволило выявить разнообразный спектр оценок, касающихся роли цифровизации в жизни людей в бытовой и профессиональной сферах деятельности (прежде всего возрастающая роль интернет-коммуникаций), перспектив развития цифровых технологий (от идеалистических до пессимистичных сценариев), рисков цифровизации (вытеснение живого общения и обезличивание человека, рост манипулятивных технологий, усиление неравенства и рост безработицы и др.) и препятствий ее развитию (коррупция и некомпетентность органов власти, экономическая и технологическая отсталость, низкий образовательный уровень, консерватизм и страх перемен и т. д.). И студенты, и преподаватели отмечали усиливающееся влияние информационных технологий в образовательном процессе, выделяли плюсы и минусы дистанционного образования, связанные с технологическими проблемами (перебои в работе интернет-ресурсов и недостаточная техническая оснащенность), человеческим фактором (низкий уровень знаний пользователей, отсутствие самоконтроля и навыков самостоятельной работы, консерватизм, как нежелание освоения новых знаний).

Противоречия заключались в расстановке акцентов при восприятии роли цифровизации в жизни общества и человека, а также рисков цифровизации и препятствий на пути к ней. Исследование позволило обозначить уровень цифровой компетентности в восприятии участников фокус-групп. Первый (низший) уровень касается использования интер-

нет-сетей для удовлетворения потребностей в общении (социальные сети), учебе (поиск необходимой в учебе информации, простейшие навыки работы с офисными программами для подготовки и презентации докладов), развлечении (сайты, программы, приложения, связанные с проведением досуга), быту (использование интернет-сайтов для приобретения товаров и услуг). Второй уровень – совершенствование вышеперечисленных навыков, а также попытки использования профессиональных программ, которые пока носят любительский и сумбурный характер, но вместе с тем позволяют определить свое дальнейшее становление в цифровом обществе. Третий уровень предполагает разностороннее использование цифровых технологий для реализации своих жизненных сценариев, прежде всего в профессиональной сфере; четвертый – направлен на расширение списка самих сценариев и освоение новых цифровых технологий для их реализации. Преподаватели раскрывали себя на третьем и четвертом уровнях, что позволило условно обозначить их восприятие как ментальная модель подражания. В целом выявлено, что в содержательном плане наиболее близки к этим моделям рассуждения студентов старших курсов, связанные с цифровизацией.

Так, студенты старших курсов, как и преподаватели, склонны давать осторожные оценки перспектив цифровизации, обращая внимание на должное наличие технических возможностей использования цифровых технологий, усиление неравенства, дегуманизацию. Студенты младших курсов, наоборот, чаще идеализировали цифровизацию, ассоциируя ее с прогрессом и новыми возможностями для самореализации в личном и профессиональном планах. Студенты младших курсов озвучивали страхи быть отключенными от мирового интернет-пространства; они с удовольствием делились друг с другом, каких достижений в области интернет-технологий добились, какими цифровыми технологиями владеют они и их друзья и что еще хотелось бы освоить. В плане мотивации на саморазвитие студенты младших курсов ближе стояли к преподавателям, чем студенты старших курсов.

Риски и препятствия для цифровизации, которые выделялись в процессе фокусированных обсуждений, можно условно разделить на два блока – внешние (власть, экономика, бизнес, культура) и внутренние (зависящие от самой личности). Если риски рассматривать как сочетание вероятности и последствий наступления неблагоприятных событий, а препятствия – как то, что мешает достижению цели, а саму цифровизацию как совокупность актуальных потребностей, удовлетворению которых она способствует, то, согласно информационной теории эмоций П. В. Симонова [7], сила и знак эмоций будут зависеть от всех этих трех факторов, субъективно воспринимаемых участниками групповых дискуссий. Так, восприятие рисков как неконтролируемой переменной ведет

к снижению актуальности самой потребности, так как трудно желать то, что воспринимается как потенциальная угроза. Напротив, препятствия на пути удовлетворения актуальной потребности вызывают негативные эмоции и желание их преодолеть. При этом чем сильнее потребность, тем больше агрессии на фрустратор. Эта агрессия может вылиться в прямое столкновение с тем, что олицетворяет это препятствие, либо привести к фрустрации.

Студенты-старшекурсники риски цифровизации чаще рассматривали на глобальном уровне, в большей степени связывая цифровизацию с усилением влияния государства на частную жизнь граждан и дегуманизацию коммуникативного пространства; на современном уровне развития общества в профессиональном плане они (студенты) уже владеют необходимым уровнем знаний. Младшие курсы чаще рассматривали риски на личностном уровне, отмечая угрозу вытеснения живого общения, неумение самостоятельно мыслить и осуществлять поиск информации. При этом неумение грамотно использовать интернет-ресурсы в своих целях студенты младших курсов приписывали не себе, а старшему поколению, стереотипизируя его консерватизм и цифровую безграмотность. Такая стереотипизация прослеживается как в оживленном обсуждении страхов перед цифровыми технологиями своих бабушек и дедушек, а также в обвинениях в непрогрессивном мировосприятии всех представителей старшего поколения. Таким образом, старшие курсы склонны более серьезно относиться к рискам цифровизации, чем младшие курсы. У первых это снижает ценность цифровизации, а у вторых, напротив, не только усиливает, но формируют четкую убежденность, что цифровое общество – это общество молодых, а значит, и управлять им должны молодые.

При восприятии препятствий на пути цифровизации у студентов старших и младших курсов ситуация меняется. Старшие курсы большую роль начинают отводить внутренним факторам, связанным с работой над собой, самосовершенствованием. При этом, имея опыт трудовой деятельности и склонности к осторожным оценкам преимуществ цифровизации, они достаточно пассивны при конкретизации способов этого самосовершенствования, ограничиваясь общими фразами. Можно предположить, что демотиватором на дальнейшее развитие цифровых компетенций становится отсутствие необходимости доказывать свою компетентность. Препятствия к цифровизации в восприятии студентов младших курсов чаще носят внешний характер (мешает власть, экономические проблемы, не соответствующий цифровым реалиям менталитет старшего поколения). При этом в тенденции обвинять во всем старшее поколение и видеть в нем препятствие в реализации своих планов прослеживается завышенная самооценка студентами своих цифровых навыков, низкий уровень са-

моконтроля, неумение расставлять приоритеты при реализации жизненных стратегий.

Ссылки

1. Рогачёв С. В. Цифровизация по критериям политического риска: научный доклад. М.: Проспект, 2019. 52 с.
2. Россия 2025: от кадров к талантам: доклад // The Boston Consulting Group Review. 2017. URL: https://image-src.bcg.com/Images/Russia-2025-report-RUS_tcm9-188275.pdf (дата обращения: 20.09.2020).
3. Фельдштейн Д. И. О развитии фундаментальных психологических исследований Российской академии образования // Мир психологии. 2006. № 1. С. 67–76.
4. Strauss W., Howe N. The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America’s Next Rendezvous with Destiny. N.Y.: Broadway Books, 1997. 382 p.
5. Гурова И. М., Евдокимова С. Ш. Теория поколений как инструмент анализа формирования и развития трудового капитала // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7, № 3(27). С. 150–159.
6. Олешко В. Ф., Олешко Е. В. «Google-эффект» в контексте цифровых межпоколенческих противоречий // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы конференции Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. В. Соколова, А. А. Фролова. Ярославль, 2020. С. 187–190.
7. Симонов П. В. Эволюционный мозг. М.: Наука, 1981. 266 с.

Features of correction of the socio-psychological climate of employees of the office of cleaning companies

E. A. Vinarchik¹, L. E. Boiko¹

¹Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-154-163

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of research and correction of the socio-psychological climate of employees of the administrations of cleaning companies. The factors that create negative trends in the of the socio-psychological climate have been studied. A correction program was developed and carried out, and significant changes were identified.

Keywords: psychological climate; team; cohesion; interaction

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vinarchik Elena A. | E-mail: elena-vinarchik@rambler.ru
Cand. Sc (Psychology), Associate Professor

Boyko, Lyudmila E. | E-mail: liudmila051075@mail.ru
Postgraduate

Особенности коррекции социально-психологического климата сотрудников офиса клининговых компаний

Е. А. Винарчик¹, Л. Е. Бойко¹

¹Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, ул. Горького, д. 87, Владимир, 600000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-154-163
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены результаты исследования и коррекции социально-психологического климата сотрудников администраций клининговых компаний. Изучены факторы, создающие отрицательные тенденции социально-психологического климата. Разработана и проведена программа коррекции, выявлены достоверные сдвиги в сторону оптимизации социально-психологического климата.

Ключевые слова: психологический климат; коллектив; сплоченность; взаимодействие

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Винарчик, Елена Анатольевна	E-mail: elena-vinarchik@rambler.ru Кандидат психологических наук, доцент
Бойко, Людмила Евгеньевна	E-mail: liudmila051075@mail.ru Аспирант

Постановка проблемы исследования

Проблема оптимизации социально-психологического климата как показателя эффективности взаимодействия работников при осуществлении профессиональной деятельности занимает руководителей различного уровня на протяжении длительного времени [1]. В XXI веке вопрос управления социально-психологическим климатом производственных коллективов наиболее остро встал как перед исследователями, так и перед практическими специалистами в силу необходимости использования всех имеющихся ресурсов (и человеческого ресурса в первую очередь) для повышения производительности предприятий в условиях отсутствия эко-

© Винарчик Е. А., Бойко Л. Е., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

номической стабильности как в стране, так и в мире, в условиях постоянно происходящих экономических кризисов и необходимости выживания предприятий в сложных условиях [2]. Социально-психологический климат в значительной степени влияет на психологическую составляющую включенности сотрудника в сферу профессиональной деятельности, его мотивированность к выполнению профессиональных обязанностей, на его включенность в жизнедеятельность предприятия, стремление к самосовершенствованию и профессиональному росту, а также может способствовать или препятствовать эмоциональному выгоранию специалистов.

Методики и организация исследования

Психологическая диагностика проводилась с использованием следующих методик: методика определения индекса групповой сплоченности К. Сишора; «Карта-схема определения психологического климата в коллективе» (Л. И. Уманский, Л. И. Акатов, Е. И. Дымов, А. Н. Лутошкин, А. С. Чернышев и др.); методика диагностики межличностных отношений (Т. Лири); методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению (К. Томас); методы статистической обработки данных: анализ достоверности различий связанных выборок с использованием Т-критерия Вилкоксона [3].

Эмпирическое исследование коррекции социально-психологического климата осуществлялось на базе административных офисов клининговых компаний города Владимира, которые занимают важное место в обеспечении эффективной работы организации и в задачи которых входит координация работы, прием заявок, заключение договоров и т. д. В исследовании принимали участие сотрудники административных офисов, работающие на различных должностях.

Результаты и их обсуждение

Нами были получены следующие результаты первичного эмпирического исследования социально-психологического климата в трудовом коллективе. Для изучения уровня групповой сплоченности сотрудников офиса в ходе исследования использовалась методика определения индекса групповой сплоченности – ИГС (автор К. Сишор).

Согласно данным, полученным в процессе исследования групповой сплоченности, высокий уровень ИГС выявлен у 5 % испытуемых. Уровень ИГС выше среднего – у 25 % испытуемых. Средний уровень ИГС выявлен у наибольшего количества испытуемых – у 65 %. У 5 % респондентов показатель ИГС ниже среднего. У испытуемых исследуемой группы низкий уровень ИГС обнаружен не был.

Похожая тенденция была обнаружена и в исследовании субъективной оценки социально-психологического климата и особенностей сложившихся в группе сотрудников офиса межличностных отношений при по-

мощи карты-схемы определения социально-психологического климата (СПК) в коллективе (авторы А. Н. Лутошкин, Л. И. Уманский, Л. И. Акатов, Е. И. Дымов, А. С. Чернышев и др.) Участники оценивают СПК своей группы как средне благоприятный (средний коэффициент субъективных оценок составил 4,06 балла, интервал нормы от 3,9 до 4,6 балла). Наибольшее количество испытуемых (60 %) считают социально-психологический климат группы средне благоприятным. Неустойчиво благоприятным СПК считают 20 % респондентов. Такое же количество испытуемых (20 %) определяют СПК своей группы как неблагоприятный.

Для того чтобы выяснить, какие основные проблемные зоны выделяют респонденты в качестве причин недостаточно благополучного психологического климата своей группы, был проведен анализ отдельных пунктов карты-схемы А. Н. Лутошкина и др. Большинство респондентов признают, что они испытывают чувство гордости за коллектив, когда руководство отмечает его успехи (показатель по соответствующему пункту 5,1 балла). Респонденты исследуемой группы также отмечают поддержку и доброжелательность членов коллектива по отношению к вновь прибывшим сотрудникам (средний показатель соответствующего пункта 5 баллов). Еще одним положительным моментом, по мнению респондентов, является тот факт, что участникам группы нравится бывать вместе, участвовать в совместных делах, проводить свободное время с коллегами. Наличие достаточно высоких баллов (максимум 7) говорит о том, что у респондентов есть точки соприкосновения и что при определенных целенаправленных действиях социально-психологический климат исследуемой группы может быть улучшен.

Однако, по субъективной оценке респондентов, существуют и негативно влияющие на состояние исследуемой группы факторы. Так, респонденты считают, что в сложных ситуациях коллективу трудно собраться, его члены испытывают растерянность и фрустрацию, на этой почве часто возникают споры и взаимные обвинения, которые могут перерасти в конфликт (средний балл по пункту 2,95). Еще одним проблемным моментом большинство испытуемых считают отсутствие уважения к мнению другого, отмечая, что в коллективе каждый придает особую значимость собственному мнению, игнорируя или обесценивая мнения коллег (3,05 балла по соответствующему пункту).

Для изучения специфики взаимоотношений в малой группе и преобладающего в группе типа отношений к людям использовалась методика диагностики межличностных отношений (Т. Лири). Наиболее часто встречающимся в исследуемой группе типом отношения к людям является авторитарный тип – этот тип отношения является преобладающим у 30 % группы, при этом высокий уровень авторитарности зарегистриро-

ван у 10 % испытуемых, средний уровень – у 30 % испытуемых, низкий уровень – у 60 % испытуемых.

Следующим по распространенности является подозрительный тип отношения к людям (27,5 %), при этом высокий уровень выраженности этого типа отношения к людям в ходе первичного исследования не зарегистрирован, средний уровень выявлен у 35 % испытуемых, низкий – у 65 % испытуемых.

Еще одним достаточно распространенным среди респондентов исследуемой группы является агрессивный тип отношения к людям. Он является преобладающим для 22,5 % испытуемых (высокий уровень 0 % испытуемых, средний уровень – 45 %, низкий уровень – 55 %). Преобладание альтруистического типа отношения к людям выявлено у 10 % испытуемых, при этом средний уровень – у 15 % испытуемых, низкий уровень – у 85%. Подчиняемый тип отношения к людям является преобладающим для 7,5 % испытуемых, средний уровень – 10 % испытуемых, низкий уровень – 90 % респондентов. Преобладание зависимого типа выявлено у 2,5 % участников исследования, при этом средний уровень – у 10% испытуемых, низкий уровень – у 90 % опрошенных. Испытуемых с преобладающим эгоистическим (низкий уровень 100 % испытуемых) и дружелюбным типом отношения к людям (средний уровень – у 5 % испытуемых, низкий уровень – у 95 %) в исследуемой группе выявлено не было.

Для исследования типа поведения членов группы в конфликтных ситуациях была использована методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса.

Результаты исследования типа поведения в конфликте выявили стратегию конкуренции как доминирующего типа поведения в конфликте у 35 % испытуемых исследуемой группы (ярко выраженный признак – у 55 % испытуемых, оптимальный – у 30 %, слабовыраженный – 15 %).

Избегание как доминирующий способ поведения в конфликте выявлен у 25 % участников исследований (ярко выраженный признак выявлен у 35 % испытуемых, оптимальный – у 55 %, слабовыраженный – у 10 %).

Доминирование стратегии компромисса в конфликте выявлено у 20 % испытуемых исследуемой группы, при этом ярко выраженный тип – у 30 % испытуемых, оптимальный – у 55 % испытуемых, слабовыраженный – у 15 %. Испытуемые этой группы в спорных ситуациях предпочитают идти на уступки, при условии, что и оппонент поступится частью своих интересов. Приспособление как ведущая стратегия поведения в конфликте была выявлена у 15 % участников исследований (ярко выраженный – у 10 % испытуемых, оптимальный – у 55 %, слабовыраженный – 35 %).

Надо отметить, что наиболее выгодная стратегия – сотрудничество, – предполагающая выигрыш обеих сторон конфликта, является наименее востребованной испытуемыми исследуемой группы (стратегия доми-

нирует у 5 % испытуемых – самый низкий показатель среди шкал; ярко выраженный – у 5 % испытуемых, оптимальный – у 45 %, слабовыраженный – у 50 %).

Таким образом, в ходе первого диагностического среза в группе сотрудников офиса были выявлены следующие нарушения социально-психологического климата: большинство испытуемых видят отсутствие единства коллектива, наличие в нем разрозненных микрогрупп; сложности, которые возникают при необходимости совместной работы; отсутствие сформированных доброжелательных отношений, эмоциональных и межличностных связей между микрогруппами; дисбаланс при распределении ролевых позиций в группе; низкий уровень уважения к мнениям, интересам и личностным особенностям друг друга; высокий уровень агрессивности и подозрительности в отношениях.

Оптимизация социально-психологического климата посредством коррекции выявленных в ходе психодиагностики исследуемой группы сотрудников офиса нарушений стала целью разработки специальной программы. Поскольку эти нарушения касаются в основном взаимоотношений испытуемых друг с другом, наиболее эффективным в плане коррекции СПК представляется тренинг межличностного взаимодействия.

Для выявления динамики изменений была проведена вторичная диагностика с использованием тех же психодиагностических методик.

Согласно данным, полученным в процессе исследования индекса групповой сплоченности (автор К. Сишор), высокий уровень ИГС выявлен у 5 % испытуемых, то есть 5 % испытуемых отмечают сплоченность и единство коллектива, высокий уровень межличностного взаимодействия и взаимоподдержки. Уровень ИГС выше среднего выявлен у 45 % испытуемых, что говорит о том, что эти испытуемые воспринимают коллектив офиса как коллектив с достаточно высокой степенью интеграции, для которого свойственны стабильность, устойчивость и единство межличностных взаимоотношений и взаимодействий. Средний уровень ИГС выявлен также у 45 % испытуемых. Средний уровень групповой сплоченности характеризуется отсутствием единства коллектива, наличием микрогрупп, основанных на личностных симпатиях их членов, слабой связью между этими группами. У 5 % респондентов выявлен показатель ИГС ниже среднего. Эти испытуемые воспринимают группу как разобщенную и имеющую неустойчивые отношения между людьми. У испытуемых исследуемой группы низкий уровень ИГС выявлен не был.

Исследование субъективной оценки социально-психологического климата и особенностей сложившихся в группе сотрудников офиса межличностных отношений осуществлялось при помощи карты-схемы А. Н. Лутошкина. Участники оценивают социально-психологический климат своей группы как средне благоприятный (средний коэффици-

ент субъективных оценок составил 4,17 балла, интервал нормы от 3,9 до 4,6 балла). Как видно из представленных результатов, количество испытуемых, оценивающих СПК группы как благоприятный, составляет 10 % (увеличилось на 10 % по сравнению с первой диагностикой). Это говорит о том, что испытуемые после проведения программы субъективно чувствуют себя в коллективе более комфортно, что они видят улучшение отношений между членами группы. На 5 % увеличилось количество испытуемых, оценивающих СПК коллектива как неустойчиво благоприятный; на момент проведения вторичной диагностики составляет 25 %. Эти испытуемые оценивают общий психологический климат в коллективе как в целом благоприятный, но несущий в себе определенное напряжение.

Для того чтобы выяснить, какие основные проблемные зоны выделяют респонденты в качестве причин недостаточно благополучного психологического климата своей группы, был проведен анализ отдельных пунктов карты-схемы А. Н. Лутошкина и др. Положительная динамика отмечена по всем пунктам методики за исключением пункта, который касается восприятия членами группы достижений и неудач коллектива как собственных (динамика отсутствует). Возможно, этот факт обусловлен тем, что изначально этот показатель был достаточно высоким. Еще одно вероятное объяснение состоит в том, что за период реализации программы значимых событий в деятельности офиса не происходило, поэтому у испытуемых не было возможности увидеть этот механизм в действии и пережить соответствующие ощущения, поэтому на этапе итоговой диагностики эта тема для испытуемых могла быть неактуальна.

Наибольший уровень динамики выявлен по фактору «Уважение членов коллектива к мнению друг друга» – 0,9 балла. Вторым по выраженности динамики параметром субъективной оценки СПК является критерий взаимного расположения и понимания между микрогруппами коллектива. Динамика этого показателя составила 0,35 балла. Зафиксирована положительная динамика по факторам доброжелательности во взаимоотношениях (динамика 0,15 балла) и получения удовольствия членами коллектива от совместного проведения времени (динамика также 0,15 балла).

Для изучения специфики взаимоотношений в малой группе и преобладающего в группе типа отношений к людям использовалась методика диагностики межличностных отношений.

Согласно полученным при помощи методики Т. Лири данным, авторитарный тип отношения является преобладающим у 22,5 % группы, при этом высокий уровень авторитарности не зарегистрирован у испытуемых, средний уровень – у 35 % испытуемых, низкий уровень – у 65% испытуемых.

Следующим по распространенности является подозрительный тип отношения к людям (22,5 % – показатель снизился на 5 %), при этом вы-

сокий уровень выраженности этого типа отношения к людям не зарегистрирован, средний уровень выявлен у 30 % испытуемых, низкий – у 70 % испытуемых. Этот тип характеризуется повышенной критичностью как к людям, так и явлениям окружающей действительности, низкой общительностью, вызванной неуверенностью в собственной привлекательности и подозрительностью.

Еще одним достаточно распространенным среди респондентов исследуемой группы является агрессивный тип отношения к людям. Он является преобладающим для 20,5 % испытуемых (высокий уровень 0 % испытуемых, средний уровень – 40 %, низкий уровень – 60 %). Для выраженного агрессивного типа межличностных отношений характерна требовательность, настойчивость, энергичность, строгость и резкость в оценке окружающих, непримиримость, отсутствие гибкости.

Преобладание альтруистического типа отношения к людям выявлено у 17,5 % испытуемых, при этом средний уровень – у 15 % испытуемых, низкий уровень – у 85 %. Этот тип проявляется в ответственности по отношению к людям, сострадательности, заботливости участников группы, их бескорыстии и отзывчивости.

Подчиняемый тип отношения к людям является преобладающим для 5 % испытуемых, средний уровень – для 10 %, низкий уровень – для 90 % респондентов. Для этих испытуемых характерна застенчивость, кротость, склонность соглашаться с мнением более сильного участника группы.

Преобладание зависимого типа выявлено у 2,5 % участников исследования, при этом средний уровень – у 5 % испытуемых, низкий уровень – у 95 % испытуемых. Авторы методики описывают таких людей как конформных, нуждающихся в помощи, доверчивых и вежливых.

На 7,5 % выросло количество испытуемых с дружелюбным типом отношения к людям (средний уровень 5 % испытуемых, низкий уровень – 95 %). Испытуемым с низким и средним уровнями доброжелательного отношения к людям свойственны склонность к сотрудничеству и компромиссам, гибкость при решении проблем, конформность и следование правилам. Испытуемых с преобладающим эгоистическим (низкий уровень – 100 % испытуемых) в исследуемой группе выявлено не было.

Для исследования типа поведения членов группы в конфликтных ситуациях была использована методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса.

Результаты исследования типа поведения в конфликте выявили доминирующую стратегию конкуренции у 30 % испытуемых исследуемой группы (динамика – 5 %). Избегание как доминирующий способ поведения в конфликте выявлен у 20 % участников исследований (ярко выраженный признак выявлен у 25 % испытуемых, оптимальный – у 65 %,

слабовыраженный – у 10 %) . Это говорит о том, что в конфликтных ситуациях испытуемые с ярко выраженным типом предпочитают делать всё, что от них зависит, чтобы отложить выбор решения на потом, и при этом они не склонны отстаивать собственные интересы и думать об интересах оппонента.

Доминирование стратегии компромисса в конфликте выявлено у 25 % испытуемых исследуемой группы, при этом ярко выраженный тип выявлен у 25 % испытуемых, оптимальный – у 60 % испытуемых, слабовыраженный – у 15 %. Испытуемые этой группы в спорных ситуациях предпочитают идти на уступки, при условии, что и оппонент поступится частью своих интересов.

Приспособление как ведущая стратегия поведения в конфликте была выявлена у 15 % участников исследований (ярко выраженный – у 0 % испытуемых, оптимальный – у 65 %, слабовыраженный – у 35 %). Испытуемые с ярко выраженным типом реагирования в конфликте, согласно интерпретации авторов методики, в конфликтной ситуации демонстрируют готовность поступиться своими интересами и потребностями и пойти на уступки, чтобы сгладить конфронтацию.

Выявлен рост востребованности наиболее выгодной стратегии – сотрудничества, – предполагающей выигрыш обеих сторон конфликта (стратегия доминирует у 15% испытуемых; ярко выраженный тип – у 5 % испытуемых, оптимальный – у 65 %, слабовыраженный – у 30 %). Ярко выраженная стратегия сотрудничества предполагает, что действия оппонентов направлены на конструктивное обсуждение проблемы, оппонирующая сторона рассматривается как союзник в поиске решения, выгодного всем участникам проблемной ситуации.

Для выявления эффективности проведенной программы коррекции социально-психологического климата сотрудников офиса и оценки достоверности полученных сдвигов был использован критерий Т-Вилкоксона. В рамках данного исследования используется и принимается достоверность, равная следующему значению: $p \leq 0,05$.

Индекс групповой сплоченности по методике определения индекса групповой сплоченности (авт. К. Сишор) находится вне зоны значимости, сдвиг не имеет статистической значимости. Вторичная диагностика при помощи методики К. Сишора позволяет увидеть, что, несмотря на то что есть положительные сдвиги (рост индекса групповой сплоченности на 3,4 балла, увеличение процентной доли испытуемых с высоким и выше среднего ИГС), статистическая достоверность зафиксированных изменений подтверждена не была.

По методике «Карта-схема определения психологического климата в коллективе» (А. Н. Лутошкин и др.) коэффициент субъективной оценки СПК находится в зоне значимости, сдвиг статистически достоверен. От-

дельно значимы следующие критерии: «доброжелательность во взаимоотношениях», «взаимное расположение и понимание между микрогруппами коллектива», «удовольствие членов коллектива от совместного времяпрепровождения», «уважение членов коллектива к мнению друг друга».

По методике диагностики преобладающего типа отношений к окружающим Т. Лири сдвиги достоверны по следующим факторам: «подозрительный тип отношения», «дружелюбный тип отношения».

Выводы

Проведенное исследование показало, что коррекция социально-психологического климата группы сотрудников офиса при помощи тренинга межличностного взаимодействия способствует повышению субъективной привлекательности коллектива для его членов. Происходит увеличение уровня уважения членов коллектива к мнению друг друга, доброжелательности в отношениях, взаимного расположения и понимания между микрогруппами коллектива. Итогом тренинга является снижение подозрительности в отношениях членов группы и увеличение склонности к доброжелательному отношению между участниками, а также снижение предрасположенности членов коллектива к конкурирующему типу поведения и повышение предрасположенности к сотрудничающему типу поведения в конфликтных ситуациях.

Ссылки

1. Винарчик Е. А., Капустина В. А. Психология профессионального развития личности: учебное пособие / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020. 96 с.
2. Карпов А. В. Психологический анализ трудовой деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 2016. 76 с.
3. Филатова О. В., Литвинова Н. Ю., Винарчик Е. А. Современные методы психологической диагностики: практикум / Владим. гос. ун-т. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2011. 296 с.

Features of early deadaptive schemes of future psychologists depending on the age period

T. Y. Petrovskaya¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuiskaya str., Novosibirsk, 620126, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-164-171

Research article
Full text in Russian

The article discusses the age characteristics of early maladaptive schemes (EMS) of students of psychological specialties. In order to determine the EMS of psychology students, the questionnaire «Diagnostics of early maladaptive schemes of J. Young» was used. Empirically the specific EMS complexes of future psychologists in adult and adolescence were identified. Differences in the EMS of students in the sub-periods of adolescence and adulthood have been statistically proven. With age, psychology students decrease the severity of vulnerability, uncertainty and stability of relations, and the level of differentiation of identity increases. In the transitional period of adulthood, future psychologists are the least inclined to self-sacrifice and obedience to rigid rules.

Keywords: early maladaptive schemes; youth; adulthood; professional activity; psychologist

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Petrovskaya, Tatiana Y. | E-mail: element_t@mail.ru
ORCID ID 0000-0002-6243-9487
Senior Lecturer

Особенности ранних дезадаптивных схем будущих психологов в зависимости от возрастного периода

Т. Ю. Петровская¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, ул. Виллюйская, д. 28, Новосибирск, 630126, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-164-171
УДК 159.9.07

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются возрастные особенности ранних дезадаптивных схем (РДС) студентов психологических специальностей. С целью определения РДС студентов-психологов использовался опросник «Диагностика ранних дезадаптивных схем Дж. Янга». Эмпирически выявлены специфические комплексы РДС будущих психологов во взрослом и юношеском возрасте. Статистически доказаны различия РДС студентов в подпериодах юности и взрослости. С возрастом у студентов-психологов снижается выраженность уязвимости, неуверенности в стабильности отношений, повышается уровень дифференцированности идентичности. В переходной период взрослости будущие психологи в наименьшей степени склонны к самопожертвованию и подчинению ригидным правилам.

Ключевые слова: ранние дезадаптивные схемы; юность; взрослость; профессиональная деятельность; психолог

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Петровская, Татьяна Юрьевна	E-mail: element_t@mail.ru ORCID 0000-0002-6243-9487 Старший преподаватель кафедры социальной психологии и виктимологии
-----------------------------	---

Значимым событием в профессиональном самоопределении является выбор и поступление в учебное заведение профессионального образования. В отношении получения квалификации психолога речь идет о высшем учебном заведении с более длительным этапом обучения, совпадающим, как правило, в российской действительности с периодом юности. Однако, согласно международной статистике, к обретению психологической профессии стремится значительная часть представителей взрослой возрастной группы. На протяжении этого важного и ответственного этапа индивид сталкивается с множеством сложных задач, причем не только образовательного содержания, но и личностного, обусловленного тем возрастным этапом,

© Петровская Т. Ю., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

через который проходит человек в процессе обучения в вузе, а именно юношеским и взрослым возрастом.

Анализ литературы по психологии развития и возрастной психологии показал, что в определении возрастных границ юности и взрослости как отечественные, так и зарубежные психологи расходятся. И в западной, и в отечественной психологии характерным является определение юности как отдельного возрастного периода в плавающих границах от 16 до 25 лет, смыслом которого является переход от детства к взрослости. Взрослость же как самостоятельный возраст представляется разными исследователями в широких временных границах с выделением, некоторыми авторами, внутри отдельных подпериодов и связывается с пиком самореализации личности [1].

Юношеский возраст, по мнению известных ученых-психологов, представляется переломным отрезком жизни с наиболее яркими проявлениями человека как становящегося субъекта собственной личностной профессиональной истории [1–2]. В данном возрасте происходит развитие множества профессионально значимых психологических конструктов. Идет построение жизненных планов. Активно развиваются компоненты личностной рефлексии и идентичности, в том числе профессиональной. К моменту окончания этого возрастного периода должно сформироваться представление о своем дальнейшем профессиональном пути и желание продолжать движение в выбранном направлении [1]. С этой точки зрения юность – это первая ступень профессиональной самореализации. Дальнейший путь профессионального самовоплощения приходится на взрослость.

Ориентируясь на периодизацию Г. С. Абрамовой, взрослость в своей работе мы рассматриваем в континууме трех подпериодов: взрослость (23–30 лет), переходной возраст (30–35 лет), зрелость (36–50 лет). В период взрослости происходит личностное и профессиональное становление человека. Общая картина социальной ситуации развития характеризуется интенсивностью освоения нового круга обязанностей и ролей. В связи с наполненностью всех сфер жизни могут возникать многочисленные перегрузки, стрессы, ситуации сложного жизненного выбора и др., провоцирующие спектр негативных переживаний и дисфункциональных паттернов.

В переходный возраст, являющийся очень коротким и достаточно кризисным, возникает пересмотр многих параметров собственной индивидуальности, которые в дальнейшем становятся основой для принятия новых жизненно важных решений. По словам Г. С. Абрамовой, «в этом возрасте проявляется готовность к построению нового пространства в системе социально-психологических отношений, принятию решений о карьере, стиле жизни, пересмотр и обновление решений, касающихся социального положения» [1, с. 458].

В период зрелости, как личностной, так и профессиональной, встает проблема определения своего дальнейшего места в системе социальных отношений, в изменившемся психологическом пространстве своей семьи и профессиональной деятельности.

Как отмечают исследователи в области психологии развития, осуществление субъектом своего потенциала на том или другом возрастном этапе во многом зависит от личностных качеств, накопленного индивидуального опыта, факторов целенаправленного воздействия (обучение и воспитание). В современных работах отечественных исследователей указывается интегративный эффект содействия развитию различных системных образований, «способствующий возникновению новых качеств, превосходящих простую аддитивность и тяготеющих к интегральному единству [3, с. 13]. Интегральным личностным конструктом, ограничивающим профессиональное воплощение своего потенциала, отражающим онтогенетический «бэкграунд» индивида, вмещающим когнитивные и эмоциональные компоненты, формирующимся в раннем детстве и проявляющимся в поведении на протяжении всей жизни выступает концепт «ранних дезадаптивных схем» (РДС, схемы), предложенный американским исследователем Дж. Янгом [4]. С точки зрения возрастной динамики ярко выраженные схемы обладают устойчивостью, ригидностью в более зрелых возрастах, способностью к компенсации в более эволюционные периоды развития и манифестированию в кризисные периоды [4].

Целью нашего исследования стало изучение возрастных особенностей ранних дезадаптивных схем студентов психологических специальностей, которое включало несколько этапов. Первый этап состоял в подборе диагностического инструментария для выявления РДС на российской выборке, которым послужил опросник «Диагностика ранних дезадаптивных схем Дж. Янга» в адаптации П. М. Касьяника, Е. В. Романовой [5]. На втором этапе проводилось диагностирование общей выборки с использованием опросника ранних дезадаптивных схем Дж. Янга. И на третьем этапе нашего исследования осуществлялся дисперсионный анализ, позволяющий установить влияние возраста на особенности проявления ранних дезадаптивных схем специалистов-психологов в период обучения.

Студенты психологических профилей послужили выборкой исследования, состоящей из 536 обучающихся в возрасте от 17 до 49 лет. Возрастной состав выборки определялся нами на основе периодизации Г. С. Абрамовой и позволил изучить проявления РДС в юности и взрослости, а также определить характерные различия между ними. Выборка была разделена на пять групп в зависимости от возраста: первая группа – студенты раннего юношеского возраста, вторая группа – студенты позднего юношеского возраста, третья группа – студенты периода взрослости, четвертая группа – студенты переходного возраста, пятая – студенты периода зрелости.

С целью изучения влияния возраста на проявление РДС студентов было проведено сравнительное исследование посредством применения однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA). В качестве независимой переменной был определен возраст, дифференцированный на 5 категорий (ранняя юность, поздняя юность, ранняя взрослость, переходной период взрослости, поздняя взрослость). В качестве зависимых переменных выступили РДС: эмоциональная депривированность, покинутость / нестабильность, недо-

верие / ожидание жестокого обращения, социальная отчужденность, дефективность / стыдливость, неуспешность, зависимость / беспомощность, уязвимость, запутанность / неразвитая идентичность, покорность, самопожертвование, подавленность эмоций, жёсткие стандарты / придирчивость, привилегированность / грандиозность, недостаточность самоконтроля, поиск одобрения, негативизм / пессимизм, пунитивность. Допустимость использования однофакторного дисперсионного анализа была обоснована выполнением статистического требования отсутствия достоверных различий между дисперсиями (при $p \geq 0,05$). Для этого нами применялся критерий Левена, который показал, что дисперсии по исследуемому признаку гомогенны (табл. 1).

Таблица 1

Результаты дисперсионного анализа влияния возраста на РДС студентов при $p \geq 0,05$

Категории РДС	РДС	ANOVA		Средние значения				
		Levene		1	2	3	4	5
	N	F	p	187	124	130	52	44
Нарушенные связи и отвержение	Покинутость / Нестабильность	2,26	0,050	14,23	13,17	12,51	12,7	10,53
Нарушенная автономия	Уязвимость	3,33	0,010	9,45	9,34	10,33	9,24	8,22
	Запутанность / Неразвитая идентичность	4,05	0,003	9,57	8,94	8,48	9,44	7,32
Направленность на других	Самопожертвование	5,62	0,000	14,58	12,99	12,75	13,24	13,78
Сверхбдительность и запреты	Жёсткие стандарты / Придирчивость	3,67	0,005	14,68	13,43	13,00	13,56	13,12

В результате проведенного исследования влияния возраста на специфику РДС будущих психологов необходимо обратить внимание на то, что признак «возраст» имеет значимое влияние на РДС специалистов. Из восемнадцати переменных пять обнаружили зависимость от исследуемого признака: покинутость/нестабильность, уязвимость, запутанность/неразвитая идентичность, самопожертвование, жёсткие стандарты/придирчивость (табл. 1).

Представленные в таблице результаты дисперсионного анализа показывают, что все выявленные различия выраженности схем студентов разного возраста находятся в четырех областях из пяти, описанных автором концептуальной модели Дж. Янгом: нарушенные связи и отвержение, нарушенная автономия, сверхбдительность и запреты, направленность на других. Наибольшее число различий обнаружено между студентами ранней юности (6) и студентами периода зрелости (4) по отношению к респондентам других групп. При этом по трем (из пяти) схемам различия обнаружены именно между обучающимися самого юного и самого взрослого возраста. Увеличение возраста, таким образом, изменяет степень выраженности РДС.

Область нарушенных связей и отвержения, представленная схемой «покинутость / нестабильность», имеет наибольшее число противопоставлений

в группах респондентов. Специалисты психологического профиля в ранней юности отличаются от коллег в зрелости и в переходном периоде взрослости, так же как обучающиеся в поздней юности и в зрелости. Такие попарные комбинации указывают на большую отчетливость негативных мыслей, представлений, переживаний на предмет близости и привязанности, характерную для юношей и девушек. Данную тенденцию подтверждают результаты европейских исследователей, полученные на выборках подростков и юношей [6]. Г. С. Абрамова называет типичную для молодых людей потребность в общении и другие виды социогенных потребностей, то есть потребностей в других людях. Автор пишет, что «опасность этого периода жизни состоит в том, что отношения близости, соперничества и борьбы переживаются в связи с людьми, подобными себе, со сверстниками. Это рождает предвзятость в отношениях, неприятие самого себя и других, это одиночество, за ним — страх перед близостью» [1, с. 435]. Подобные имеющиеся у индивида искаженные когнитивные образования в условиях социально-психологической ситуации развития в юности актуализируют неудовлетворенную базовую потребность в привязанности и тем самым запускают дезадаптивные паттерны поведения.

Между студентами максимально контрастных групп исследования также обнаружено различие по схеме «запутанность / неразвитая идентичность» с ее ослаблением к старшей группе. Согласно Э. Эриксону личность на данном этапе жизни характеризуется отсутствием целостности и гармоничности, так как находится в ситуации необходимости осмысления своих мировоззренческих ориентиров. Успешное решение задач на стадии периода ранней юности завершается формированием целостной и зрелой «эго-идентичности» с осознанием себя, с профессиональным самоопределением [7]. В работах отечественных психологов отмечается, что в юности актуальным для развития становится принятие ответственных решений, основным из которых является выбор карьеры. Для его решения личности необходимы «два важнейших психологических образования: концепция жизни и Я-концепция, где степень идентичности Я самому себе является той силой, которая будет определять успех в осуществлении намерений относительно своей жизни» [1, с. 433].

В нашем исследовании, кроме обнаруженных различий между группами, находящимися на полюсах возрастного континуума, установлены представляющие научный интерес различия студентов, находящихся в начале личностного и профессионального самоопределения и в переходном периоде этого пути. Такие различия нами выявлены по схеме «самопожертвование» студентов-психологов, отражающей чрезмерную ориентацию на мнения, оценки, потребности других. Так, в наивысшей степени выражена схема в период ранней юности, в период поздней юности происходит постепенный спад, конечное снижение настает в переходном периоде взрослости и вновь возрастает в период зрелости. Данная U-образная кривая фокуса психического на других с выраженными всплесками в 17–19 и 36–50 лет интерпретируется нами как известное в научной психологической литературе

чередование разворота психики на «Я» и «Мы» последовательно, начиная с кризиса рождения [1]. В норме ориентация на других может служить психологу основой важных для его деятельности качеств – социабельности, открытости, эмпатичности. Однако при деформированной системе когнитивных убеждений о себе и об отсутствии здорового эгоизма удовлетворение собственных потребностей без самопожертвования, иногда приводящего к виктимному поведению, становится трудноосуществимым.

Будущие психологи самого юного возраста и взрослые переходного возраста также характеризуются по-разному по схеме «жесткие стандарты / придирчивость»: убеждения, подталкивающие неукоснительно следовать установленным нормам и правилам, характерными оказываются для юношей. Одной из задач юности является интериоризация морали, т. е. в юности индивид более чувствителен к осознанию норм и правил, а также к их исполнению как самим, так и обществом в целом [1].

Важно указать, что результаты исследования, опубликованного М. А. Тихомировой, Н. В. Гришиной в 2016 году, по выявлению РДС в контексте психологического благополучия на неклинической выборке респондентов, дифференцированной по принципу аналогично нашему исследованию, имеют ряд совпадений. Примечательно, что схожие результаты были получены не только по факту наибольшей степени выраженности РДС («самопожертвование», «жесткие стандарты / придирчивость», «покинутость / нестабильность») у самой молодой группы, но и при попарном сравнении разновозрастных групп значимых различиях по отдельным схемам [8].

Схема же «уязвимость» в нашем исследовании оказалась статистически значимо более выражена у респондентов в переходный возраст, что обусловливается «объективными ограничениями активности взрослого человека, которые убавляют оптимизм молодости» [1, с. 470]. В возрасте 30–35 лет происходит ряд физиологических и психологических изменений, свидетельствующих о впервые возникающих ограничениях своих физических ресурсов и изменении собственной Я–концепции на основе обновленной концепции жизни [1].

Подводя итог сказанному, можно заключить, что будущие психологи в возрастном континууме различаются в проявлении таких схем, как связи и отвержения, автономия, сверхбдительность и запреты, направленность на других [8] Большинство схем данных категорий более выражены в юности, частично в переходном возрасте, в наименьшей степени проявляются в зрелости.

Результаты проведенного нами исследования влияния возраста на специфику проявлений РДС студентов психологических специальностей позволяют сформулировать ряд выводов.

1. Возраст выступает фактором, оказывающим влияние на динамику проявлений РДС у студентов психологического направления. Динамика проявления схем характеризуется пиком выраженности в ранней юности

и постепенным ослаблением с увеличением возраста. Исключение составила схема «уязвимость», максимально выраженная в переходном возрасте.

2. В зависимости от возраста различаются схемные профили студентов в подпериодах юности и взрослости. О наибольшем уровне выраженности (среднем) схем позволяют заявить результаты в 1–4 подгруппах по схемам, связанным с выполнением установленных правил, самопожертвованием и дефицитом связей с другими людьми, а также в 5-й подгруппе по дезадаптивным когнитивным убеждениям о неукоснительности выполнения правил и главенстве чужих интересов и потребностей.

3. Выявление влияния возрастного фактора на РДС позволит прогнозировать личностные изменения, определяющие возможности и ограничения в профессиональной деятельности субъекта труда.

В завершение отметим, что статья содержит представление о ходе и результатах фрагмента эмпирического исследования по проблематике личностных детерминант профессиональной деятельности. С целью изучения возрастной динамики РДС нами было проведено исследование на выборке студентов, обучающихся по образовательным программам психологических направлений подготовки в очной и заочной формах обучения. Выявлено, что возраст является признаком, имеющим влияние на выраженность РДС. Однако различия в связи с возрастными особенностями юности и взрослости как ключевыми периодами профессионального становления и развития имеют пять из восемнадцати схем. Вместе с тем обнаруженные авторами работы различия проявляют возрастную специфику практически полного, в соответствии с концептуальной моделью, комплекта категорий схем. Продемонстрированные в работе результаты исследования дотраивают научное понимание феномена РДС и его проявлений в профессиональных выборках респондентов.

Ссылки

1. Абрамова Г. С. Возрастная психология. М.; Екатеринбург, 2000. 624 с.
2. Карпов А. В., Курочкина С. В. Особенности индивидуально-психологических свойств личности студентов – участников инновационной деятельности // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2019. № 1(47). С. 66–70.
3. Перевозкина Ю. М., Федоришин М. И. Системный подход в психологии индивидуальности // Ярославский психологический вестник. 2019. № 3(45). С. 12–13.
4. Young J., Klosko J., Weishaar M. Schema therapy. N. Y; L., 2003. 449 p.
5. Касьяник П. М., Романова Е. В. Диагностика ранних дезадаптивных схем. СПб., 2016. 151 с.
6. Schema Therapy in Adolescents with Disruptive Behavior Disorders / M. F van Wijk-Herbrink [et al] // International Journal of Forensic Mental Health. 2017. Vol. 16(3). P. 261–279.
7. Эриксон Э. Г. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 340 с.
8. Тихомирова М. А., Гришина Н. В. Ранние дезадаптивные схемы в контексте психологического благополучия // Петербургский психологический журнал. 2016. № 16. С. 83–102.

Personal determinants of mental reliability students

D. O. Filatov¹

¹Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov, 87 Gorky str., Vladimir, 600000, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-172-180

Research article
Full text in Russian

The author's typologization of college students according to the criteria of stability and efficiency in educational and professional activities is presented. These criteria allow us to analyze the features of mental reliability of college students in the conditions of performance of activities. The article describes the results of a mathematical and statistical analysis of empirical data that allowed us to identify and substantiate the personal determinants of mental reliability of college students, their interrelationships on samples of students with varying degrees of effectiveness. The article shows how the personal qualities of students are related to the factors of mental reliability. The identification of personal determinants of mental reliability based on the structural method and correlation analysis allows us to implement programs of psychological support for college students in order to form and develop their professional competencies and professionally important qualities.

Keywords: personal determinants; mental reliability; college students; educational and professional activity

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Filatov, Denis O. | E-mail: filvladimir1993@rambler.ru
| Postgraduate

Личностные детерминанты психической надежности студентов

Д. О. Филатов¹

¹Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, ул. Горького, 87, г. Владимир, 600000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-172-180
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Представлена авторская типологизация студентов колледжа по критериям стабильности и эффективности в учебно-профессиональной деятельности. Данные критерии позволяют анализировать особенности психической надежности студентов колледжа в условиях выполнения деятельности. В статье описаны результаты математико-статистического анализа эмпирических данных, позволивших выделить и обосновать личностные детерминанты психической надежности и их взаимосвязи на выборках студентов с различной степенью эффективности. В статье показано, каким образом личностные качества студентов связаны с факторами психической надежности. Выделение личностных детерминант психической надежности на основе структурного метода и корреляционного анализа позволяют реализовать программы психологического сопровождения студентов колледжа с целью формирования и развития у них профессиональных компетенций и профессионально-важных качеств.

Ключевые слова: личностные детерминанты; психическая надёжность; студенты колледжа; учебно-профессиональная деятельность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Филатов, Денис Олегович | E-mail: filvladimir1993@rambler.ru
Аспирант

Постановка проблемы

Аристотель в своей «Метафизике» изложил учение о четырех причинах, или началах, усвоенное средневековой схоластикой, но доселе ещё не исчерпанное философским мышлением. При поиске причин бытия, а также любых предметов или явлений вообще необходимо ставить не один, а четыре различных вопроса, при ответе на которые мы получаем полное понятие о данном предмете. [1]. В нашем исследовании предпринята попытка

© Филатов Д. О., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

выделения и изучения личностных детерминант психической надежности студентов колледжа в условиях учебной деятельности.

Детерминанты личности – группы факторов, предопределяющие формирование и развитие личности [2]. Фактор – это причина, движущая сила какого-либо психического изменения, явления. Определение детерминант есть процедура выделения ведущего фактора по принципу наибольшего «значения». Осуществить данный поиск можно путем вычитания фактора с наибольшим «значением» действия на заданное явление из суммы факторов [1]. В настоящее время наиболее исследованные детерминанты – это биологические (наследственность, генетика, физиология), социальные (родители, семья, сверстники, соседи, друзья, Я-концепция, архетипы), ситуационные и культурные факторы, представляющие собой характеристики обширной социокультурной среды, существенно влияющие на личность и формирующие её иерархию ценностей, социальную динамику [3–5].

По нашему мнению, психическая надёжность студентов колледжа – это интегральное свойство личности, обуславливающее процессуальные и результативные параметры учебно-профессиональной деятельности и проявляющееся в отношении к себе, делу и другим людям [6].

Процедура и методы исследования

В ходе исследования предпринята попытка выделения личностных качеств, способствующих формированию и развитию психической надёжности у студентов колледжа. Исследование было проведено на базе колледжа инновационных технологий и предпринимательства Владимирского государственного университета. Выборка состояла из 110 студентов колледжа в возрасте 18–20 лет.

Для измерения и анализа факторов из блоков «Личностные качества» и «Психическая надёжность» применялись следующие методики: Многофакторный личностный опросник Кеттелла 16PF (в адаптации В. И. Похилько, А. С. Соловейчик, А. Г. Шмелева (1987)), «Изучение качественно-модальных эмоциональных особенностей» Л. А. Рабиновича, «Опросник волевых качеств личности» М. В. Чумакова [7], «Определение эмоциональной чувствительности к стрессовым факторам» В. Э. Мильмана [4], «Рельеф психического состояния личности» А. О. Прохорова, «Отношение к жизнедеятельности» В. А. Зобкова. Исследование осуществлялось поэтапно. Первый этап – сбор эмпирических данных, разделение выборки на три группы студентов по критериям: эффективность и стабильность в учебно-профессиональной деятельности (нестабильно-эффективных, стабильно-эффективных, нестабильно-неэффективных). На втором этапе проводилась математическая обработка данных (корреляционный и структурный анализ, расчет критерия Фишера) с целью выделения и описания различий личностных детерминант психической надежности студентов колледжа по трем выборкам (дифференцированно).

Результаты исследования и их обсуждение

Дифференцированный анализ по выборкам нестабильно-эффективных, стабильно-эффективных, нестабильно-неэффективных студентов колледжа предполагал описание существующих взаимосвязей между особенностями личности и параметрами психической надёжности (табл. 1–3).

Таблица 1

Показатели корреляционных взаимосвязей в блоках «личностные качества» и «психическая надёжность» в выборке нестабильно-эффективных студентов

№ фактора Блок 1	Удельный вес фактора	Связь с факторами Блока 2	№ фактора Блок 1	Удельный вес фактора	Связь с факторами Блока 2
1	7	28, 29, 30, 38, 41, 54 (-2)	12	1	29 (-1)
2	1	34	14	7	27 (-1), 38 (-2), 39 (-1), 41 (-3)
3	3	25 (-1), 27 (-1), 28	16	2	27, 36 (-1)
4	1	36 (-1)	18	2	34, 54
5	1	41	31	1	24 (-1)
6	1	24	32	1	26 (-1)
7	2	22 (-1), 26 (-1)	42	2	30, 41
8	4	22 (2), 29 (2)	43	1	34
9	2	23, 28	44	5	30, 38 (-2), 41 (-1), 54
10	4	28 (-1), 30 (-2), 41 (-1)	45	2	39, 45

В структурограмме по выборке нестабильно-эффективных студентов в блоке «личностные качества» выявлено два ядра: стремление выглядеть лучше (7) и тревожность (7) при высоком уровне успеваемости. Оба ядра имеют обратную корреляционную связь с ядром блока «психическая надёжность» – поведение (8). Фактор стремление выглядеть лучше находится в прямой взаимосвязи с другими факторами блока «психическая надёжность»: энергичность (+1), внимательность (+1), целеустремлённость (+1), психические процессы (+1) и отрицательно коррелирует с отношением студента к себе, другим и деятельности (-1).

Тревожность имеет обратные корреляционные связи с факторами блока «психическая надёжность»: настойчивость (-1), энергичность (-1), физиологические реакции (-1). Фактор поведение как ядро блока психической надёжности имеет положительные взаимосвязи с эмоциональными реакциями студента в отношении к себе: радость (положительная взаимосвязь) и страх (отрицательная взаимосвязь).

Показатели корреляционных взаимосвязей в блоках «личностные качества» и «психическая надёжность» в выборке эффективно-стабильных студентов

№ фактора Блок 1	Удельный вес фактора	Связь с факторами Блок 2
1	11	22, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 38, 39, 40, 41
2	5	34, 24(-1), 27(-1), 30(-1), 41(-1)
3	3	23, 27, 28
4	1	36
5	13	23, 24, 26, 27, 28, 29, 30, 38, 39, 40, 41, 36(-1), 54(-1)
6	6	24, 27, 28, 29, 38, 40
7	4	23, 28, 38, 40
8	1	22
9	10	23, 24, 27, 28, 29, 30, 38, 39, 40, 41
10	6	27(-1), 29(-1), 38(-1), 39(-1), 40(-1), 41(-1)
11	2	36, 37
13	4	22, 25, 26, 34(-1)
14	14	34, 22(-1), 23(-1), 24(-1), 25(-1), 26(-1), 27(-1), 28(-1), 29(-1), 30(-1), 38(-1), 39(-1), 40(-1), 41(-1)
16	9	34, 23(-1), 24(-1), 27(-1), 28(-1), 30(-1), 38(-1), 40(-1), 41(-1)
17	8	22, 25, 27, 29, 30, 38, 41, 34(-1)
18	10	34, 54, 22(-1), 24(-1), 26(-1), 28(-1), 29(-1), 30(-1), 40(-1)
31	10	24(-1), 25(-1), 27(-1), 28(-1), 29(-1), 34, 38(-1), 39(-1), 40(-1), 41(-1)
32	9	23, 24, 27, 28, 29, 38, 39, 40, 41
33	8	24(-1), 25(-1), 26(-1), 27(-1), 28(-1), 29(-1), 39, 40
42	10	23, 27, 28, 29, 30, 38, 39, 40, 41, 54
43	7	25(-1), 26(-1), 27(-1), 28(-1), 34, 36, 54
44	11	23(-1), 24(-1), 27(-1), 28(-1), 29(-1), 30(-1), 36, 38(-1), 39(-1), 40(-1), 41(-1)
45	9	24(-1), 25(-1), 26(-1), 27(-1), 28(-1), 30(-1), 34, 36, 54
53	1	24

В выборке эффективно-стабильных студентов в блоке «личностные качества» выявлено четыре ядра: эмоциональная стабильность (13), тревожность (14), стремление выглядеть лучше (11) и страх за себя (11) при среднем уровне успеваемости. Все ядра взаимосвязаны. Эмоциональная стабиль-

ность находится в отрицательной взаимосвязи с факторами тревожность (-1) студента и его страхи (-1) в отношении себя. Эмоциональная стабильность усиливает у студента стремление и желание выглядеть лучше (+1) в глазах преподавателей и других студентов.

Ядрами в блоке «психическая надежность» по данной выборке студентов являются: энергичность (15), настойчивость (13), внимательность (10) и целеустремленность (10). Все ядра между собой взаимосвязаны и находятся в тесной (+2) прямой связи.

Ядра двух блоков взаимосвязаны. Между эмоциональной стабильностью, стремлением проявить себя с лучшей стороны и энергичностью (+1), настойчивостью (+1), внимательностью (+1) и целеустремленностью (+1) существуют прямые взаимосвязи. Тревожность и личностные страхи студентов находятся в обратной связи с показателями по шкалам: энергичностью (-1), настойчивостью (-1), внимательностью (-1) и целеустремленностью (-1).

Таблица 3

Показатели корреляционных взаимосвязей в блоках «личностные качества» и «психическая надёжность» в выборке неэффективно-нестабильных студентов

№ фактора Блок 1	Удельный вес фактора	Связь с факторами Блок 2	№ фактора Блок 1	Удельный вес фактора	Связь с факторами Блок 2
1	3	25, 27, 29	15	2	54 (-1), 23 (-1)
2	1	26 (-1)	16	2	39 (-1), 40 (-1)
3	1	41 (-1)	18	1	35 (-1)
4	2	37 (-1), 54 (-1)	31	3	28, 24 (-1), 27 (-1)
5	1	30	32	3	23, 27, 28
7	1	22 (-1)	42	6	26, 28, 29, 35 (-1), 38, 41
9	1	24	43	1	26 (-1)
11	1	37	44	4	26 (-1), 27 (-1), 29, 54
12	2	54 (-1), 34 (-1)	45	2	25 (-1), 26 (-1)
14	1	29 (-1)	53	2	25 (-1), 27 (-1)

В выборке неэффективно-нестабильных студентов в блоке «личностные качества» выявлено преобладание среди всех типов отношения – отношение к себе. Эмоции радости (6) и страха (4) в отношении себя и являются ядрами структурограммы, полученной по данной выборке. Ядра не имеют между собой прямой связи. Они взаимодействуют опосредованно через собственные плеяды. Плеядой ядра радостное отношение явля-

ются следующие факторы из блока психической надежности: выдержка (1), энергичность (1), внимательность (1), особенности функционирования психических процессов (1) и поведения (1); отрицательная взаимосвязь выявлена с эмоциональной чувствительностью к факторам внешней неопределенности (-1). Плеяду ядра эмоции страха в отношении себя составляют факторы блока психической надежности: внимательность (1), отношения студента с окружающими его людьми (1), а также отрицательные связи с показателями: выдержка (-1) и настойчивость (-1).

Ядром в блоке «психическая надежность» является выдержка (8). Ядро имеет отрицательные связи с ядрами блока личностных качеств: эмоции радости (-1) и страха (-1) в отношении себя. Эмоции страха и радости за себя не всегда позволяют проявлять выдержку и сдержанное поведение студентами данной выборки, что может проявляться в особых моделях поведения и общения с другими людьми (-1) и в отношении к себе (-1). Настойчивость (5) позволяет студентам данной выборки добиваться выглядеть в глазах окружающих лучше (1) и создавать ситуации, в которых они испытывают эмоции радости (1). Однако при взаимодействии с другими людьми настойчивость не помогает выстраивать отношения (-1), что может сопровождаться и возникновением страха (-1).

Необходимо отметить, что структурная организация личностного блока «психическая надежность» по выборке эффективно-стабильных студентов имеет более множественные связи, чем в двух других выборках (табл. 4).

Структурограмма по выборке эффективно-стабильных студентов характеризуется преобладанием положительных взаимосвязей между факторами указанных блоков. Можно предположить, что наличие множественных взаимосвязей детерминируют психическую надежность студентов колледжа.

Структурограмма по выборке неэффективно-нестабильных студентов характеризуется незначительным преобладанием положительных взаимосвязей над отрицательными между факторами двух блоков: «личностные качества» и «психическая надежность». Это может свидетельствовать об отсутствии жестких устоявшихся связей между личностными качествами и проявлением психической надежности студентов колледжа из данной выборки.

Структурная организация по выборке нестабильно-эффективных студентов имеет наименьшее количество взаимосвязей. При этом наблюдаются незначительные отличия по количеству положительных и отрицательных связей между блоками. Можно предположить, что относительная подвижность структуры оказывает влияние на детерминацию психической надежности личностными качествами студентов колледжа данной выборки.

Сравнительный анализ структурограмм (коррелограмм) блоков «личностные качества» и «психическая надёжность» в выборках нестабильно-эффективных, эффективно-стабильных и неэффективно-нестабильных студентов колледжа

Системные индексы	Выборка нестабильно-эффективных студентов	Выборка эффективно-стабильных студентов	Выборка неэффективно-нестабильных студентов	φ^* – критерий Фишера
ИКС	64	213	82	$n1$ и $n2$ φ^* эмп. = 0.714 $n2$ и $n3$ φ^* эмп. = 0.714 $n1$ и $n3$ φ^* эмп. = 0.714
ИДС	53	140	55	$n1$ и $n2$ φ^* эмп. = 0.863 $n2$ и $n3$ φ^* эмп. = 0.721 $n1$ и $n3$ φ^* эмп. = 0.141
ИОС	11	73	27	$n1$ и $n2$ φ^* эмп. = 2.425 ($p \leq 0,01$) $n2$ и $n3$ φ^* эмп. = 2.249 ($p \leq 0,05$) $n1$ и $n3$ φ^* эмп. = 0.177

Для проверки различий в структурной организации блоков «личностные качества» и «психическая надёжность» в выборках эффективно-нестабильных, эффективно-стабильных и неэффективно-нестабильных студентов колледжа был применен многофункциональный φ^* – критерий Фишера. Сравнительный анализ показал, что по индексу организации системы (ИОС) по выборке эффективно-стабильных студентов колледжа значительно отличается от ИОС структурограмм, полученных по выборкам неэффективно-нестабильных (φ^* эмп. = 2.249 при $p \leq 0,05$), нестабильно-эффективных (2.425 при $p \leq 0,01$). Необходимо отметить, что при дифференцированной оценке структурограмм (коррелограмм) (индексы когерентности системы (ИКС) и дифференциации системы (ИДС)) различия выявлены не были.

Выводы

1. По итогам анализа и интерпретации результатов исследования нами были выявлены личностные детерминанты психической надёжности в трёх выборках студентов колледжа с различной эффективностью учебно-профессиональной деятельности. В выборке эффективно-стабильных студентов личностными детерминантами являются: эмоциональная стабильность, стремление выглядеть лучше при среднем уровне успеваемости. В выборке нестабильно-эффективных студентов выявлены факторы: стремление выглядеть лучше и тревожность при высоком уровне успевае-

мости. В выборке неэффективно-нестабильных студентов выявлено преобладание среди всех типов отношения – отношение к себе.

2. Следуют отметить важность организации и проведения программ психологического сопровождения студентов колледжа на начальных этапах профессионализации и целесообразность введения в учебные планы всех направлений подготовки дисциплины «Психология».

Ссылки

1. Аристотель. Метафизика. URL: https://studopedia.ru/6_69609_metafizika-aristotelya.html (дата обращения: 21.12.2021).

2. Габдреев Р. В. Психологические механизмы овладения профессиональной деятельностью. Набережные Челны, 2000. 143 с.

3. Зеер Э. Ф. Профессионально-образовательное пространство личности. Екатеринбург, 2002. 126 с.

4. Методики психодиагностики в спорте / В. Э. Мильман [и др.] М.: Просвещение, 1990. 256 с.

5. Психология здоровья: учебник для вузов / под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Питер, 2006. 607 с.

6. Филатов Д. О. Психическая надежность спортсмена и ее компоненты // Экономика и управление: проблемы, решения: научно-практический журнал. М.: Издательский дом «Научная библиотека». 2020. № 4, т. 2 (100). С. 121–126.

7. Чумаков М. В. Диагностика волевых свойств личности. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2012. 126 с.